

П
И

Б.Б.КАФЕНГАУЗ

ПЁТР

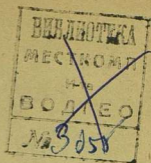
ПЕРВЫЙ
и
ЕГО ВРЕМЯ

УЧПЕДГИЗ · 1948

1672 - 1725

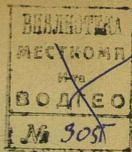
ШКОЛЬНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Пётр I.
Худ. Кнеллера.

Б. В. КАФЕНГАУЗ

ПЭТР

И

и

ЕГО

ВРЕМЯ

к-12

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

МОСКВА
1948

681143 КХ-редк

Российская государственная
детская библиотека

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕТСТВО и ЮНОСТЬ
ПЕТРА I

В ночь на 30 мая 1672 года в Москве в Кремлёвском дворце у царя Алексея Михайловича и его жены, царицы Натальи Кирилловны, родился сын Пётр. В честь рождения царевича в Успенском соборе отслужили торжественный молебен, на радостях царь Алексей объявил пожалования и повышения по службе, в особенности родственникам царицы. По случаю наступившего «петровского поста» празднование рождения царевича было отложено на месяц. По окончании поста, на праздник «Петра и Павла», 29 июня, его крестили, и на другой день царь Алексей принимал поздравления. В самой обширной зале Кремлёвского дворца, в Грановитой палате, состоялся в честь новорождённого торжественный «родильный стол» для знати, духовенства, высших военных чинов и богатейших купцов. Угощение было обильным. На столе возвышался сделанный из сахара Кремль с сахарными башнями, пушками, всадниками и пехотинцами. Гостям были поданы сладкая коврижка с изображением государственного герба, весившая два с половиной пуда, два сахарных орла, белый и красный, весом каждый по полтора пуда, лебедь, утка, попугай и голуби, также из сахара. Согласно обычаю, гости получили на дом по сахарному блюду.

Пётр I в детстве:

Пётр рос здоровым, подвижным ребёнком и рано начал ходить. Его окружали многочисленные слуги и няни. Для игр к царевичу были приставлены дети бояр, его увеселяли карлики-шуты. В особых покоях Кремлёвского дворца, где жил царевич, всё было устроено со всевозможной роскошью. Окна покоев были расписаны яркими красками по слюде, которую употребляли тогда вместо оконного стекла, стены обиты цветными сукнами. У маленького Петра было много игрушек: тут и барабаны, и игрушечная пушка, и луки со стрелами, топорыки, зна-

мёна, игрушечные пистолеты и ружья, музыкальные инструменты — цымбалы, клавикорды, каретка, в которой он катался по комнате, серебряный кораблик. Особое место занимал деревянный конь, обтянутый жеребьячьей кожей и поставленный на колёса, с седлом, с позолоченными стременами и с уздечкой, украшенной изумрудами.

Из Кремля царевич выезжал в маленькой карете, запряжённой четырьмя лошадками. Карету сопровождали карлики. Лето царская семья проводила в подмосковных сёлах — Хорошёве, Преображенском или Измайлове, где царь Алексей любил «тешиться» соколиной охотой и где устраивались театральные зрелища с музыкой и танцами.

Так прошло около четырёх лет. В январе 1676 года царь Алексей внезапно заболел и, прохворав десять дней, скончался.

После Алексея Михайловича остались два сына и шесть дочерей от первого брака царя и двое детей — Пётр и Наталья—от второго брака. Царём стал старший сын Алексея — Фёдор, юноша 15 лет, болезненный, с опухшими ногами; даже за гробом отца его несли в

Детская карета Петра I.

кресле. За молодостью царя Фёдора, страной управляли бояре; царь был послушной игрушкой в руках придворных партий. Власть в это время на деле принадлежала боярам Милославским, родственникам царя по матери, вышедшей из семьи Милославских. К этой партии принадлежала и старшая сестра Фёдора, умная и властная царица Софья. Другую партию составляла родня царевича Петра, его мать — царица Наталья Кирилловна — и бояре Нарышкины. В жизни маленького Петра в это время особых перемен не произошло. На восьмом году Петра отнимают от нянек и передают в руки воспитателей-мужчин. В это время, вероятно, начинается его обучение грамоте.

Царствование Фёдора Алексеевича продолжалось всего 6 лет. В 1682 году, 27 апреля, он скончался. После смерти Фёдора оставались два брата: старший Иван от первой жены царя Алексея и младший Пётр. Ивану Алексеевичу было 20 лет, но он был больной и почти слепой, по словам современника, страдал болезнью «очей, языка и прочими многими скорьбами». Пётр же был здоровым и бойким мальчиком, казавшимся много старше своих десяти лет.

Милославские и царица Софья старались добиться провозглашения царём Ивана Алексеевича, при котором они сохранили бы власть в своих руках. За воцарение Петра стояли Нарышкины, а также наиболее влиятельные при царице Фёдоре его приближённые — Языков и Лихачёвы. Обе придворные партии опасались друг друга и приготовились ко всяким неожиданностям.

Для решения вопроса о царе в Кремлёвском дворце были собраны бояре и высшее духовенство. Затем собрали московских дворян, богатейших купцов и старост московских сотен, т. е. представителей мелкого городского люда, ремесленников и торговцев. Патриарх спросил собравшихся: кому из царевичей быть теперь царём. Голоса разделились. Патриарх примкнул к партии Нарышкиных, и Пётр был провозглашён царём.

Однако Милославские не считали своё дело проигранным. Возвращаясь с похорон Фёдора, Софья «вопила», что царя Фёдора врачи отравили, а Ивана недруги отстранили от царской власти. «Умилосердитесь над нами, сиротами, или отпустите в чужую землю, к королям христианским», — обращалась она к народу.

Милославские и Софья искали поддержки в стрелецком войске и для этого раздавали стрельцам деньги и не скупились на обещания.

Московские стрельцы были не только военными людьми. Они жили в стрелецких слободах вместе с жёнами и детьми своим домом. Получая небольшое жалованье, большинство из стрельцов промышляло мелкой торговлей и ремеслом; среди них выделялась богатая верхушка. У стрельцов к этому времени было много поводов для недовольства. Ещё за два месяца до смерти царя Фёдора один из стрелецких полков жаловался на злоупотребления полковника Грибоедова, обвиняя его в растрате стрелецкого жалованья и в том, что он заставлял стрельцов строить ему дом и работать на его огородах. Жалобу оставили без внимания. За четыре дня до смерти царя стрельцы подали вторую жалобу, и опять правительство не посчиталось с этой жалобой. Царевна Софья и её сторонники воспользовались возбуждением стрельцов, и когда была подана третья челобитная, уже после смерти царя Фёдора, то полковники — обидчики стрельцов — были брошены в тюрьму. В царевне Софье и в Милославских стрельцы видели своих защитников.

15 мая 1682 года стрельцы ударили в набат. С криками, что Нарышкины задушили царевича Ивана, они вступили в Кремль. Бояре хотели успокоить стрельцов и вышли к ним с обоими царевичами, но стрельцы стремились расправиться со своими противниками; они бросились во дворец и там убили двух Нарышкиных, боярина Матвеева, Долгорукова, Языкова, двух придворных врачей и некоторых других.

Стрельцы потребовали, чтобы царствовали вместе Иван и Пётр, а за неспособностью первого и за малолетством второго управляла страной царевна Софья. Сначала Софья притворно отказывалась, но затем согласилась. Так в 1682 году началось регентство царевны Софьи.

Вскоре после этих событий, в 1683 году, царям представлялись шведские послы. Оба царя сидели на двойном серебряном троне в одеждах, снявших драгоценными камнями. Иван Алексеевич надвинул на глаза шапку и никого не видел, а Пётр «смотрел на всех, лицо у него открытое, красивое, а живость его приводила в замешательство степенных сановников московских», — писал секретарь шведского посольства. Когда посланник подал

верительную грамоту и оба царя должны были встать в одно время и спросить о королевском здоровье, Пётр, не дал времени дядькам приподнять себя и брата, как требовалось этикетом, а стремительно вскочил с своего места, приподнял царскую шапку и проговорил скороговоркой: «Его королевское величество, брат наш Каролус Свейский (т. е. шведский) по здорову ль?»

Пётр казался значительно старше своих одиннадцати лет. В это время он учится чтению и письму. Его учитель Никита Зотов не мог дать царю глубоких и прочных знаний. Пётр получил отрывочные сведения по истории и географии, писал плохо, с ошибками. Больше, чем книги, Петра занимают военные забавы. Для игр он имел барабаны и знамёна, у его дворца в Кремле стоял потешный шатёр, а возле него деревянные пушки, опаянные внутри железом. Летом на Воробьёвых горах для потехи Петра производилась стрельба из настоящих пушек. Кроме деревянных игрушечных лошадок, в распоряжении Петра имелись и настоящие лошади, за которыми ухаживали 10 конюхов. В подмосковном селе Преображенском возник целый потешный городок.

Село Преображенское, в 7 километрах от Кремля, располагалось на берегу реки Яузы. Здесь находился летний дворец Алексея Михайловича, любившего приезжать сюда охотиться и отдохнуть. Против дворца на берегу Яузы, когда Петру было 12 лет, был построен потешный городок — крепость со стенами, башнями и окопами, наполовину деревянная, наполовину земляная. Крепость называлась Пресбург. Два года спустя городок был укреплён дубовыми сваями, на которых стояли стены с башнями по углам. Самая большая башня, в три этажа с часами, была воздвигнута над въездными воротами. Городок окружал ров, через который перекидывался подъёмный мост. Позднее крепость была расширена. Пётр потребовал сюда солдат, барабанщиков, конюхов, из которых составил два потешных полка — Преображенский и Семёновский.

Наряду с военными потехами, Пётр рано интересовался разными ремёслами. Его внимание сначала привлекло ремесло каменщика, и для Петра были заказаны железные лопатки и молотки. Затем он потребовал оборудование для печатного дела, плотничьи и столярные инструменты, «кузнечную снасть». Занимаясь ремёслами, Пётр

привык с детства обращаться с различными инструментами, получил навык к разному мастерству.

Пятнадцатилетним мальчиком Пётр просил Я. Долгорукова, уезжавшего послом за границу, привезти ему астролябию и готовальню. Долгоруков по возвращении поднёс их в подарок царю. Но среди приближённых царя никто не знал, как пользоваться этими приборами. Знающего человека отыскивали среди иностранцев, живших в Иноземной слободе; это был голландец Франц Тиммерман. Он стал обучать Петра арифметике, геометрии и фортификации. Так любознательность юного царя побудила его вновь засесть за тетради и книги.

Тогда же пробуждается интерес Петра к кораблестроению. Вот как сам он впоследствии вспоминал об этом в предисловии к Морскому уставу: «Случилось нам быть в Измайлове¹ на Лыняном дворе, и гулял по амбарам, где лежали остатки вещей дому деда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидел я судно иностранное, спросил вышереченного Франца, что то за судно? Он сказал, что то бот английский. Я спросил: где его употребляют? Он сказал, что при кораблях для езды и возки. Я паки² спросил, какое преимущество имеет пред нашими судами (понеже³ видел его образом и крепостью лучше наших)? Он мне сказал, что он ходит на парусах не только что по ветру, но и против ветру; которое слово меня в великое удивление привело и явно бы и невероятно».

Бот был починён корабельным мастером Брантом, и Пётр плавал на нём по Яузе, а затем по Просянному пруду в Измайлове. Но здесь было тесно Петру, и он перенёс свои потехи на Переяславское озеро, где тот же Брант построил два малых фрегата и три яхты.

Пока Пётр занимался учением и потехами, царевна Софья вела все государственные дела. Характеризуя правительницу, француз Невиль писал: «Хотя она никогда не читала Макиавелли, но по природе знает его принципы и особенно то, что нет ничего, никакого преступления, которого нельзя было бы предпринимать, раз дело идёт о получении власти».

Во время правления Софьи были совершены два похода

¹ Царское село под Москвой.

² Паки — снова.

³ Понеже — так как.

против Крымского ханства, находившегося в зависимости от Турции. Победа над крымскими татарами освободила бы южные области от частых разбойничьих набегов татар и дала бы возможность России занять огромные плодородные пространства южных степей, остававшихся пустынными вследствие постоянной татарской опасности. Кроме того, Крым являлся для России ключом к Чёрному морю. Летом 1687 года русское войско под начальством князя В. В. Голицына выступило в поход. Но в степях начались пожары, люди и лошади гибли от зноя и недостатка воды и продовольствия, поэтому Голицын, не дойдя до Крыма, повернул полки обратно в Москву, где начал готовиться к новому походу.

Вторично он двинулся на Крым в феврале 1689 года. Русские войска дошли до Перекопа крайне усталыми, два дня люди оставались без воды. Голицын пытался начать мирные переговоры с крымским ханом, но переговоры не дали положительных результатов. Преследуемый татарами, Голицын отступил вновь. Неудачи военных походов колебали положение правительства Софьи.

В это же время поднимали голову сторонники Петра. Петру не было ещё полных 17 лет, когда мать женила его на красавице-боярышне Евдокии Лопухиной. Но царь не изменил своего образа жизни и после женитьбы. Он попрежнему увлекается «потешными играми», но требует в свои «потешные» полки уже не мальчиков, а солдат.

Софья видела опасность со стороны возмужавшего Петра. Она цепко держалась за власть, именовала себя самодержицей и думала венчаться на царство. Стрельцов она рассматривает как свою военную опору. Окружавшие Софью лица пытались поднять новый стрелецкий мятеж, намекая при этом на желательность убийства Петра. Пётр с матерью, с одной стороны, и царевна Софья, с другой, с опасением следят друг за другом.

7 августа 1689 года в Москве распространился слух о том, что потешные ночью вступят в Кремль с целью убить царя Ивана и его сестёр. Было приказано запретить Кремль и поставить на его охране полк стрельцов. Пётр в это время находился под Москвой в селе Преображенском. Возбуждённые ночной тревогой, два стрельца — приверженцы Петра — поскакали в Преображенское предупредить Петра об опасности.

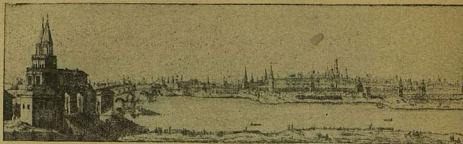

Царевна Софья. (С карт. И. Репина.)

Пётр немедленно выехал в Троице-Сергиевский монастырь, расположенный в 60 верстах от Москвы. На следующий день туда же прибыли его мать, жена, а также потешные войска и верный Петру стрелецкий полк, стоявший в Преображенском.

Пётр потребовал выслать к нему всех командиров стрелецких полков и по 10 человек рядовых от каждого полка. Софья отменила это приказание царя. В России возникло как бы два правительства.

Патриарх отправился для переговоров в Троице-Сер-

Москва в нача

гневский монастырь и там остался. Пётр вторично приказал явиться к нему начальным людям и по 10 человек рядовых от стрелецких полков; за неисполнение он грозил смертной казнью.

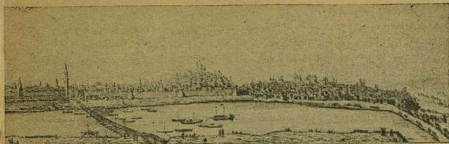
Приказание Петра было выполнено, толпы стрельцов и старосты городских слобод и сотен двинулись к Троице. Пётр в присутствии патриарха объявил прибывшим о замыслах против него стрелецкого начальника Шакловитого.

Софья в сопровождении виднейших бояр также направилась к брату. Но в пути её встретили посланные от Петра и потребовали вернуться обратно.

Софья собрала в Кремлёвском дворце стрелецких главарей, убеждая их не верить грамотам Петра; о том же она говорила на площади стрельцам и толпам народа. Но стрельцы настаивали на исполнении приказа Петра об аресте и выдаче Шакловитого, и Софья вынуждена была отправить его под караулом к Троице вместе с его сторонниками. Ещё раньше к Петру ушли из Немецкой слободы иноземные полковники и офицеры, состоявшие на службе в русской армии.

После пытки и допросов Шакловитый и другие стрелецкие начальники, замешанные в замыслах Софьи, были казнены. Василий Голицын был отправлен в ссылку, Софья — заключена в Новодевичий монастырь под Москвой. В начале сентября Пётр писал своему брату Ивану, оставшемуся в Москве, что они должны оба стоять во главе управления: «А третьему заторному лицу, сестре нашей,... в расправе дел быти не изволяем».

Борьбу Петра с Софьей за власть Лев Толстой сравни-

ле XVIII века.

вал с весами: «...Весы август 1689 года стояли, уравниваясь, весы правительства русского народа. Сначала были слухи, что Нарышкины и Борис Голицын мутят народ, хотят погубить царевну Софью, которая законно царствовала 7 лет; потом стал слух, что царевна Софья с Василием Голицыным мутит народ... В начале сентября весы выровняло, и вдруг началась работа, началось то время, которое называется царствованием Петра Великого».

Ко времени воцарения Петра Россия представляла собой обширное государство со столицей Москвой. Московский Кремль был тесно застроен зданиями; в нём помещались царский двор, дома знатных бояр, важнейшие государственные учреждения. Кремль — старинная крепость, окружённая каменными стенами с башнями. За зубцами стен стояли пушки и размещалась стража. С восточной стороны крепость прикрывалась глубоким рвом, наполненным водой, с юга протекала Москва-река, с северо-запада — речка Неглинка, впадающая в Москву-реку у самых кремлёвских стен. Кремль казался островом. Через ров были перекинуты подъёмные мосты.

За стенами Кремля расстился огромный посад и слободы. Москва в XVII столетии была одним из крупнейших городов в Европе, но, за исключением Кремля и центра, её узкие, кривые улицы были застроены деревянными домами. Выделялись дома бояр и богатых купцов с высокими крыльцами, с резными столбами и деревянными коньками на крышах, отдельные каменные дворцы или палаты московской знати, купола церквей и высоких колоколен. Маленькие подслеповатые окна в домах, затяги-

вавшиеся вместо стекла бычачьими пузырями, а в богатых домах — слюдой, тускло пропускали солнечный свет.

Торговая часть Москвы, примыкавшая к Кремлю со стороны Красной площади, называлась Китай-городом и была также окружена зубчатой крепостной стеной с башнями. Кругом Кремля и Китай-города располагались слободы. Они также были опоясаны каменной стеной (Белый город). Следующий пояс вокруг Москвы представлял земляной вал, на верху которого был выстроен деревянный частокол. Эта часть столицы называлась Земляным городом.

Ворота в стенах и на валу на ночь запирались, а улицы вдобавок пересекались решётками. По неосвещённому городу жители ночью ходили с фонарями, нередко утром находили на улицах убитых и ограбленных. Только главные улицы были покрыты брёвенчатой мостовой.

Россия в XVII веке была обширным государством, занимавшим большую часть восточно-европейской равнины, всю Сибирь, а также Дальний Восток до среднего течения р. Амура и берегов Охотского моря. Населена страна была редко. Большая часть русских крестьян были крепостными помещиков или монастырей. Крепостной крестьянин со своей семьёй составлял собственность господина, который мог его продать, имел право судить и наказывать, даже имущество крестьянина признавалось собственностью помещика. Ушедших от помещика крестьян считали беглыми; при поимке их насильственно возвращали прежним господам. Крестьяне обязаны были работать на барском поле, на барщине, или платили помещику оброк в виде доли урожая с своего хозяйства или деньгами.

Примером хозяйства дворянина конца XVII столетия могут служить владения Андрея Ильича Безобразова. У него был дом в Москве; около барского дома на широком дворе стояли амбары, погреба, конюшни. На дворе жили конюхи, повара, сапожники, портные, всего 80 крепостных, работавших на господина. Из своих крепостных помещик даже составил хор и оркестр. Безобразов очень скупко кормил свою дворню, и дворовые жаловались, что их морят голодом.

Сам Безобразов чаще жил на приволье в деревне, чем в городе. У него было около 2¹/₂ тысяч крепостных обоёго пола. Его деревни были разбросаны в 11 уездах.

Барщина и оброк доставляли Безобразову значительные доходы и давали ему возможность продавать избытки:

Промышленность в стране ещё была развита слабо. В районе Тулы и в других местах добывалась железная руда; кузнецы выделывали необходимые железные изделия; кроме того, было много ткачей, плотников, портных и других ремесленников.

Но в русской промышленности в XVII веке уже появились передовые для того времени крупные промышленные предприятия — мануфактуры. На мануфактурах работали крепостные и наёмные рабочие, каждый из которых был занят одной какой-либо операцией, т. е. внутри мануфактуры имело место разделение труда между рабочими. Это показывает, что мануфактура была более совершенной организацией, чем мелкая мастерская ремесленника. В мануфактурах производство продолжало ещё оставаться ручным, но движущая сила воды посредством мельничного колеса приводила в движение тяжёлые молоты и другие инструменты.

В это время работали железоделательные заводы в районах Тулы и Каширы, близ Серпухова, Малоярославца и около Звенигорода, и делались отдельные попытки разрабатывать руды на Урале. Мануфактуры появились также в текстильном и других производствах. Наличие мануфактур показывает, что в допетровское время русские люди были знакомы с передовыми формами производства.

Значительно развита была внутренняя торговля; отдалённые части страны были связаны торговлей в единый всероссийский рынок. Расширению торговли, в особенности внешней, мешало отсутствие удобных морских гаваней. Ближе всего было Балтийское море, но его побережья находились в руках Швеции, которая ещё в начале XVII столетия захватила принадлежавший России кусок побережья Финского залива. Оставался далёкий северный порт Архангельск на Белом море, которое значительную часть года было покрыто льдами и отстояло далеко от центра страны. Русские купцы редко ездили за границу, не имели своих кораблей, чаще в Россию прибывали иностранцы, скупавшие дёшево русские товары. Дорога на Архангельск была длинной и опасной, порт был мелок и рано замерзал.

Русское войско в основном состояло из дворянской

конницы. Каждый дворянин должен был являться на военную службу с несколькими вооружёнными слугами и крестьянами. Для дворян служба была пожизненной. Но это войско распускалось в мирное время, было слабо дисциплинировано, недостаточно вооружено и не проходило правильного военного обучения. Наряду с дворянской конницей существовали стрелецкие пехотные полки, стоявшие гарнизонами по городам, они же выполняли и полицейскую службу.

Современник Петра писатель Посошков ярко передаёт недостатки русской армии в конце XVII в., накануне реформы: «У пехоты ружьё было плохое, и владеть им не умели, только боронились ручным боем, копьями и бердышами, и то тупыми...» У конницы «клячи худые, сабли тупые, сами нужны (т. е. скудны) и безодежны, и ружьём владеть никаким неумелые. Истинно, государь, я видел, что иной дворянин и зарядить пищали не умеет, а не то что ему стрелять по цели хорошенько». По словам Посошкова, дворяне «попечения о том не имеют, чтоб неприятеля убить; о том лишь пекутся, как бы домой быть... и на службе того и смотрят, чтоб где во время бою за кустами притулиться». «А то я у многих дворян слышал: «дай де бог великому государю служить, а сабли б из ножен не вынимать».

Для улучшения армии сперва пытались нанимать отряды солдат из-за границы, как это практиковалось тогда во многих странах Западной Европы, затем были созданы новые солдатские, рейтарские и драгунские полки, уже проходившие правильное обучение. Солдаты этих полков получали казённое вооружение, но обучались в строю лишь короткое время в году. Наличие этих полков свидетельствует, насколько назрела военная реформа.

Царь выражал интересы землевладельцев-крепостников. Он обладал неограниченной властью. Во время выездов из дворца или при торжественной церковной службе царь был одет в золочёные ткани. «До бога высоко, до царя далеко», — говорили в народе. Царь правил при содействии совета из наиболее знатных бояр, Боярской думы. Его распоряжения проводились в жизнь при помощи многочисленных центральных учреждений, которые назывались «приказами». На местах, в каждом уезде, находился воевода из видных бояр. Воеводы и чиновники, называвшиеся приказными дьяками и подьячими, обирали

народ взятками и поборами. Умственная жизнь народа была ещё скована религией. Но в то же время церковь способствовала развитию некоторых отраслей искусства: архитектура старинных церквей до сих пор восхищает наш взгляд, большого мастерства достигли русские иконописцы. Высокая даровитость русского народа проявилась в устной литературе, в народных песнях и сказках; в это время имелась уже письменная художественная и историческая литература (летописи) и публицистика.

После событий осени 1689 года, когда от управления устранена была царевна Софья, Пётр попрежнему почти не принимал участия в государственных делах. Вместе с больным братом Иваном он выступает на торжественных приёмах, церковных службах и смотрах, а все дела в государстве вели дядя Петра Лев Кириллович Нарышкин и князь Борис Голицын. Один из современников писал, что Б. Голицын «человек, правда, ума великого, токмо прегрешения многие имел: первое — пил непрестанно..., второе — великий мздоимец». Голицын способствовал сближению Петра с иноземцами, состоявшими на русской службе и жившими под Москвой в Иноземной слободе. Особенно Пётр сдружился с генералом Патриком Гордоном и полковником Францем Лефортом, впоследствии генералом и адмиралом. Шотландец Гордон был умным и опытным военным, он уже давно служил в русской армии. Лефорт, родом из Швейцарии (Женева), уступал Гордону в военных знаниях, но привлекал Петра весёлым и общительным характером. Один из русских современников сообщает, что «Лефорт был человек забавный и роскошный или назвать дебошан¹ французский. И непрестанно давал у себя обеды, супе, балы, банкеты, картёжная игра...»

¹ Дебошан — гуляка (франц.).

У молодого Петра в это время было и более серьёзное дело, чем пиры и забавы: он увлекался военными манёврами и кораблестроением.

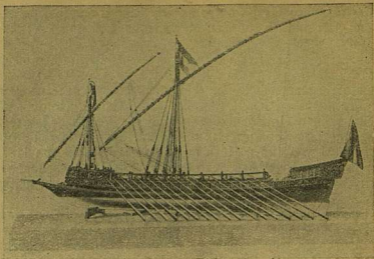
В октябре 1691 года были проведены крупные манёвры под Москвой у села Семёновского. Одним войском командовал «генералиссимус Фридрих», как был назван в шутку князь Ф. Ю. Ромадановский. Сюда входили Семёновский и Преображенский полки, организованные из потешных, два солдатских полка и конница. В этой армии принимал участие и Пётр под именем «ротмистра Петра Алексеева». Второе войско под начальством «генералиссимуса» И. И. Бутурлина состояло из стрелецких полков и конницы.

Военная игра продолжалась четыре дня. Было разыграно примерное генеральное сражение, продолжавшееся пять часов, с участием всей конницы и пехоты. Победил «генералиссимус Фридрих». «Неприятельское войско», состоявшее главным образом из стрельцов, было обращено в бегство, а конница загнана в пруд. В результате военной игры были раненые и увечные, князь И. Д. Долгорукий умер через несколько дней от полученных ран. Потеха закончилась пиром с тостами и пушечной пальбой.

Пётр часто ездил на Переяславское озеро, где участвовал в постройке кораблей на озере. Впоследствии, вспоминая о своих юношеских увлечениях кораблестроением, Пётр писал, что Переяславское озеро оказалось слишком тесным, другое, Кубенское озеро, было мелко, поэтому он «положил своё намерение прямо видеть море; о чём стал просить матери своей, дабы мне позволила, которая хотя обычаем любви матерней в сей опасный путь многократно возбраняла, но потом, видя великое моё желание и неотменную охоту и, нехотя, позволила».

Первая поездка Петра к морю, в единственный русский порт Архангельск, состоялась летом 1693 года. Царя торжественно встречали колокольным звоном, ружейной и пушечной пальбой. Пётр захотел проводить на яхте отплывавшие на запад английские и голландские торговые корабли, и со своей свитой пробыл на море шесть дней, проплыв по Белому морю 300 вёрст.

Только после ряда тревожных писем от матери Пётр отправился в обратный путь. Перед отъездом он распорядился начать постройку большого корабля в Архангельске и закупить один корабль в Голландии. В следую-

Галера времени Петра.

шем 1694 году зимой умерла царица Наталья Кирилловна. После смерти матери Пётр весной того же года вторично побывал в Архангельске. Заложенный здесь корабль был уже готов, вскоре пришёл заказанный в Голландии фрегат, снабжённый 44 пушками и с экипажем в 40 человек. Вместе с прежней яхтой Пётр обладал уже тремя морскими кораблями и плавал на них в открытом море.

На яхте Пётр отправился на Соловецкие острова. В море крепкий ветер перешёл в сильнейшую бурю, и опасность особенно возросла, когда яхта достигла Унских рогов, как назывались два ряда подводных камней. Все были в большой тревоге, и только благодаря искусному лоцману, крестьянину Антипу Тимофееву, яхта миновала опасное место и пристала к ближайшему берегу. Здесь пришлось задержаться на 5 дней, чтобы переждать бурю. В память об этом случае Пётр срубил своими руками крест в полторы сажени, водрузил его там, где пристала яхта, и написал на нём по-голландски: «Этот крест сделал капитан Пётр в лето Христово 1694». Затем он продолжал путь до Соловецких островов и оттуда вернулся обратно в Архангельск.

Два путешествия к морю произвели на Петра неизгла-

димое впечатление. Страсть Петра к мореплаванью соответствовала настоятельным нуждам обширной страны, лишённой выхода в Балтийское море вследствие захвата побережья этого моря шведами.

Последней военной потехой Петра были манёвры под Москвой у деревни Кожухово осенью того же 1694 года. Полками снова командовали Ф. Ромадановский и И. Бутурлин. В этих манёврах много было шутовского, маскарадного; Ромадановский носил шутовской титул: «превысокий генералиссимус князь Фёдор Юрьевич Прешбургский и Парижский и всея Яузы обдержатель». В торжественном шествии войск через всю Москву накануне манёвров принимали участие и царские шуты.

Потеха продолжалась более четырёх недель. Пётр под именем «бомбардира Петра Алексеева» находился с преображенцами в войске Ромадановского. Первая стычка произошла 30 сентября. Стрельцы засели в укрепленном городке. На следующий день Ромадановский повёл свои войска против них. Стреляли холостыми выстрелами, колосили деревянными штыками, бросали ручные гранаты. Но в первый же день оказалось 45 человек обожжённых и раненых. 2 октября Ромадановский стал строить укрепления против стрелецкого городка. Противники поливали друг друга из труб водой, а оба «генералиссимуса» бросились друг на друга и долго бились бичами. Два дня спустя был произведён штурм стрелецкого городка. В него бросали бомбы, гранаты и зажжённую паклю, лили воду из труб. Штурм завершился полным успехом, стрельцы бежали, и городок заняли семёновцы. Таким образом хорошо обученные новые полки — Преображенский и Семёновский — показали своё превосходство над стрельцами. Но Пётр был недоволен слишком быстрым окончанием игры, и через несколько дней городок был снова отдан стрельцам, и осада возобновилась. Осаждающие рыли подкопы, куда ставили ящики с порохом. Взрывом был разрушен вал городка, и тогда преображенцы и семёновцы ворвались в укрепление. В плен был взят Бутурлин, побеждённые воеводы стояли на коленях, прося пощады. Кожуховские манёвры закончились, по обыкновению, торжественным пиром.

Эта военная игра была предвестником весьма серьёзного дела. Пётр в это время продумывал план войны с Турцией.

В январе 1695 года был объявлен сбор войск для похода против крымских татар. Это было сделано в целях маскировки главного удара, который должен быть произведён в другом направлении — против сильнейшей турецкой крепости Азова, которая находилась близ устья реки Дона и запирала путь в Азовское море.

«Шутили под Кожуховым, а теперь под Азов играть едем», — говорил Пётр.

* * *

«Ни одна великая нация никогда не существовала и не могла существовать в таком отдалённом от моря положении, в каком первоначально находилось государство Петра Великого», — писал Карл Маркс.

Россия состояла в союзе с Польшей и Австрией и ещё при царевне Софье вела войну с крымским ханом, вассалом Турции. Но крымские походы под начальством В. В. Голицына окончились полной неудачей.

С тех пор тянулись долгие дипломатические переговоры с Польшей и отчасти с Австрией. Обе державы были не прочь заключить мир с Турцией, нисколько не заботясь при этом о русских интересах. С Польшей у русского правительства шли длительные переговоры, сопровождавшиеся взаимными упрёками в бездействии против общего врага. Россия пыталась самостоятельно договориться с Крымом и Турцией. Эти попытки не увенчались успехами, нападения татар на границы Украины продолжались.

При Петре возобновилась вооружённая борьба за выход к Чёрному морю. Перед походом были учтены уроки прежних неудачных кампаний. Были организованы две армии. Одна армия, состоявшая из дворянской конницы старинного строя в 120 тыс. человек под начальством Б. П. Шереметева, была послана в крымском направлении, или, точнее, к низовьям Днепра, где стояли турецкие укрепления.

Другая армия с самим Петром направлялась к устью реки Дона, против Азова. Один отряд этой армии численностью в 9,5 тыс. человек с артиллерией и снарядами, под начальством генерала Гордона, шёл сухим путём на юг через Коломну и Тамбов. Главное войско в 20 тыс. человек, во главе с генералами Лефортом и Головиным, отправилось к Азову иным путём, водой. На Москве-реке у

Каменного моста было приготовлено множество «стругов» для перевозки войск, артиллерии и припасов. Отплыли 28 апреля 1695 года. Караван судов двигался медленно. У Коломны Москва-река впадает в реку Оку, и здесь, у села Дединова, суда задержались на 2 дня из-за сильного ветра. 6 мая проехали Рязань и только 16 мая пришли к Нижнему, где Ока впадает в Волгу.

Придворными Петра вёлся журнал, в который ежедневно записывали всё происходившее. В Нижнем задержались, так как предстояла перегрузка артиллерии и боевых припасов со стругов на более крупные волжские суда. Только 21 мая тронулись вниз по Волге. 26 мая в журнале записано: «В 12 часу проехали к городу Симбирску, и была погода велика, и пристали к берегу на якорь...» 3 июня миновали Саратов. 5 июня «в 7-м часу дни прошли речку Камышенку и место, где бывал город Камышенок, который разорил Стенька Разин». 6 июня пристали к Царицыну.

Под Царицыном Волга всего ближе подходит к Дону. Здесь войска должны были высадиться и идти сушей к Дону.

Переход через степь к Дону был очень тяжёл. Обозных лошадей нехватало, пушки и снаряды перетаскивались людьми. Только 14 июня достигли Дона у городка Паншина. Здесь стояли четыре дня, так как снова грузились на суда, чтобы плыть Доном. 25 июня приплыли к центру донских казаков, к городу Черкасску, где остались на три дня. Наконец, 29 июня пристали к берегу близ Азова. Отряд генерала Гордона, прибывший прежде, приветствовал Петра салютом из всех пушек и мушкетов. В тот же день состоялся военный совет.

Весь путь из Москвы до Азова занял два месяца, с 28 апреля по 29 июня, хотя Пётр писал с пути друзьям, что «идём Доном с великим поспешением днём и ночью».

Турецкая крепость Азов была расположена в устье Дона, в 15 верстах от Азовского моря. Она была обнесена каменными стенами, земляным валом и рвом. В трёх верстах от крепости вверх по Дону на обоих его берегах стояли две каменные башни, называвшиеся каланчами, вооружённые пушками.

Русские войска приступили к осаде Азова. Одновременно крепость обстреливалась из пушек. Пётр находился на одной из батарей. Он считал это началом своей

боевой службы и впоследствии говорил, что «зачал слу-
жить с первого Азовского похода бомбардиром».

В русском войске не было единого руководства: гене-
ралы спорили между собой, а Пётр ещё не брал на себя
общего командования. Голландский матрос, состоявший
на русской службе, перебежал к туркам и указал им, что
русские во время зноя беспечно спят. Турки сделали вы-
лазку в это время дня, перебили многих спящих и увезли
6 орудий.

В середине июля русские полки захватили обе «ка-
ланчи», построенные турками выше Азова. После этого
туркам было предложено сдать крепость на выгодных
условиях, на что они ответили отказом. 5 августа был про-
изведён штурм Азова. Три отряда, по 1 500 человек в
каждом, с разных сторон бросились на крепость. Казаки
на 20 лодках, под руководством самого Петра, спустились
по Дону в море и сделали попытку полностью окружить
крепость. Но русские отряды действовали во время
штурма несогласованно, а турки упорно сопротивлялись,
и штурм кончился ничем.

После этого были усилены осадные работы, русские ры-
ли траншеи и вели подкоп под крепость. Неопытный ми-
нёр неудачно заложил мину в подкоп, и от взрыва постра-
дали не турки, а русские, было много раненых и убитых.

На 25 сентября был назначен второй штурм Азова.
Взрывом была пробита брешь в крепостных укреплениях
Азова, но турки отбили все атаки, и второй штурм также
окончился неудачей.

Осенняя непогода не позволила продолжать осаду, и
русское командование решило прекратить безуспешно за-
тянувшиеся военные действия. 1 октября осада была
снята и начался отход войск на север, только у каланчей
были оставлены русские отряды. Обрато шли сушей по
степи, где трудно было найти воду и корм, к тому же на-
ступили морозы. Австрийский посол, сопровождавший
русскую армию, писал об отходе русских войск: «По до-
роге я видел, какие большие потери понесла армия во
время своего марша, хотя и не будучи преследуема ни-
каким неприятелем; нельзя было без слёз видеть, как по
всей степи на протяжении 800 вёрст лежали трупы людей
и лошадей, наполовину объеденные волками».

Удачнее были операции войска под начальством
Б. П. Шереметева, действовавшего вместе с украинскими

казаками в низовьях Днепра. Ему удалось захватить четыре небольших турецких крепости.

«Невзятие» Азова, как Пётр назвал своё отступление, не привело его в уныние и не заставило отказаться от своих широких замыслов. Напротив, неудачи возбуждали его волю и энергию. По возвращении в Москву он обсуждает план нового похода. Причинами неудачи признавали отсутствие русского флота, недостаток инженеров, опытных в осадных работах, и отсутствие единства командования. Решено было выписать инженеров из-за границы. Новым главнокомандующим сухопутных сил был назначен боярин А. С. Шеин, но Пётр взял на себя общее руководство походом.

Главные усилия были направлены на строительство флота, который позволил бы отрезать Азов с моря и лишить его подкреплений. Было решено строить суда двух видов: морские галеры, которые могли ходить под парусами и на гребцах и вмещали по 120—170 человек, и речные струги для перевозки войск по рекам. Лефорт был назначен адмиралом будущего флота.

Из Голландии выписали в Архангельск в качестве образца небольшое судно, которое могло идти под парусами и на вёслах, галеру. Затем галеру доставили в Москву. Под Москвой были построены 23 галеры и 4 брандера, затем их на санях перевезли на юг, в Воронеж. Судостроительные верфи были устроены в Воронеже, Козлове и в других пунктах на реке Воронеже, откуда суда спускались на Дон. Было приказано к весне построить 1300 речных стругов, 30 морских лодок и 100 плотов. Пётр сам работал в Воронеже вместе с мастерами.

Для работ по сооружению флота предписано было мобилизовать 27,8 тыс. человек. Но часть призванных рабочих совсем не явилась, а многие бежали с мест работы. Условия работы были крайне тяжелы, жалованье было определено по 1 копейке в день, что и по тогдашним ценам было ничтожной цифрой. Всё же работы велись столь энергично, что флот был выстроен с удивительной быстротой в течение одной зимы 1695—1696 года.

Этой же зимой скончался старший брат Петра царь Иван Алексеевич, и носителем царской власти остался только Пётр.

Второй Азовский поход начался в мае 1696 года. Пётр отправился с несколькими судами вперёд из Воронежа и далее Доном. Отплыли 3 мая. «От города Воронежа с 8 галерами пошли в путь свой при доброй погоде; плыли парусом и греблей», — говорилось в журнале. К Азову подошли в ночь на 19 мая и остановились у каланчей. 19 мая «день был красный, и была стрельба по утру пушечная и из мелкого ружья с каланчей для приезду войск наших».

На 9 галерах Пётр разместил полк пехоты, а на 40 лодках — казаков. На взморье стояли 13 турецких кораблей и галер и 24 мелких судна. Казаки на стругах, под начальством донского атамана Флора Миняева, смело напали на турецкий флот. Им удалось сжечь турецкий корабль и 9 мелких судов и захватить в плен одно судно, на котором обнаружили много муки и другого продовольствия и сукна. Уцелевшие турецкие суда спешно ушли в море.

После этой победы русский флот из 22 галер, под начальством Петра, собрался в устье Дона, и здесь на обоих берегах реки по распоряжению Петра были сооружены форты, снабжённые артиллерией. Вскоре к Азову приблизился турецкий флот из 23 кораблей, пытавшийся высадить десант. Но при виде русских галер турки отступили.

Таким образом Азов был обложен с моря и с суши. На предложение сдаться турки ответили стрельбой. Началась осада крепости.

Пётр был всегда в гуще событий. На письмо сестры Натальи Алексеевны, в котором она просила беречься турецких ядер и пуль, он шутливо отвечал: «Сестрица, здравствуй! А я, слава богу, здоров. По письму твоему я к ядрам и пулям близко не хожу, а они ко мне ходят. Прикажи им, чтоб не ходили; однако, хотя ходят, только по ся поры вежливо».

Русские солдаты предложили насыпать высокий вал перед крепостью. Земляные работы шли успешно, вал сравнялся высотой со стенами крепости, ров перед ней был засыпан и казаки захватили одно из турецких укреплений.

Среди гарнизона Азова произошёл раскол, одна часть стояла за продолжение борьбы, другая настаивала на сдаче города русским, так как в крепости был не-

достаток припасов и снарядов и находилось много раненых и больных. На новое предложение о сдаче турки опять ответили отказом.

Тогда на военном совете 18 июля было решено через три дня приступить к общему штурму крепости. В этот же день турки стали махать из Азова шапками и преклонять знамёна в знак желания начать переговоры. Они согласились сдать крепость на предложенных им условиях, с правом выйти из крепости безопасно и с имуществом.

19 июля 1696 года турецкие войска покинули Азов. Они шли между двумя шеренгами русских войск. Турецкий комендант и другие начальники с 16 знамёнами должны были преклонить свои знамёна под ноги коня главнокомандующего боярина Шеина. Азов в тот же день был занят русскими войсками. Пётр писал в Москву радостные письма о победе. В поздравительных письмах его друзей и сотрудников правильно отмечалась заслуга самого Петра в создании флота и в энергичной осаде крепости.

Победа над турками была торжественно отпразднована в Москве. Были сооружены триумфальные ворота для торжественной встречи возвращавшейся армии. Триумфальную арку украсили колоннами и статуями. Здесь были изображены азовский паша и два скованных турка; надпись гласила: «Ах! Азов мы потеряли и тем бедство себе достали».

По сторонам ворот были помещены картины на полотне. На одной из них был нарисован бог морей Нептун с надписью: «Се и аз¹ поздравляю взятием Азова и вам покоряюсь».

Войска проходили через всю Москву. У триумфальной арки трубач произносил в рупор приветствие, составленное в стихах и прославлявшее подвиги армии и её руководителей. За войсками волокли по земле турецкие знамёна и везли пленных.

«Шествие продолжалось с утра до вечера, и никогда Москва не видела такой великолепной церемонии», — писал Лефорт за границу.

Завоевание Азова было крупным событием, оно явилось началом превращения России в морскую державу.

¹ Аз — значит «я».

Но в планах Петра война с турками и татарами ещё только началась. Завоевания одного Азова было недостаточно, надо было добиться доступа к Чёрному морю. Для успешного продолжения войны нужны были новые средства и прежде всего необходим был большой морской флот.

По предложению Петра Боярская дума приняла решение о сооружении флота из 52 крупных кораблей. Для строительства кораблей и оплаты работ дворянство и монастыри, т. е. крупные светские и духовные землевладельцы, должны были образовывать «кумпанства», и каждое кумпанство обязывалось выстроить по одному кораблю. На каждые 10 000 крестьянских дворов создавалось кумпанство дворян. Монастыри составляли кумпанства по 8000 дворов в каждом. Таким образом, строительство военно-морского флота легло на крестьянское население в виде новых денежных и натуральных сборов. В Азовском море строилась гавань Таганрог и крепость Троицкая. В расчёте на будущее морское судоходство было решено прорыть канал, который соединил бы Волгу с Доном. Канал намечался в том месте, где реки подходят друг к другу ближе всего. Постройка канала дала бы возможность создать единый сплошной водный путь от Москвы до Азовского и Чёрного морей. Для этих работ был приглашён иностранный инженер и собрано 20 тыс. рабочих.

Будущему русскому военно-морскому флоту недоставало подготовленных людей. Решено было отправить за границу знатную дворянскую молодёжь для обучения морским наукам. Это был совсем новый род дворянской службы. В заграничную учебную командировку был отправлен 61 человек, из них 39 поехали в Италию и 22 в Голландию и Англию. Они должны были научиться кораблестроению и управлению кораблём в мирных условиях и в боевой обстановке, уметь обращаться с компасом, знать морские карты и т. п. Каждый из них должен был нанять для службы в России по два искусных корабельных мастера.

Вместе с тем было послано за границу с дипломатической целью «великое посольство». Оно должно было вести переговоры с иностранными правительствами, чтобы побудить союзников к активным совместным действиям против Турции и получить средства для продол-

жения войны. Пётр сам ехал в составе этого посольства, чтобы руководить переговорами, и, прежде всего, для того, чтобы наряду с «волонтёрами» самому учиться морской науке.

Перед отъездом Петру пришлось встретиться с сопротивлением реакционной части боярства и духовенства — противников нововведений. В одном из подмосковных монастырей, в келье игумена Авраамия, собирались недовольные преобразованиями молодого царя. Авраамий составил обличительные «тетради» и представил их Петру, он пытался отклонить царя от новшеств и необычного для царского сана поведения. Авраамий и его друзья были арестованы, наказаны кнутом и отправлены в ссылку.

В это же время было раскрыто более серьёзное выступление боярского кружка. В кружок входили полковник стрелецкого полка Цыклер, бояре Пушкин, Соковнин и другие. Они уговаривали стрельцов убить Петра, высказывали недовольство отправкой дворянской молодёжи за границу и т. п. Заговорщики были приговорены к казни. Цыклера и Соковнина, как наиболее виновных, четвертовали — палач отрубил им сперва руки и ноги, затем голову. Через пять дней после казни, 9 марта 1697 года, Пётр выехал из Москвы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПЕРВОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕТРА
ЗА ГРАНИЦУ

«Великое посольство», отправлявшееся за границу, возглавлялось тремя лицами: талантливым и опытным дипломатом Фёдором Головиным, живым и общительным человеком, успешно заключившим договор с Китаем; Прокопием Возницыным, пожилым дипломатом с важной осанкой; его долгая служба в посольствах дала ему отличную подготовку, он успел побывать в Турции, Польше, Австрии и Венеции. Первым послом числился Франц Лефорт, не принимавший, однако, серьёзного участия в работе «великого посольства»: он был полезен главным образом своими знакомствами и личными связями в Западной Европе.

К посольству был присоединён отряд «волонтёров» из знатной молодёжи, которые должны были за границей обучаться морской науке и иностранным языкам. Всего было 35 волонтёров, разделённых на десятки; в одном из них состоял Пётр под именем десятника Петра Михайлова. Ни внутри страны, ни за границей официально не сообщали, что русский царь находится в составе посольства. Пётр являлся подлинным руководителем всей дипломатической работы посольства.

Вместе со свитой, переводчиками, прислугой, карликами-шутами и караулом в посольстве при выезде было

250 человек. При нём была денежная казна и соболиные меха, которые шли в награду и в уплату за услуги.

Послы выехали из Москвы в марте 1697 года, направляясь к западной границе через Тверь, Новгород и Псков. Далее простирались прибалтийские владения Швеции. Первый крупный город за границей, куда было посольство, была Рига. Шведские власти торжественно встретили посольство пушечным салютом и военной музыкой. Пётр хотел познакомиться с крепостью в Риге. Вместе с членами посольства он ходил по валу крепости, смотрел в подзорную трубу, даже пытался снять план крепости. Но шведский караул потребовал от русских удалиться и пригрозил пустить в ход ружья. Пётр остался крайне недоволен таким приёмом и впоследствии, при объявлении войны Швеции, выдвинул это оскорбление как одну из причин разрыва со шведами.

В Либаве Пётр сел на корабль, направляясь к берегам Германии, в Бранденбургское курфюршество. В Кёнигсберге состоялась встреча с бранденбургским курфюрстом Фридрихом III, который позаботился о развлечениях для своего гостя. Торжественные пиршества сменялись травлей зверей и охотой. Пётр упражнялся здесь в артиллерийском деле. Главный инженер прусских крепостей выдал ему аттестат, где было сказано, что Пётр Михайлов «такие оказал успехи и такие приобрёл сведения, что везде за исправного, осторожного, благоискусного, мужественного и бесстрашного огнестрельного мастера и художника признаваем и почитаем быть может».

С курфюрстом был заключён договор о дружбе между Россией и Бранденбургом (Пруссией). Курфюрст хотел также заключить союз на случай войны со Швецией для приобретения захваченных шведами берегов Балтийского моря, но Пётр, занятый мыслью о продолжении войны против Турции, не желал возбуждать преждевременных опасений Швеции и предложил эту статью не включать в договор, а торжественно подтвердил её устно.

В Бранденбурге посольство задержалось в ожидании исхода выборов польского короля. В Польше боролись за престол два кандидата, один — ставленник Франции, другой — сторонник России. Русское правительство всеми средствами поддерживало кандидатуру саксон-

ского курфюрста Августа II. Он и был избран на польский престол. После Кёнигсберга русское посольство торжественно въехало в Берлин, а затем продолжало путь на запад через германские государства.

Жена бранденбургского курфюрста София-Шарлотта находилась в гостях у матери, ганноверской курфюрстины, в то время когда Пётр был в Пруссии, и поэтому не могла его видеть. Когда посольство проезжало близ Ганновера, обе курфюрстины решили не упустить случая встретиться с знаменитым путешественником; для этого они направились в замок, лежавший на пути русского посольства. Пётр долго отказывался от приглашения, так как в ожидании его собралась большая толпа любопытных, но затем незаметно прошёл в замок, где его встретили курфюрстины с придворными.

«Он сел за стол между матушкой и мною, и каждая из нас беседовала с ним наперерыв», — вспоминала впоследствии курфюрстина.

«Царь очень высокого росту, лицо его очень красиво, он очень строен. Он обладает большой живостью ума, его суждения быстры и справедливы. Но наряду со всеми выдающимися качествами, которыми его одарила природа, следовало бы пожелать, чтобы его вкусы были менее грубы. Мы тотчас же сели за стол. Придворный, исполнявший обязанности маршала, подал его величеству салфетку, но это его очень затруднило: вместо салфетки в Бранденбурге ему подавали после стола кувшин», — вспоминает курфюрстина-мать.

«Мне понравилась его естественность и непринуждённость, он стал действовать, как дома, позволил сначала войти кавалерам, а потом и дамам, которых сперва затруднялся видеть, затем велел своим людям запереть дверь, поставил около неё своего любимца, которого он называет своей правой рукой, с приказанием никого не выпускать, велел принести большие стаканы и заставлял каждого выпить по три и по четыре зараз, давая понять, что делает это, чтобы оказать честь каждому. Он сам подносил стаканы», — добавляет курфюрстина-дочь.

Из Германии посольство направлялось в Голландию, которая была первой морской державой. Маркс говорит, что «Голландия была образцовой капиталистической страной XVII-столетия». Развитие промышлен-

ности и торговли и захват богатых колоний послужили основой её морского могущества. Большая часть европейского торгового флота ($\frac{4}{5}$ всего числа кораблей) принадлежала голландцам.

Пётр отделился от посольства и с несколькими спутниками прибыл в голландский город Саардам (или Заандам), который являлся одним из центров голландского кораблестроения. Он поселился в маленьком доме из двух комнат, принадлежавшем кузнецу, который некогда работал в Москве. Уже на следующий день после приезда Пётр купил плотничьи инструменты и поступил работником на корабельную верфь под именем Петра Михайлова.

В маленьком городе быстро стала распространяться молва о необыкновенном плотнике.

Один из жителей Саардама получил письмо от сына, жившего в Москве, с известием, что в Голландию едет московский царь, и при этом было дано описание его внешности. Однажды Пётр зашёл в кофейню «Трёх лебедей». Один шкипер, часто плававший в Россию, войдя в кофейню, сразу узнал царя, пившего здесь чай. Вернувшись к собравшейся перед кофейней толпе, шкипер сказал: «Конечно, это царь. Это так же верно, как то, что все ещё мы живём на земле». Множество зевак, толпившихся, чтобы поглазеть на Петра, вызвали у него гнев.

Через неделю Пётр переехал в Амстердам, куда уже прибыли русские послы. В Амстердаме правление Ост-Индской торговой компании постановило принять «знатную особу, пребывающую здесь инкогнито», на корабельную верфь, принадлежавшую компании. Было решено заложить для него фрегат в 100 футов длины под названием «Павел и Пётр». Пётр так был обрадован, узнав об этом постановлении, что, несмотря на позднее время, 11 часов ночи, тотчас же отправился на лодке в Саардам за своими пожитками и инструментами. Рано утром он вернулся прямо на верфь и стал на работу.

Вместе с Петром работали на постройке корабля десять русских волонтеров. Пётр носил рабочий костюм, красную рубаху и войлочную шляпу и не позволял отвлекать себя от работы. Один голландский купец просил старшего мастера показать ему русского царя. Тот обещал ему назвать его по имени. Действительно,

Пётр I в Голландии.

когда рабочие несли тяжёлое бревно, и мастер крикнул: «Питер, плотник заандамский, что же ты не пособишь этим людям нести?»

Пётр тотчас же послушно подбежал к ним, подставил плечо и понёс дерево вместе с другими плотниками.

Поведение Петра казалось предосудительным кое-кому из его спутников, представителей знати, они считали, что физической работой он унижает царское достоинство. Пётр не знал удержку своему гневу и распорядился двоих недовольных заковать в цепи и отрубить им головы.

Только по заступничеству голландских властей казнь была заменена ссылкой в голландские колонии на Малайский архипелаг.

Одновременно Пётр вёл дипломатические переговоры с правительством Голландии, стараясь получить помощь материалами и вооружением. Но Голландия, ссылаясь на большие потери в только что законченной войне с Францией, отказала в помощи. Не добившись содействия от правительства, послы стали закупать необходимые материалы и припасы у частных лиц, а также нанимали военных и морских специалистов и множество матросов на русскую службу.

В Голландии Пётр познакомился на практике с кораблестроением и получил аттестат, в котором говорилось, что состоявший в свите русского посольства Пётр Михайлов является искусным плотником, изучившим корабельную архитектуру и черчение планов. Однако он стремился приобрести более глубокие теоретические знания, а голландские мастера удовлетворить его стремлений не могли. Пётр был сильно раздосадован, когда мастер Ост-Индской верфи в Голландии не мог объяснить ему на чертеже всего, что он спрашивал. Об этом он позднее вспоминал в Морском регламенте:

«Тогда zelo¹ ему (т. е. Петру) стало противно, что такой дальний путь для сего восприял, а желаемого конца не достиг. И по нескольких днях случилось быть его величеству на загородном дворе купца Яна Тесинга, где сидел гораздо невесел ради вышеописанной причины; но когда между разговоров спрошен был: для чего так печален? тогда оную причину объявил. В той компании был один англичанин, который, слыша сие, сказал, что у них в Англии сия архитектура² так в совершенстве, как и другие, и что кратким временем научиться можно. Сие слово его величество zelo обрадовало, по которому немедленно в Англию поехал и там через 4 месяца оную науку окончил».

Из Голландии Пётр уехал в Англию. Английский король прислал за ним эскадру.

В Лондоне состоялась встреча Петра с королём, затем русские осматривали огромный город. В Англии Пётр

¹ Зело — очень, сильно.

² Корабельная архитектура, то-есть стронтельство кораблей.

побывал на заседании парламента, посетил обсерваторию, монетный двор, университет в Оксфорде был в театре. Всё это нашло отражение в «Юрнале» (журнале), где записано:

«2 апреля. Были в парламенте.

3 апреля. Были в квакерском костёле¹.

В 4 день. Были в городе и на столбе, с которого весь Лондон знает.

В 5 день. После обеда ездили верхами к математику².

В 6 день. К вечеру ездили в шляпке к математику.

В 7 день. Был десятник³ у карабельного баса⁴.

В 8 день. За 4 часа до полудня поехали в Оксфорд.

В 9 день. В полночь приехали домой.

В 11 день. К вечеру поехали на яхте с Фёдором Алексеевичем в Улич⁵.

В 13 день. Был десятник с Яковом Брюсом в Туре, где деньги делают.

В 14 день. За рекою стреляли из пушки в дубовую доску: зело дуб крепок и не щепеловат».

Несколько раз Пётр со своими спутниками осматривал лондонский монетный двор. В это время в Англии проводилась денежная реформа, и для лучшей чеканки монет руководство монетным двором было поручено гениальному учёному Исааку Ньютону. Великий учёный энергично принялся за дело, поставил новые усовершенствованные станки, и не было дня, чтобы он не наблюдал за ходом работ. Есть предположение, что Пётр встречался с Ньютоном.

Через месяц после приезда в Англию Пётр перебрался из Лондона в ближайший городок Дептфорд, где находились корабельные верфи. Здесь он изучал чертежи английских кораблей и осматривал строившиеся суда. Английские власти показали Петру манёвры военно-морского флота с примерным морским сражением. Английский епископ Бернет, не раз встречавшийся с Петром, так изложил свои впечатления о русском царе:

¹ Церковь религиозной секты квакеров.

² Вероятно, в обсерваторию к знаменитому астроному и математику Галлилею.

³ Десятник — Пётр.

⁴ Бас — мастер.

⁵ В Вуличе находился арсенал. Фёдор Алексеевич — один из послов, боярин Ф. А. Головин.

«Царь или погибнет, или станет великим человеком... Он человек весьма горячего нрава, очень вспыльчивый и крайне жестокий в своей страстности... Он имеет склонность к механическим работам, и, кажется, природа скорее предназначала его быть корабельным плотником, чем великим государем».

Из Англии Пётр снова вернулся в Голландию и здесь узнал о дипломатических неудачах. Союз против Турции распался, султан сделал мирные предложения австрийскому правительству и Венеции, и те предпочитали заключить мир. Но Пётр не оставлял ещё надежды на продолжение войны с Турцией и попытался отклонить австрийское правительство от поспешного заключения мира. С этой целью он отправляется в Австрию.

В середине июня 1698 года русское посольство въехало в столицу Австрийской империи Вену. Австрийское правительство отличалось высокомерием и чопорностью. Пётр хотел возможно скорее запросто беседовать с императором Леопольдом, но австрийские придворные составили подробный и мелочный церемониал встречи Петра с Леопольдом. В сопровождении небольшой свиты они должны были одновременно войти с разных сторон в галерею летнего императорского дворца; в галерее было девять окон, и встреча должна была состояться посредине, непременно у пятого окна. Пётр приехал во дворец без какой-либо пышности, был одет в голландское платье с поношенным галстуком. При входе Петра в галерею с другого конца её медленно выступил император Леопольд. Пётр так быстро пошёл ему навстречу, что они сошлись, когда Леопольд был лишь у третьего окна, и церемониальные расчёты австрийских придворных оказались спутанными.

Австрийское правительство известило русских о начавшихся переговорах с Турцией. Австрия соглашалась на заключение мира при условии сохранения за ней и за союзниками того, что они успели занять силой оружия. Однако Пётр правильно считал, что сохранение за Россией лишь завоёванного Азова недостаточно, так как выход из Азовского моря в Чёрное через Керченский пролив оставался бы в руках турок. Пётр настаивал на передаче России одной из гаваней на Чёрном море, именно Керчи, и в этих целях считал необходимым продолжение войны. Эти настояния остались безуспешными. Пётр намеревался

направиться из Вены в Венецию. Венеция была в то время сильной морской державой на Средиземном море и к тому же являлась союзницей Австрии и России в их войне с Турцией. Венецианское правительство тщательно готовилось к встрече Петра. Предполагалось показать ему строящиеся суда, отлить в его присутствии пушки, показать ему стекольный завод, была также разработана обширная программа празднеств и увеселений. Однако в назначенный для отъезда день, 15 июля 1698 г., из Москвы пришла почта с известием о новом стрелецком бунте. Необходимо было торопиться в Москву, и поездка в Венецию была отменена.

Из Вены Пётр с небольшой свитой мчался на восток, нигде не останавливаясь, ночуя в экипаже. Только в Польше, за Краковом, были получены новые успокоительные вести из Москвы о подавлении бунта. Пётр продолжал путь без особой спешки. Он задержался даже на четыре дня для свидания с польским королём Августом II. Пётр и Август провели время в пирах и развлечениях. Польский король был силач и весельчак, всего больше ценивший шумные удовольствия и пиры. В знак дружбы они обменялись одеждой и шпагами. Но при этом они вели также секретные переговоры о возможных совместных действиях против Швеции для возвращения отнятых шведами балтийских земель. Много позднее Пётр вспоминал об этих переговорах, подготавливая материалы для истории своего царствования: «И так друг другу обязались крепкими словами о дружбе без письменного обязательства и разъехались».

19 августа Пётр достиг русской границы.

Путешествие, длившееся полтора года (с марта 1697 года по август 1698 года), имело большое значение, хотя дипломатические цели посольства не были достигнуты. Европейские государства не склонны были поддерживать Россию в борьбе с Турцией. Но зато в переговорах в Бранденбурге и Польше была высказана мысль о возможном новом союзе, направленном против Швеции.

С полным успехом была выполнена другая цель путешествия — обучение морскому делу. Не менее важно было достигнутое сближение России и Западной Европы и личное знакомство Петра и других членов посольства с политическими деятелями западноевропейских стран, с бытом и культурой.

Что же происходило в Москвѣ накануне приезда Петра?

По окончании Азовских походов большая часть стрельцов оставалась в Азове, другие стрелецкие полки были передвинуты на южную и западную границы. Правительство не доверяло стрельцам и держало их в отдалении от центра. В Москвѣ, в стрелецких слободах, оставались лишь семьи стрельцов, их жѣны и дети. Стрельцы в пограничных городках жили в тяжѣлых условиях, с тоской переносили долгую разлуку с семьями, терпели недостаток в продовольствии. Они обвиняли во всѣм правительство.

В марте 1698 года из стрелецких полков, расположенных близ польской границы, прибежали в Москву 175 человек с жалобами на притеснения. На требование властей возвратиться в полк они отвечали отказом. Тогда бояре приказали солдатам Семёновского полка выбивать стрельцов из их домов, несколько человек были наказаны ссылкой в Сибирь. Стрельцы в Москвѣ успели вступить в сношения с царевной Софьей, жившей в Новодевичьем монастыре. Через своих сестѣр-царевен Софья передала воззвание к стрелецким полкам, стоявшим у польской границы. В этом воззвании говорилось: «Вам бы быть в Москвѣ всем четырѣм полкам и стать под Девичьим монастырѣм табором и бить челом мне, идти к Москвѣ против прежнего на державство... А кто бы не стал пускать с людьми своими или с солдаты, и вам бы чинить с ними бой».

Чтобы подогреть стрельцов, через приближенных царевен распространялись слухи о том, что Петра уже нет в живых.

С воззванием Софьи стрельцы возвратились в свои полки. Вслед за ними пришѣл правительственный приказ сослать на вечное поселение стрельцов, незаконно приходивших в Москву. Стрельцы схватились за оружие. Один из них влез на пушку и прочитал письмо царевны Софьи. Четыре взбунтовавшихся стрелецких полка двинулись к Москвѣ. Они хотели перебить бояр и провозгласить правительницей царевну Софью.

Стрелецкий мятеж был направлен против начинавшихся реформ и, следовательно, носил реакционный характер.

Навстрѣчу стрельцам выступили из Москвы войска под

начальством боярина Шеина и генерала Гордона. Они встретили стрельцов, когда те подходили к Воскресенскому монастырю, или Новому Иерусалиму, на берегу реки Истры (у нынешнего города Истры близ Москвы). Бой произошёл 18 июня 1698 года. Гордон пытался уговорить стрельцов возвратиться на старые места и выдать главарей. Стрельцы отказались. Тогда по ним был дан залп из 25 орудий, но ядра пролетели над головами стрельцов. Это ободрило их, и они открыли стрельбу из пушек и ружей. Правительственные войска дали второй и третий залпы, ядра попали в гущу восставших. Стрельцы бросились было в атаку, но раздался четвёртый залп, после которого они дрогнули и побежали.

После подавления стрелецкого мятежа начался «розыск», т. е. следствие, сопровождавшееся пытками схваченных стрельцов. Никто из них не проговорился о письме Софьи, о сношениях с ней и истинных замыслах стрелецких главарей. Кое-кто показал, что решено было стать под Москвой у Девичьего монастыря, но боярин Шеин не обратил на это никакого внимания. После розыска 130 стрельцов было повешено, остальные посажены в тюрьмы по разным городам и монастырям. Следствие велось поспешно, и многие обстоятельства оказались не выяснены.

25 августа Пётр возвратился в Москву. Он был недоволен произведённым розыском по стрелецкому бунту и подозревал причастность к мятежу царевны Софьи. По приказанию царя в Москву снова были свезены все стрельцы, разосланные по тюрьмам в разные города.

В Преображенском были устроены 14 пыточных застенков, где в продолжении месяца ежедневно вновь допрашивали и пытали стрельцов. Во время нового розыска стрельцы повинились, что имели в виду вручить власть царевне Софье, а Петра не пустить в Москву из-за границы и даже намеревались убить его и выбрать нового царя.

За розыском последовали казни. Осуждённых стрельцов везли в телегах; в каждой телеге сидели по два стрельца с зажжёнными свечами в руках. За ними бежали матери, жёны и дети. Казнь происходила в присутствии Петра, бояр, иностранных послов и множества народа. В первый же день были казнены в разных местах Москвы 201 человек. Троицким из повешенных под Новоде-

Утро стрелецкой казни. (С карт. В. Сурикова.)

вичьим монастырём подле окон Софьи были вложены в руки бумаги в виде челобитной. Трупы не убирались в течение 5 месяцев; всего казнено было 799 стрельцов. Царевна Софья была пострижена в монахини.

По возвращении из-за границы в Москву, на первом же пиру Пётр ножницами обрезал длинные бороды нескольким поздравлявшим его боярам. Духовенство считало брадобритие смертным грехом. Но несмотря на это, было приказано всем бриться. Позднее разрешалось взамен бритья платить высокий налог (богачейшие купцы платили по 100 рублей в год, дворяне — по 60 рублей, горожане — по 30 рублей). Особый «бородовый знак» выдавался тем, кто уплатил этот налог. Крестьянам разрешалось носить бороду, но при въезде в город и выезде из него у заставы с них взималось по 1 копейке с бороды.

Полтора года спустя было приказано сменить длинную и неудобную старинную одежду на короткие костюмы. Жёны и дочери бояр, дворян и торговых людей должны были вместо сарафанов и телогреек носить юбки и платье по иноземным модам.

В целях сближения с передовыми странами Западной Европы в России проведена была реформа календаря, с 1700 года устанавливалось общепринятое летосчисление. Новый год велено было начинать с 1 января, тогда как до того русские праздновали его 1 сентября. В день нового года предписывалось украшать дома снаружи сосновыми, еловыми и можжевелевыми ветвями и «в знак веселия» поздравлять друг друга с новым годом. На Красной площади были пущены фейерверки, или «огненная потеха», и производилась стрельба из пушек. Москва была иллюминирована, на боярских и купеческих дворах в честь празднества производилась стрельба из маленьких пушек или из ружей.

В конце 1699 года Пётр издал указ об учреждении в Москве Бурмистерской палаты, или Ратуши, которая стала ведать купеческими и городскими делами. Купечество стремилось избавиться от разорительного для него управления и суда со стороны назначаемых воевод. Ближайшим примером купеческого самоуправления являлась выборная Корабельная палата, которая была учреждена после взятия Азова для выполнения возложенной на купечество (как и на другие классы) повинности строить военно-морской флот; комиссия состояла из

пяти членов, выборных от богатейших московских купцов. Во главе её находился «гость» Иван Панкратьев; впоследствии он стал первым президентом Бурмистерской палаты, в которой заседали бурмистры, избиравшиеся на сходах московскими купцами и ремесленниками. Во всех городах было введено такое же самоуправление. Суд над городским населением и сбор налогов изымались из ведения чиновников и передавались в руки этих выборных людей. Новые выборные учреждения соответствовали интересам городского торгово-промышленного класса.

Тогда же, в конце 1699 года, было приступлено к военной реформе, к созданию постоянной, или «регулярной», армии. По образцу потешных Преображенского и Семёновского полков, обученных правильному военному строю, было сформировано 30 новых полков. Эти полки были набраны следующим путём: каждые 30—50 крестьянских дворов в помещичьих имениях поставляли по 1 рекруту, в церковных и монастырских деревнях 1 рекрут приходился на 25 крестьянских дворов. В отличие от старой дворянской конницы, которая одевалась, вооружалась и продовольствовалась за свой счёт и не проходила правильного военного обучения, новой армии казной было выдано обмундирование — короткие зелёные кафтаны и треугольные шляпы, и оружие — ружья со штыками. Недостаток опытных командиров приводил к тому, что значительная часть командного состава набиралась из иностранных офицеров.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВЕЛИКАЯ
СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

Пётр возвратился из-за границы в Москву с мыслью о войне против Швеции. Маркс указывает, что «в завязавшейся борьбе Пётр стремился к завоеванию того, что было абсолютно необходимо для нормального развития его страны».

Петровское правительство в этом отношении было продолжателем политики своих предшественников. Ещё за полтора столетия до того, при Иване Грозном, Русь вела долготлетнюю войну за Балтийское побережье, окончившуюся, однако, неудачей. В начале XVII столетия шведы захватили русские города на берегу Финского залива, совсем отрезав Россию от моря. При отце Петра I, царе Алексее, русские войска вновь наступали в Прибалтике, но осада русскими Риги была безуспешной. Шведы захватили также земли в Германии, герцогство Бремен, Верден и часть Померании. Швеция стала сильнейшей державой на Балтийском море. Но теперь складывались благоприятные условия для союза северных европейских государств против Швеции в целях возвращения своих старинных земель.

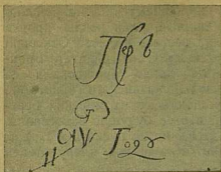
Осенью 1698 года в Варшаву явился лифляндский дворянин Паткуль, приговорённый шведским правительством к смертной казни и бежавший за границу. От имени прибалтийского дворянства, недовольного шведами, он пред-

лагал польскому королю, являвшемуся одновременно саксонским курфюрстом, обширный план войны против Швеции. Война должна была вестись в союзе Саксонии (и Польши) с Данией и Россией при нейтралитете Бранденбурга (Пруссии). Дания давно враждовала со Швецией из-за соседнего с ней Голштинского герцогства. Россия стремилась к возвращению своих морских берегов. Паткуль желал ограничить её будущие завоевания, направить её лишь к реке Неве, но не пускать к Нарве, так как Лифляндия должна была по его плану отойти к Польше.

Польский король Август II отправил в Москву для переговоров с Петром генерала Карловича и Паткуля. Переговоры велись в строгой тайне, и 11 октября 1699 года был заключён договор России, Саксонии и Дании о совместном выступлении против Швеции. Пётр обязывался начать войну, как только будет заключён мир с Турцией.

В начале 1700 года саксонские войска Августа II стали осаждать Ригу, принадлежавшую тогда шведам. Однако саксонское командование не сумело произвести нападение внезапно и тем дало шведам время для подготовки к отпору. Осада Риги затягивалась. Русский посол доносил в Москву: «Венусовым веселием и безрассудным легкомыслием не оценённое время потеряно».

Датский король также вступил в войну, вторгнувшись в герцогство Голштинское, которое находилось в союзе со Швецией. А Пётр дожидался известия о подписании мира с турками. Возобновить союз против турок для продолжения войны за овладение гаванями на Чёрном море ему не удалось, и после заграничного путешествия пришлось согласиться на мирные переговоры с Турцией. Русский, австрийский и саксонский послы при посредстве англичан съехались вместе с турками в городе Карловицы на берегу Дуная. На Карловицком конгрессе Австрия заключила выгодный для неё мир с турками, несколько не считаясь с интересами своих союзников. Русский представитель П. Б. Возницын вёл долгие и утомительные переговоры в Карловицах и смог заключить лишь перемирие на два года, переговоры о мире были перенесены в Константинополь. Чтобы показать туркам возросшую силу России, русский дипломат Емельян Украинцев был отправлен в Турцию на русском военном корабле

Подпись Петра I 1700 г.

«Крепость», имевшем 46 пушек. Его сопровождала русская эскадра, вышедшая из Таганрога. Прошли Керченский пролив, переплыли Чёрное море, и к изумлению султанского правительства 7 сентября 1699 года впервые русский военный корабль, имея на борту посла, пристал к Константинополю.

Переговоры с турками сильно затянулись, и только 30 июля 1700 года Украинцев подписал мирный договор с Турцией на 30 лет. По этому договору Турция признавала завоевание русскими Азова, но турецкие крепости в низовьях Днепра, занятые Шереметевым, должны были быть срыты и по разорению возвращены туркам.

Как только известие о заключённом мире пришло в Москву, Пётр письмом известил об этом польского короля Августа II и одновременно распорядился двинуть русские войска против Швеции. Так началась Великая Северная война, затянувшаяся на 21 год.

В Швеции королём был 18-летний юноша Карл XII, занятый больше всего охотой и пугавший своими причудами и потехами жителей шведской столицы Стокгольма. В войне он неожиданно проявил исключительную энергию и полководческие таланты. С отрядом в 15 тыс. человек Карл выступил в поход против Дании. Шведские войска при содействии английского флота переправились через Зундский пролив и подступили к беззащитной столице Дании Копенгагену. Датская армия в это время действовала в Голштинии. Датский король был принуждён заключить с Швецией мир в Травендале 8 августа 1700 года. Один из союзников таким образом вышел из войны в самом её начале. Войска Августа II продолжали топтаться под Ригой в тот момент, когда русские полки двинулись против шведов.

Вопреки договору Пётр назначил поход не к Неве, а по направлению к Нарве, ближе к «сердцу Ливонии», чего так опасались его союзники, стремившиеся ограни-

читать будущие русские завоевания лишь болотистыми берегами Финского залива и Карелией. В сентябре началась осада Нарвы. У Петра было около 40 тыс. человек, но эти силы не были достаточно обеспечены продовольствием. Русские войска были растянуты на протяжении 7 вёрст, что облегчало нападение на них. Главное командование принадлежало иностранцу, герцогу де-Круа.

Пока русская армия стояла под Нарвой, Карл XII переплыл Балтийское море, высадился в Пярну и двинулся с войсками к Нарве. 19 ноября 1700 года он неожиданно напал на русских. Только хорошо обученные Преображенский и Семёновский полки крепко стояли против шведов; русская конница бросилась вплавь через реку, часть войск бежала через мост, который от давки рухнул.

«Немцы нам изменили!» — кричали солдаты.

Герцог де-Круа сдался шведам.

Пётр в этот момент был в отъезде, а командование русскими силами оказалось не подготовленным к руководству операцией. Растянutosть фронта русских войск и отсутствие связи не давали возможности известить даже об удачных действиях гвардейских полков. В этих условиях генералы начали переговоры со шведами о сдаче. Шведы согласились обеспечить беспрепятственный отход от Нарвы всех уцелевших русских солдат, но значительная часть командного состава, в том числе 10 генералов и 15 полковников и подполковников, должны были остаться в плену. Россия теряла всю артиллерию.

За границей радовались военной неудаче России; даже была выбита медаль, на которой изображались бегущие русские солдаты во главе с плачущим царём.

Пётр пытался после Нарвы начать мирные переговоры, но неудачно. Тогда он проявил кипучую энергию, готовясь к дальнейшему ведению войны. В течение зимы 1700—1701 г. был проведён новый рекрутский набор, в результате которого были созданы новые 10 полков. Из колоколов, снятых с церкви, отливались новые пушки, при этом был уменьшен вес орудий и сокращено число калибров. К началу 1702 года было уже отлито 368 пушек.

Снятыми колоколами нельзя было ограничиться и новая артиллерия отливалась также из металла, полученного на заводах Урала и Карелии, спешно и с большими

усилиями строившимися тотчас же после Нарвы. Для пополнения опустевшей казны были введены новые налоги, крайне тяжело ложившиеся на трудовое население.

В местечке Биржи (в Курляндии) встретились Пётр и Август II. За ужином силач Август заметил, что поданая ему серебряная тарелка нечиста, согнул её рукой в трубку и бросил в сторону. Пётр поступил так же и при этом заметил: «Брат Август, мы гнём серебро изрядно, только надобно потрудиться, как бы согнуть нам шведское железо».

Союз с Августом II был вновь подтверждён, но Петру пришлось взять обязательство помогать Августу войсками под Ригой и выплачивать ему ежегодную субсидию в 150 тыс. рублей.

Карл XII скоро расстроил эти планы. После нарвского разгрома он думал идти в глубь России; в его походной спальне висела карта, где был обозначен «марш на Москву». Но шведские офицеры настаивали на походе в Польшу, где они надеялись на богатую добычу. Король долго спорил с ними, и в конце концов уступил. Шведы считали русскую армию окончательно разгромленной. Карл разбил под Ригой саксонские войска и начал теснить силы Августа. В Прибалтике были оставлены лишь небольшие отряды прикрытия. Против них русское командование и повело наступление с вновь набранной армией с новым вооружением.

Пётр отлично использовал отсутствие Карла, который с главными шведскими силами надолго «увяз» в Польше. Оставленный Карлом в Лифляндии генерал Шлиппенбах доносил, что русские силы теперь стали так же многочисленны, как и вся шведская армия. Через год после Нарвы русская армия добилась крупного успеха. В декабре 1701 года русские войска под начальством Б. П. Шереметева разбили шведов у мызы Эрестфер, близ города Дерпта (Тарту). Шведы потеряли здесь более 3000 человек убитыми, русские потери составили 1000 человек. Пётр при известии об этом воскликнул: «Мы можем, наконец, бить шведов!»

В честь первой крупной победы в Москве звонили в колокола, целый день стреляли из пушек, жгли фейерверки, выставлены были для народа бочки с вином, мёдом и пивом.

Рядовой, сержант и офицер Преображенского полка.

Летом 1702 года был достигнут ещё больший успех. Шереметев разбил шведов у мызы Гумельсоф. В этом сражении Шлиппенбах потерял всю свою пехоту, но сам успел бежать вместе с конницей. В Лифляндии остались лишь шведские гарнизоны в Риге, Дерпте и некоторых других городах.

После этого русское командование изменило направление своих ударов, направило войска в шведскую провинцию Ингрию, к Ладоге и реке Неве. При выходе Невы из Ладожского озера на острове стояла крепость Нотебург, построенная ещё новгородцами и названная русскими Орешком; шведы захватили её лишь в начале XVII столетия. Пётр сам руководил осадой, закончившейся жестоким штурмом и сдачей крепости. Обрадованный взятием Орешка, Пётр написал друзьям: «Правда, что зело

жесток сей орех был, однакож, слава богу, счастливо разгрызен. Артиллерия наша зело чудесно дело своё исправила».

Город был переименован в Шлиссельбург, что значит—ключ-город. На одной из башен был прикреплён поднесённый Петру ключ от крепости в знак того, что с взятием её отворились ворота к морю.

В апреле 1703 года 20-тысячное войско шло правым берегом Невы к крепости Ниеншанц, лежавшей недалеко от устья Невы при впадении в неё р. Охты. 1 мая Ниеншанц был сдан русским. Шведскому гарнизону было позволено покинуть крепость с оружием и знамёнами, с барабанным боем, 4 пушками и, по тогдашнему обыкновению, с пулями во рту.

На другой день на взморье пришла шведская эскадра из 9 кораблей, из них два фрегата вошли в невское устье. Тогда Пётр и Меншиков разместили на 30 лодках солдат, и на рассвете 6 мая напали на шведские суда и захватили их. Это была первая морская победа.

Пётр во главе войска достиг, наконец, Балтийского моря. Этот момент великолепно изобразил Пушкин:

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный чёлн
По ней стремился одиноко...

И думал он:

Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно;
Ногою твёрдой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

16 мая 1703 года на островке начали строить деревянную крепость, названную Петропавловской. Она явилась основой Санкт-Петербурга (нынешнего Ленинграда). В октябре 1703 года в устье Невы пришёл первый иностранный торговый корабль с грузом соли и вина. Обрадованный Меншиков, назначенный губернатором, угощал шкипера корабля и дал ему в награду 500 золотых, а каждый матрос получил по 30 серебряных талеров.

Пётр I. (Скульптура М. Антокольского.)

Близость моря искупала в глазах Петра все неудобства Петербурга, построенного на топком, болотистом месте. Пётр называл Петербург «Парадизом», т. е. раем.

Во время наводнения в 1706 году вода затопила дворец, Пётр наблюдал, как по улице ездили на лодках, а люди спасались на крышах и деревьях. Но даже

сообщая Меншикову об этом несчастье, Пётр пометил письмо: «Из Парадиза».

В 25 километрах от Петербурга на острове сооружалась крепость Кронштадт. В верфях Петербурга строились первые корабли Балтийского флота.

В 1704 году русские победы в Прибалтике продолжались. Был осаждён город Дерпт, основанный в древности русскими, назвавшими его Юрьевом (впоследствии он был захвачен немцами, а затем шведами). После ожесточённого штурма, который Пётр назвал «огненным пиром», шведский гарнизон Дерпта сдался. В то же время снова началась осада Нарвы. Сюда перевезли на судах из Петербурга пушки и мортиры и стали бомбардировать город из 100 орудий. В Нарве вспыхнули пожары. Но шведский комендант крепости Горн, защищавший Нарву ещё во время первой осады, упорно отказывался от предложения сдать город. 9 августа произошёл штурм Нарвы и русские войска ворвались в город.

Завоевание Дерпта и Нарвы было торжественно отпраздновано. В Москве были построены 7 триумфальных ворот, через которые проходили войска во главе с Петром, с захваченными у шведов знамёнами и пушками.

Карл XII, разбив русских под Нарвой в 1700 году и саксонские войска под Ригой, перенёс военные действия в Польшу. Шведы заняли Варшаву и нанесли сильное поражение полякам. В Варшаве был созван сейм, на котором Август II был объявлен низложенным, и польским королём был провозглашён шведский ставленник Станислав Лещинский.

Но Август и его сторонники ещё продолжали борьбу. Август вновь подтвердил свой союз с Россией, и русское правительство обязалось помогать ему в борьбе со шведами как войском, так и денежными субсидиями. Для совместных действий русские войска были собраны в городе Гродно. Зимой 1705—1706 года здесь было 40 тыс. человек, в том числе лучшие полки — Преображенский и Семёновский.

Сюда же направлялся Пётр. Но шведы с необыкновенной быстротой двинулись от Варшавы по направлению к Гродно и стали поблизости, преградив доступ к городу. Пётр не мог проехать в Гродно. При Форштадте шведами было разбито большое войско Августа II. Тогда Пётр стал настаивать на скорейшем отступлении из Гродно,

чтобы сохранить в целости русскую армию и вывести её из ловушки. Он писал главнокомандующему русской армии фельдмаршалу Огильви: «Мой совет: когда Неман вскрыется, тотчас, не мешкая, перейти его по заранее изготовленному мосту и двинуться левым берегом; неприятелю за льдом нельзя будет переправиться, а вам выйти зело свободно».

По настоянию Петра в половодье, когда Неман вскрылся, русские войска перешли реку по заранее построенному мосту, тяжёлую артиллерию пришлось потопить в Немане. Шведы сторожили каждое движение русских и также построили заблаговременно мост, но при вскрытии реки напором льда этот мост был разрушен. Русские перешли Неман 24 марта 1706 года, а шведы, восстановив мост, смогли двинуться только 3 апреля, когда русская армия была уже далеко, направляясь к Киеву. Отступление из Гродно является образцом военной операции, имевшей в виду спасти армию из расставленной противником ловушки. В гродненской операции была отлично выполнена поставленная Петром задача — спасти армию от угрозы полного окружения. Военные историки, изучая эту операцию, отмечают, что она была «гениальна по простоте и верности соображений Петра».

Карл пытался преследовать русских, но, увидев безуспешность погони, повернул в Саксонию, чтобы покончить с Августом II. Он занял окрестности Лейпцига и принудил Августа к мирным переговорам. В октябре 1706 года, близ Лейпцига, был подписан мир между Карлом XII и Августом II. Август был вынужден отказаться от польской короны и прекратить союз с русским царём.

В битве под Калишем (1706 г.) русские войска под начальством Меншикова разбили наголову отряд шведов и их польских сторонников; только часть шведской конницы успела спастись, а пехота была вся побита. В этом сражении на стороне русских были польские и саксонские войска. Меншиков писал Петру, сообщая об этой победе: «Не в похвалу себе, вашей милости доношу: такая была баталия, что радостно было смотреть, как с обеих сторон регулярно бились, и зело чудесно видеть, как всё поле устлано мёртвыми телами. Поздравляю Вас преславною викторию¹ и глаголю: виват, виват, виват!»

¹ Виктория — победа.

После битвы под Калишем Август II обнародовал Альтранштадский договор. Россия осталась без союзников в борьбе с искусными и опытными шведскими войсками. Теперь главные силы шведов двинулись из Саксонии на восток. Карл говорил, что он хочет навестить русских варваров в Москве и заключить с Россией мир по-саксонски, то-есть лишить власти Петра.

Карл приближался к русским границам, он переправился через реку Березину и 3 июля 1708 года встретился с русскими у местечка Головчина. В темноте и в дождь Карл неожиданно напал на русских и заставил их отступить. Это была последняя победа шведов.

При приближении шведов русское население забирало скот и хлеб и уходило в леса, сжигая всё, чего нельзя было увезти с собой. Шведы голодали, их путь был усеян трупами. Они не могли выйти на дорогу к Смоленску или к Брянску, так как русские войска во-время заняли стратегически важные пункты.

Узнав о военных приготовлениях на русской границе, Карл вынужден был повернуть на юг. Ряд веских соображений влекли его на Украину. Он надеялся получить здесь продовольствие для своей армии, дожидаться прихода польских войск Станислава Лещинского и хотел поднять крымских татар против русских. Кроме того, Карл рассчитывал на восстание украинских казаков против России, обещанное украинским гетманом Мазепой. Украина представлялась шведам удобным местом, откуда, отдохнув и усилив свои войска поляками и татарами, можно развернуть дальнейшее наступление.

Русские войска при приближении шведов расположились вдоль русской границы, не вступая в бой с главными шведскими силами. На помощь Карлу шёл из Прибалтики шведский отряд под начальством Левенгаупта с обозом боевых припасов и продовольствия. Чтобы не допустить соединения отряда Левенгаупта с основными силами шведов, был выделен «летучий отряд» из конницы и гвардии, силой в 12 тыс. человек под начальством самого Петра. Бой произошёл 28-сентября 1708 года при деревне Лесной на реке Соже. Шведы после упорного боя были разбиты, и остатки их обращены в бегство. Из 16 тыс. человек шведы потеряли 10 тыс., 17 пушек, 44 знамени и обоз из 7 тысяч повозок. С остатком своих сил, но без продовольствия и без снарядов Левенгаупт

явился к Карлу. Впоследствии Пётр назвал битву под Лесной матерью Полтавы. В книге «История Свейской¹ войны», составленной при участии Петра, говорилось о битве при Лесной: «Сия у нас победа может первая назваться, понеже² над регулярным войском никогда такой не бывало; к тому же ещё гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем. И по истине она виною всех благополучных последований России, понеже тут первая проба солдатская была, и людей конечно ободрила, и мать Полтавской баталии...».

Но после этого крупного успеха произошла измена Мазепы. Украинский гетман пользовался полным доверием Петра. В то же время он вёл тайные сношения с поляками и шведами. К нему примкнула часть казацкой «старшины», т. е. часть офицерского состава украинского казачества. После вступления шведов в Украину Мазепа с отрядом казаков в 4—5 тысяч человек перешёл на сторону шведов и 28 октября уже представлялся Карлу. Но трудовой украинский народ остался верен союзу с братским русским народом. Украинские народные массы не пошли за изменниками, напротив, они не давали фуража и продовольствия шведам, обрекая их на голод, организовывали партизанские отряды. Раздражённый сопротивлением украинских партизан Карл XII приказал уничтожать непокорное население: шведы забирали в плен даже женщин, сжигали города и сёла.

Русское правительство старалось ослабить шведскую армию, изолировать её, не допуская к ней никакой помощи. Для того чтобы помешать польскому королю Станиславу осуществить поход на Украину, в Польшу был направлен русский отряд; кроме того, для поддержки сторонников союза с Россией выплачивались крупные денежные субсидии польским вельможам. Польский король таким образом не мог оказать содействия шведам. Для устрашения турок и крымских татар была проведена весьма успешно морская демонстрация. В Азове, в присутствии Петра, на суда были посажены 6 полков с артиллерией. В Турции увидели в этом грозные приготовления к выступлению русского флота против турок. Встревоженное султанское правительство прислало своего

¹ То-есть, шведской.

² Понеже — так как, потому что.

посла в Азов и поспешило подтвердить мир с Россией. При этом турки решительно запретили крымскому хану выступить на помощь шведам.

Русское правительство добилось таким образом нейтралитета (невмешательства) Турции и Крыма. В результате искусной и осторожной русской политики шведы на Украине оказались в полной изоляции. Шведская армия, зимовавшая в районе города Ромны, терпела голод и лишения, её тревожили частые стычки с русскими отрядами.

Весной 1709 года Карл XII приступил к осаде Полтавы. Шведские генералы пытались уговорить его отступить в Польшу для того, чтобы усилить армию поляками и оставленным там шведским корпусом. Но Карл, ослеплённый своими успехами, не хотел никого слушать. «Если бы бог послал ангела небесного с приказанием отступить от Полтавы, то я бы и тогда не отступил», — говорил он.

Гарнизон Полтавы во главе с комендантом А. С. Келиным героически защищался, но город не имел сильных укреплений и не мог выдержать долгой осады. Главные силы русской армии стягивались к району Полтавы, намереваясь дать здесь генеральное сражение. Весной 1709 года Пётр писал одному из своих сотрудников: «Объявляем вам, что мы здесь намерены неприятеля всеми силами атаковать».

При подготовке к бою Пётр проявил себя искусным военачальником. Недалеко от Полтавы был сооружён укреплённый лагерь, прикрытый с тыла рекой Ворсклой. Местность перед лагерем была равнинная, кончающаяся лесом. По распоряжению Петра на пути противника к равнине были выстроены шесть земляных укреплений, редуты. Перпендикулярно этой линии редутам сооружались ещё четыре редута. Редуты охранялись пехотой, конницей и несколькими орудиями. Во время боя здесь требовалось задержать наступавшего противника, расстроить его ряды, а затем перейти в наступление.

Пётр собрал крупные силы; русская армия почти вдвое превышала шведскую, в ней насчитывалось 50 тыс. человек при 72 орудиях.

Шведские силы состояли из 30 тыс. человек пехоты и конницы с 4 орудиями. Опасаясь скорого прихода калмыков на помощь русским, Карл решил ускорить битву, не-

смотря на то, что, осматривая будущее поле боя, он 25 июня был ранен в ногу. Карл отдал приказ выступить на 27 июня. Часть своих войск он оставил против полтавской крепости, остальные полки повёл на русские редуты. Бой начался ночью, шведы успели захватить первые два недостроенные редута. При попытке обойти остальные редуты они понесли крупные потери, один шведский отряд был уничтожен конницей Меншикова. Под жестоким огнём шведам удалось пробиться на равнину перед русским лагерем, здесь они стали строиться в боевом порядке. Раненого Карла несли в качалке перед фронтом, он шутками ободрял солдат.

Русские войска выходили из лагеря на равнину и строились в две линии. Часть армии Пётр приказал оставить в лагере.

Из шатра

Толпой любимцев окружённый
Выходит Пётр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как божья гроза.
Идёт. Ему коня подводят...

Так рисует Петра перед боем А. С. Пушкин.

В это время Пётр обратился к армии с приказом, который дошёл до нас в более поздней редакции.

«Воины! — говорилось в приказе, — вот пришёл час, который решит судьбу отечества; итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру вручённое, за род свой, за отечество... Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказали... А о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего».

В 9 часов утра противники сблизилась на пушечный выстрел. Русские открыли артиллерийский огонь, но шведы продолжали наступать; обе армии дали ружейные залпы и затем вступили в рукопашную схватку. Пушкин оставил нам яркое изображение Полтавского боя:

В огне, под градом раскалённым,
Стеной живою отражённым,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,

Полтавская битва. (Мозаика Ломоносова.)

Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся сплеча,
Бросая груды тел на груду,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, режет,
Бой барабанный, крики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.

Шведы сбили штыками центр русских войск, пытаюсь отрезать их левое крыло от правого. Но Пётр с двумя батальонами Новгородского полка бросился вперёд, чтобы закрыть образовавшийся опасный промежуток. Шляпа и седло Петра были прострелены. На левом русском фланге драгуны под начальством Меншикова стали теснить противника и одерживать верх над шведской конницей. Вслед за конницей дрогнула пехота неприятеля. Под натиском русских отступление шведов перешло в бегство и охватило всю армию.

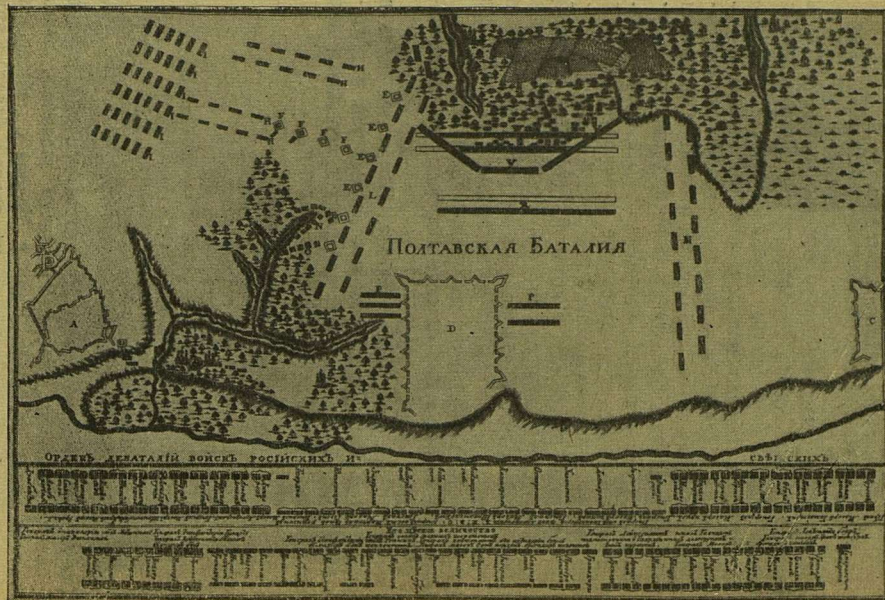
Ядро ударило в коляску, в которой находился раненый Карл. Распространились слухи, что Карл убит. Тогда шведский король приказал поднять себя и посадить на скрещённые пики. Он пытался остановить бегущих, но никто не обращал внимания на призывы короля.

Шведы бежали по берегу реки Ворсклы, по направлению к Днепру.

Русские одержали полную победу. В тот же день в русском лагере был устроен торжественный пир, на который Пётр пригласил пленных шведских генералов и пил за их здоровье, называя своими учителями:

Пирует Пётр. И горд и ясен
И славы полон взор его,
И царский пир его прекрасен.
При кликах войска своего,
В цгатре своём он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок поднимает.

Шведы бежали так поспешно, что за три дня, сделав 100 вёрст, достигли Днепра. Но здесь оказалось лишь несколько лодок, и только Карл и Мазепа с небольшим отрядом могли переправиться на другой берег. Карл направлялся в Турцию.

План Полтавской баталии.

Меншиков с 9-тысячным отрядом преследовал шведов и настиг их у Днепра. Хотя здесь было 16 тысяч шведов, но они пали духом, не имели продовольствия, и Меншиков заставил их сдаться. В результате Полтавского боя шведы потеряли 9284 человека убитыми и ранеными и 18 794 человека попали в плен; потери русских составляли 4635 человек убитыми и ранеными. Английский посол в Москве внимательно ловил все известия и слухи о событиях и сообщал их своему правительству. Узнав о сдаче шведских войск, он писал: «Так столь прославленная на весь мир шведская армия стала добычею его царского величества... Может быть, в целой истории не найдётся подобного примера покорного подчинения судьбе со стороны такого количества регулярных войск».

Полтавская победа принадлежит к величайшим событиям мировой истории. Победа освободила нашу страну от захватчиков, стремившихся отторгнуть Украину и проникнуть в глубь России. Разгром шведской армии должен был вместе с тем закрепить за Россией завоёванные русским оружием берега Балтийского моря. В день битвы Пётр писал в извещении о победе, что «ныне уже совершенно камень во основание Санкт-Петербурга положен». Через две недели русские войска отходили на север, война перенесена была в Прибалтику, в шведские владения, где русские войска вновь одержали ряд блистательных побед. Победы одержаны были русским народом, русской армией, созданной и обученной под руководством Петра I.

Товарищ Сталин отметил большое значение деятельности Петра Великого для хозяйственного роста страны: «Когда Пётр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости»¹. За время царствования Петра в стране было основано свыше 200 фабрик и заводов, среди них были весьма крупные по тому времени чугуноплавильные, железоделательные и медные заводы, а также суконные, полотняные, шёлковые, кожевенные, бумажные, стекольные и другие фабрики. Это был огромный успех.

Одним из крупнейших промышленных предприятий была казённая мануфактура по производству парусного полотна, расположенная на р. Яузе, в селе Преображенском под Москвой. Она называлась «Хамовным двором», в 1719 году здесь работали 1344 чел. В «самопрядошном» отделении на 155 самопрялках выдывали пряжу, в двух «утошных» сараях мастерицы пряли «уток», в «сновальне» готовили нити к ткани. По обе стороны р. Яузы были расположены «тканые» светлицы, в 34 из них было расположено 204 ткацких стана, и по другую сто-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 359.

рону Язуы находилось ещё 17 светлиц с 101 ткацким станом. Здесь же было поставлено производство канатов на особом Канатном дворе. «Хамовный двор» обслуживал парусным полотном и канатами военно-морской флот.

Примером крупного промышленного предприятия может служить также полотняное производство голландца Тамеса (или Тамсена) в Москве. На этом производстве была прядильня, где из льна вырабатывали пряжу, в ткацком отделении изготовляли льняное полотно, салфетки, скатерти, в отделочном отделении белили и отделывали готовые ткани. Фабрика Тамеса так славилась в то время, что её посещали Пётр и знатные иностранцы и вельможи. После посещения фабрики голштинским герцогом, один из его придворных, Берхгольц, записал в своём дневнике под 13 февраля 1722 года, что купец Тамсен просил герцога посетить «недавно заведённую им здесь полотняную фабрику и потом пожаловать к нему обедать». В этот день около 10 часов утра герцог со всей свитой отправился в его дом, находившийся в Иноземной слободе. После завтрака приглашённые отправились осматривать отделочное заведение.

«Мы, — пишет Берхгольц, — пошли через двор в небольшую мастерскую позади дома (настоящая большая фабрика Тамсена в городе). Здесь всё у него устроено как нельзя лучше и со всеми удобствами, какие только нужны для такого сложного мануфактурного заведения. Тут же, под рукой, находилось и всё необходимое для беления полотен. Он изготовляет не только всякого рода грубые полотна, тик и камку, но и такое полотно, которое почти так же тонко, как и голландское».

Осмотр ткацкого отделения произвёл на гостей также большое впечатление. «Оно имеет сто пятьдесят ткацких станков, за которыми работают почти исключительно одни русские, и производит всё, чего только можно требовать от полотняной фабрики, т. е. все сорта полотна», — записывает Берхгольц.

О прядильне в дневнике говорится, что здесь работают девушки, отданные на работу в наказание лет на 10 и более, а некоторые и навсегда; между ними было несколько с выдранными ноздрями¹.

¹ Преступников, сославшихся на каторжные работы, клеймили раскалённым железом и выдирали ноздри; фабрика заменяла каторгу.

В заключение Тамес повёл гостей в комнату, где «сидело человек двадцать или тридцать свободных работников, которые ткали за деньги; но заработная плата их не превышала того, во что обходится содержание арестанта».

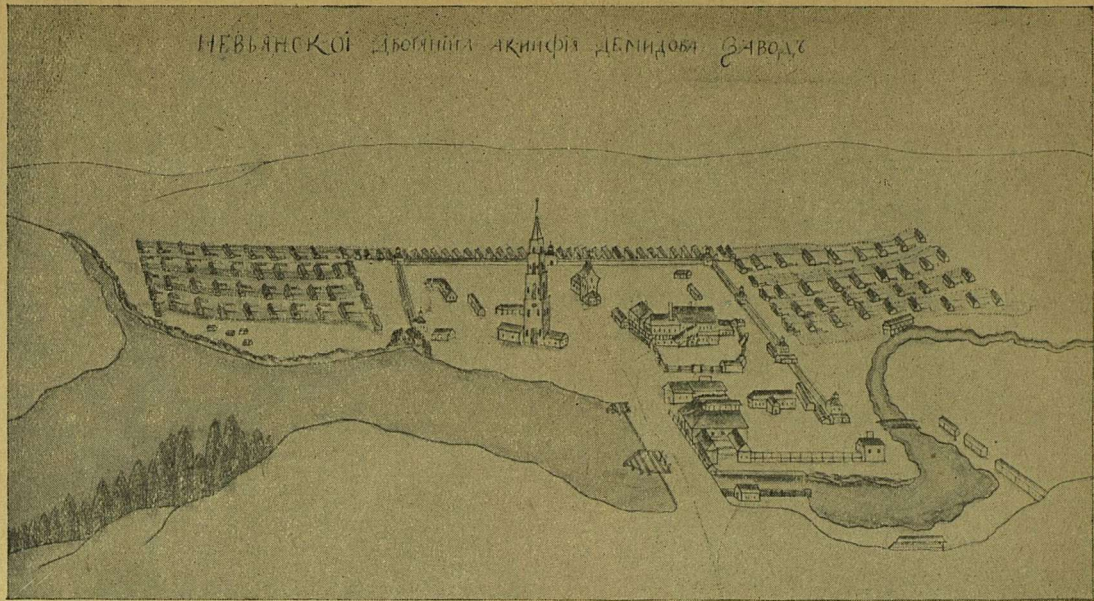
Положение рабочих на тогдашних заводах, как можно видеть из этого описания, было крайне тяжёлым. Основная часть рабочих были крепостными. В угоду заводчикам для обеспечения их рабочей силой в 1721 году им было разрешено покупать деревни с крестьянами. Эти крестьяне отличались от помещичьих только тем, что считались неизменной частью заводского хозяйства и могли быть проданы лишь вместе с заводом. Кроме того, на заводы отсылались нищие, а та же осуждённые на каторгу. Небольшая часть рабочих, в особенности мастера, были вольными людьми, но заработная плата их была ничтожна. На полотняной казённой мануфактуре в Петербурге ткач получал 7 р. 20 к. в год, мастер — 12 руб., подмастерье — 6 руб. в год. В то же время иноземные специалисты получали на суконных мануфактурах от 34 до 240 руб. в год, на шёлковых мануфактурах — 400—600 руб.¹.

Кроме того, государственные крестьяне приписывались целыми волостями к заводам. В качестве «приписных» они должны были работать в принудительном порядке 3—4 месяца в году на заводах. Зарботная плата их составляла 10 копеек в день крестьянину, работавшему с лошадей, и 5 копеек без лошади. Но и эта заработная плата не выдавалась на руки, а лишь зачитывалась вместо уплаты податей в казну.

При Петре начинается широкая разработка железных руд на Урале. В 1699 году на Урале был выстроен Невьянский завод, существующий до сих пор. Сначала этот завод был казённым, но затем его отдали тульскому заводчику Никите Демидову — первому из семьи уральских заводчиков Демидовых, известных своим богатством и своей жестокостью по отношению к рабочим. Он выстроил на Невьянском заводе каменный дом с высокой башней, под которой была тюрьма для заводских рабочих. Демидов так разбогател, что мог делать подарки

¹ Рубль первой четверти XVIII века равнялся 9 рублям конца XIX века.

НЕВЬЯНСКОЇ ДРОБЯНИЦА АКИНФІЯ ДЕНИДОВА ЗАВОДУ

Невьянский завод на Урале.

Никита Демидов.

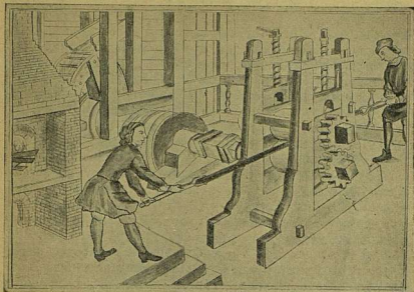
самому царю: к рождению царевича Петра Петровича Демидов преподнёс Петру I драгоценные камни и меха стоимостью в 100 тысяч рублей.

Заводы строились по берегам рек, чтобы использовать движущую силу воды. Вначале возводилась плотина, в прорезы которой шла вода, поступавшая в «ларь» — длинное четырёхгранное водохранилище, срубленное из крупных брёвен. Из ларя по деревянным трубам вода подавалась на колёса, которые приво-

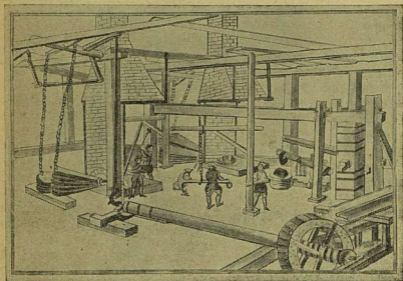
дили в движение воздуходувные мехи у домен и горнов, поднимали 20-пудовые молоты дляковки металла, двигали рычаги и вращали сверлильные станки.

На выстроенном при Петре Екатеринбургском казённом заводе были две домны, выпускавшие в год 88 тысяч пудов чугуна. Часть чугуна поступала в литейную, где переливалась в готовые изделия, другая часть подавалась в «молотовую», где находились 4 молота и 8 горнов, и выковывалось железо. Из молотовой часть железа шла в «досчатую» мастерскую, где вырабатывали кровельные листы или «доски», другая часть поступала в жестяную мастерскую, выпускавшую лужёную жечь. Кроме того, на заводе имелись стальная мастерская, в которой изготовляли сталь, плющильная, резная и проволочная мастерские. Всего на Екатеринбургском чугуно-плавильном заводе было 318 рабочих и служащих.

Мы видим, что описанный уральский завод был крупным предприятием, в котором применялось разделение труда, каждый рабочий был занят только одной операцией, работал в определённом цеху. Крупные размеры

Плющильная машина.

Якорная мастерская на Уральском заводе в XVIII в.

предприятия, множество рабочих и разделение труда отличают этот завод от мелкой мастерской ремесленника, кузнеца или жестяника, где хозяин с учеником или подмастерьем сам производил все необходимые операции, обрабатывал свой товар с начала и до конца. Машин тогда ещё не было, техника оставалась ручной. Такие предприятия, в отличие от фабрики и завода, следует называть мануфактурами, хотя современники называли их фабриками. По сравнению с ремесленными мастерскими мануфактуры времени Петра I представляли огромный шаг вперёд.

Ленин различал три последовательные ступени в развитии капиталистической промышленности: 1) мелкое ремесло, 2) мануфактуру и 3) фабрику. Но петровские мануфактуры ещё не были капиталистическими предприятиями, так как в них применялся наряду с наёмными рабочими крепостной труд, большинство рабочих были крепостными заводчика. Крупная промышленность создавалась «за счёт крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры» (С т а л и н).

Наряду с созданием крупной промышленности было переустроено мелкое ремесло. В Западной Европе ремесленники входили в союзы, называвшиеся цехами, выбирали своих старост, и никто из ремесленников, не входивших в цеховой союз, не мог заниматься ремеслом; только цеховые ремесленники могли открывать мастерские. При этом число станков и количество учеников у каждого ремесленника было небольшим. Старосты наблюдали за качеством изделий, за поведением учеников, их обучением и ведали приёмом в цехи новых членов. В 1722 году в России также было введено цеховое устройство ремесленников. Городские ремесленники обязаны были записываться в цехи. Каждый цех выбирал своих старшин, или «альдерманов». Полноправными членами цеха могли быть только мастера, которые получали право держать подмастерьев и учеников. Чтобы стать мастером, надо было пройти испытания в присутствии старшин, показать своё мастерство. Мастер и старшина ставили свои клейма на каждой штуке товара, изделия плохого качества требовалось уничтожать, продажа неклеймённых товаров запрещалась под угрозой штрафа и исключения из цеха. Был установлен семилетний срок ученичества. В Москве для записи в цехи явилось 6260 ре-

месленников, здесь были кожевенники, сапожники, скорняки, портные, шапошники, золотых и серебряных дел мастера, кузнецы, оружейники, пекари и т. п. Из них были составлены 32 цеха, отдельно для каждого вида производства. Лишь менее трети всего числа ремесленников (1858 человек) были признаны полноправными мастерами и могли принять участие в выборах старшин.

Хозяйственный рост страны требовал хороших дорог, необходимых для перевозки товаров. Наиболее дешёвыми и удобными путями сообщения тогда были реки, в особенности величайшая в Европе река Волга. Для лучшего использования водных путей при Петре строились каналы. Завоевание Азова привело к решению прорыть канал между Волгой и Доном в том месте, где эти реки всего ближе подходят друг к другу. Были собраны рабочие и начаты земляные работы, но прекращение войны за побережье Чёрного моря и начало Северной войны вызвали окончание этих работ. С завоеванием Балтийского побережья и с основанием Петербурга были начаты работы по соединению Волги с Балтийским морем одним водным путём, для чего был сооружён канал у Вышнего Волочка, который соединил реку Тверцу, левый приток Волги, с рекой Мстой, впадающей в озеро Ильмень. Благодаря Вышневолоцкому каналу суда могли идти по единому водному пути из Каспийского моря по Волге в Ладожское озеро и затем в Финский залив. В Ладожском озере, глубоком и бурном, суда нередко терпели крушение, поэтому были начаты работы по сооружению обводного канала вдоль Ладожского озера, протяжением в 104 версты; эти работы были закончены только через 12 лет после смерти Петра.

При участии Петра было намечено сооружение Маринской и Тихвинской систем каналов, которые были построены много позже, в XIX столетии. Особенно интересен разработанный тогда же проект канала для соединения Москвы-реки с Волгой. Автор проекта, инженер Генин, считал, что эта работа «зело тяжкая»; он предлагал построить на протяжении канала 123 шлюза.

Каналы должны были способствовать расширению торговли и обеспечить поток товаров в направлении к Петербургу, к Балтийскому морю, вместо далёкого и неудобного пути для внешней торговли через Архангельск.

Корабль «Св. Пётр».

Пётр, убеждённый в выгодности Петербургского порта, добивался оживления его деятельности крутыми мерами, не считаясь с возражениями. Было установлено, что не менее $\frac{1}{3}$ грузов, направляемых за границу, должны идти к Петербургу, а остальные — к Белому морю. При этом товары, шедшие через Архангельск, облагались повышенной пошлиной по сравнению с пошлинами в Петербургском порту. Эти меры имели успех; в 1722 году в Петербург уже пришло 116 иностранных кораблей, в 1724 году — 240 кораблей.

В 1724 году был издан подробный таможенный тариф, который устанавливал размер пошлин на товары при ввозе их из-за границы в Россию и при вывозе их из страны. При установлении пошлин правительство стремилось способствовать расширению русской крупной промышленности. Заграничные товары облагались высокими пошлинами, если они конкурировали с отечественными

товарами, а те товары, в привозе которых страна нуждалась, так как они производились на русских мануфактурах в недостаточном количестве, облагались низкими пошлинами. Наиболее высокие пошлины взимались при ввозе парусины, скатертей, железных игл и других изделий, которые уже производились в стране. Этими мерами достигался активный торговый баланс. Через три крупнейших порта — Петербург, Архангельск и Ригу — в 1726 году было вывезено русских товаров на 4,3 млн. руб., а ввезено заграничных товаров только на 2,1 млн. руб. Вывоз вдвое превышал ввоз.

Войны Петра, создание постоянной армии и флота потребовали огромных денежных средств. Для повышения государственных доходов правительство запретило частным торговцам торговлю многими товарами и установило продажу их казной по повышенным ценам. Постепенно казённая торговля захватила продажу вина, соли, поташа, икры, мехов, дёгтя, мела, сала, щетины; даже дубовые гробы продавались только казной. Часть этих товаров являлась предметом русского вывоза за границу, и таким образом торговля с иностранцами в значительной мере сосредоточивалась в руках государства. Для сбыта этих товаров были основаны конторы в Архангельске и даже в Амстердаме. Но казённые монополии мешали частной торговле, и в конце царствования Петра в интересах купечества большая часть монополий была отменена.

В целях изыскания средств правительство устанавливало новые налоги, например, налог за пользование рыболовными участками, с пчелиных пасек, с бань и т. п. Даже появилась особая должность «прибыльщиков», которые изобретали новые доходные статьи для казны. Особенно прославился прибыльщик Алексей Курбатов. Он был крепостным боярина Шереметева и вместе с ним, в качестве дворецкого, ездил за границу. Там Курбатов обратил внимание на гербовую бумагу, которая использовалась для деловых документов, заявлений и торговых сделок. Гербовая бумага продавалась по повышенной цене и таким образом сопровождалась налогом на сделки и заявления. По возвращении из-за границы Курбатов представил правительству проект введения гербовой бумаги в России. Пётр поддержал его. Курбатов быстро возвысился, из крепостного он превратился в руководителя

всеми финансами государства, стоял близко к царю, и впоследствии был архангельским вице-губернатором. Среди новых налогов был также налог на бороду с лиц, не желавших брить её по приказанию правительства, налог на свадьбы, сбор с извозчиков и т. п. В Башкирию были посланы прибыльщики со списком 72 новых сборов. Эти прибыльщики, как жаловались впоследствии башкиры, установили налог даже на глаза; с чёрных глаз было приказано взыскивать по 2 алтына (6 копеек), а с серых — по 4 копейки.

В конце царствования Петра вместо множества отдельных финансовых мер была проведена крупная реформа. Допетровский государственный бюджет на $\frac{2}{3}$ пополнялся косвенными налогами, таможенными пошлинами, доходами от продажи вина (кабацкие сборы) и других товаров. Прямые налоги, которые население платило непосредственно в казну, составляли остальную $\frac{1}{3}$ государственного дохода. Прямыми налогами, или податями, облагали крестьян и городское (посадское) население. Дворяне, духовенство и богатые заводчики «компанейщики» освобождались от уплаты податей. Вместо множества прежних прямых налогов при Петре была введена одна подушная подать, взимавшаяся не с двора, а с каждого человека мужского пола, или, как тогда говорили, с мужской «души». Для этого в 1718 году была произведена перепись населения, сопровождавшаяся большой утайкой «душ». Только через три года после нескольких повторных требований со стороны властей о представлении необходимых сведений учёт населения был закончен. Эта перепись получила название «ревизии», и с тех пор в течение 140 лет, до второй половины XIX столетия, в России было проведено 10 ревизий для учёта населения. Первая ревизия показала, что в стране (без Украины и Сибири) проживает 5 472 516 душ мужского пола крестьянского населения и 183 437 человек мужского пола посадского (городского) населения, всего 5 655 953 души мужского пола.

Подушная подать предназначалась для содержания армии, поэтому общая сумма расхода на армию в 4 миллиона рублей была разделена на число «ревизских душ». Таким путём был установлен размер подушной подати в 74 копейки в год с крепостных помещичьих и монастырских крестьян, по 1 р. 14 к.—с государственных крестьян,

1 р. 20 к. с «души» мужского пола городского населения. Подать бралась не только с взрослых работников, но и с мальчиков и стариков, приходилось также платить подать за умерших после ревизии или бежавших, но записанных в ревизию. Введение подушной подати привело к значительному росту государственных доходов. В 1680 году государственный бюджет составлял 1,5 миллиона рублей, а в конце царствования Петра, в 1724 году, смета доходов была установлена в 8,5 млн. рублей. При этом прямые налоги стали приносить более половины всех доходов. Увеличение государственного бюджета означало усиление эксплуатации основного плательщика налогов — крестьянина.

О тяжёлом положении крестьян говорит широкое распространение побегов крепостных от помещиков. При Петре было издано 20 указов о возвращении беглых прежним владельцам и увеличено наказание за укрывательство беглых. Пётр широко раздавал вельможам земли и крестьян: фельдмаршал Шереметев получил обширную Юхотскую волость в Ярославском уезде с 1700 крестьянских дворов, 1800 десятин пашни и лесами; князь Г. Долгорукий получил Хотунскую волость в Московском уезде; Меншикову были даны имения и крестьяне под Москвой, а также на Украине и в Прибалтике. Всего при Петре было роздано разным помещикам 175 тыс. «душ» мужского пола; для работы на заводах выделялись целые волости государственных крестьян, называвшихся «приписными», эти крестьяне должны были часть года рубить лес и выполнять другие работы для заводов. Также «приписывались» крестьяне к корабельным лесам для обслуживания строящегося флота.

Заводчики получили в 1721 году право покупать деревни с крестьянами для фабричной работы, но без права продавать их отдельно от заводов.

На строительство крепостей и новой столицы сгонялось большое число крестьян. В Петербург для этого собиралось два раза в году на 3 месяца по 20 тыс. человек.

В конце петровского царствования армия была размещена для прокормления по деревням и офицеры заняты были сбором податей в казну. «Мужикам бедным страшен один въезд и проезд офицеров и солдат», — как признавали власти. С введением подушной подати холопы были уравнены с крестьянами, превратившись в дворовых; по-

мещик получил возможность переводить крестьян из деревни в дворню, лишая их собственного хозяйства.

В немногих случаях петровские приказы охраняли крестьян от помещичьего насилия. Было приказано отдавать под опеку тех помещиков, кто чрезмерно разорял крестьян и доводил имения до «пустоты», так как это лишало казну податей. Запрещено было взыскивать с крепостных долги помещиков, бросать их за это в тюрьму и подвергать побоям. Время от времени крепостным позволялось добровольно менять неволю на солдатскую службу, которая была в то время пожизненной. Пётр однажды высказал даже желание прекратить продажу крестьян «как скотов», отделяя родителей от детей, но эта мера не была осуществлена, и продажа людей продолжалась. Писатель того времени, Иван Посошков, говорит, что дворяне налагают на крестьян «бремена неудобноносимые».

Таким образом, при Петре были достигнуты значительные успехи в области хозяйства, построено множество крупных мануфактур, проведены каналы, расширена торговля, но эти достижения сопровождались ростом крепостного гнёта и усилением налогового обложения трудового населения.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НАРОДНЫЕ
ВОССТАНИЯ

Время Петра I, особенно первое десятилетие Северной войны, заполнено острыми проявлениями классовой борьбы. Крестьянство, придавленное крепостным гнётом, и городская трудовая масса хватались за оружие. В 1705 году вспыхнуло восстание в Астрахани, в том же году восстала Башкирия, а два года спустя, в 1707 году, разразилось восстание на Дону под предводительством Кондратия Булавина.

О самом мощном из этих восстаний, булавинском, были сложены на Дону песни:

Воскрутился, возмутился наш батюшка Тихий Дон
Со вершинушки вплоть до устьяца,
До того ли городу до Черкаска...

Казачество не было однородным. В низовьях Дона вокруг казацкого центра, города Черкаска, жили зажиточные казаки, из среды которых избирался командный состав. Зажиточные казаки торговали с Москвой и даже с Турцией, они же давали деньги на морские походы, когда казачьи флотилии спускались в море и нападали на крымские и турецкие берега. Добыча, награбленная в этих походах, попадала главным образом в руки зажиточных казаков. Но среди казаков было много бедняков, или «голутвенных» казаков, которые находились в

кабале у зажиточных. Их было особенно много в верховьях Дона, куда стекались беглые крестьяне как из центра страны, так и из Украины. Их называли поэтому «верховыми» казаками.

На Дону казаки имели своё управление, собирались на сходки, или «круги», выбирали атамана и других начальников, называвшихся казацкой «старшиной». Донские казаки должны были охранять границы государства, и за их службу царское правительство посылало им жалованье — деньгами, оружием, сукном и мехами. Дон даже сносился самостоятельно с другими государствами. Донское войско укрывало у себя бежавших от господ крепостных. Дворянство и царское правительство неодобрительно смотрели на вольности казаков и в особенности стремились пресечь бегство на Дон своих крепостных. Помещики обращались к власти с просьбами, или «челобитьями», о возвращении беглых.

«Бегают от нас люди и крестьяне с жёнами и с детьми на Дон и на Хопёр и на Медведицу¹ беспрестанно, многие сёла и деревни запустошили», — писали они.

Помещики и монастыри получали земли в чернозёмных местах по верхнему Дону, они селили здесь своих крестьян и выживали казаков. Правительство постепенно стесняло казацкое самоуправление, прежде всего ограничивая право казаков вести дипломатические сношения, так как казацкая дипломатия нередко шла вразрез с политикой правительства. С взятием Азова прекратились сношения казаков с другими государствами, и азовский губернатор должен был зорко следить, чтобы казаки не повторяли своих морских набегов; рыбные ловли в устье Дона были также закрыты для казаков.

Восстание вспыхнуло в связи с посылкой на Дон войск с князем Юрием Долгоруким для высылки беглых крестьян. Во главе восстания стал Кондратий Афанасьевич Булавин, сын станичного атамана и сам атаман в Бахмуте, где были солеварни с множеством рабочего люда. В ночь на 9 октября 1707 года восставшие напали на отряд князя Ю. Долгорукого, и уничтожили весь отряд.

Войсковому атаману Лукьяну Максимову было приказано выступить из Черкаска против Булавина. Битва

¹ Притоки Дона.

была неудачна для восставших: черкасские казаки захватили множество пленных, из которых десять человек были повешены на деревьях за ноги, многие расстреляны, некоторым отрезали носы.

Сам Булавин скрылся. Он проник в Черкасск и даже тайно побывал на войсковом кругу. В этом центре зажиточного казачества также была великая «шатость». Булавин отправился затем в Запорожскую Сечь и там начал переговоры о совместной борьбе с царскими войсками. Отсюда Булавин рассылает свои обращения, называвшиеся «прелестными письмами»¹, в которых с большой убедительностью выражены цели восстания. Эти письма проникнуты ненавистью к боярам, помещикам и царским чиновникам. Булавин выступил как защитник крестьян от крепостного гнёта.

«От Кондратя Афанасьевича Булавина и от всего войска донского в русские города начальным людям, также и в сёла и в деревни, посадским торговым людям и всяким чёрным людям челобитье», — так начинается одно из его писем.

Далее в письме говорится, что восставшие стоят за христианскую веру и «за благочестивого царя нашего»:

«А от нас вы всякие посадские и торговые люди и всякие чёрные люди обиды никакой ни в чём не опасайтесь отнюдь. А которым худым людям, князьям и боярам и прибыльщикам и немцам за их злое дело отнюдь бы вам не молчать и не пущать».

Булавинский полковник Лоскут вспоминал о восстании Степана Разина и призывал к новой крестьянской войне.

Атаман Голый в своём «прелестном письме» заявлял: «А нам до черни дела нет. Нам дело до бояр и которые неправду делают. А вы голытьба и вся идите изо всех городов, конные и пешие, нагие и босые, идите, не опасайтесь, будут вам кони и ружьё и платье и денежное жалование. А мы стали за старую веру и за дом пресвятые богородицы и за вас за всю чернь».

Так борьба с крепостническим гнётом и дворянским правительством прикрывалась религиозной оболочкой, защитой «старой веры».

Вернувшись из Запорожья, Булавин сделал своим центром городок Пристанской на реке Хопре. Сюда стека-

¹ От слова «прельстить» (в смысле — агитировать).

лись толпы крестьян и работных людей, отсюда он рассылал своих атаманов. Казацкая старшина в Черкасске готовила отпор булавицам. Встреча произошла 8 апреля 1708 года близ г. Паншина на реке Лисковатке, однако вместо боя началось братание. «Верховые» казаки перешли на сторону восставших. Булавин получил 4 пушки, обоз и казну с 8 тыс. рублей.

После этой победы восстали казачьи городки по притокам Дона: Хопру, Бузулуку, Медведице и Северному Донцу.

Не встречая сопротивления, Булавин с 15 тысячами повстанцев направился к Черкасску и осадил его. Город Черкасск был сильно укреплен, в нём была 51 пушка, много пороху и боевых припасов. Булавин завязал сношения с пригородными станицами, а также с черкасскими жителями. На третий день осады Булавин потребовал выдачи атаманов, в противном случае он грозил приступом. Ночью две станицы отложились от Черкаска и 1 мая в городе вспыхнуло восстание; войсковой атаман Лукьян Максимов и другие старшины были посажены в лодки и выданы Булавиному. После взятия города Булавин на войсковом кругу был избран войсковым атаманом. Максимов и 6 старшин были обезглавлены, многие черкасские казаки были сосланы в дальние городки. В город был привезён хлеб из захваченных казённых запасов, церковная казна в 20 тысяч рублей поделена между повстанцами. Затем Булавин провёл мобилизацию казачества.

На второй день после занятия Черкаска Булавин обратился через азовского губернатора с письмом к правительству. В этом письме от имени всего казацкого войска Булавин обвинял Лукьяна Максимова во «многих к нам неправдах и разорении и всяких нестерпимых налогах», в присвоении казацкого жалованья и в насилиях.

«И за то их мы войском до смерти побили и вместо их по совету всем войском много атамана и старшин, кто нам, войску, годны и любы, выбрали и по договору для крепкого впредь постоянства и твёрдости в книги написали. И от него, великого государя, мы войском не отказываемся и его, великого государя украинских городов, нашествия и разорения никакого не чинили, и отнюдь не помышляем, и желаем всеусердно ему, великому государю, служить попрежнему».

Булавин хотел договориться с правительством, получить от него признание своей власти, он стремился приостановить наступление правительственных войск против повстанцев. В этом же обращении сказано:

«И чтоб его, великого государя, назначенные к нам, войску, к Черкасску, также на Дону, по Хопру и по Донцу ратные полки с полководцем к городкам не ходили б. А буде они, полководцы, преслушав его, великого государя, указ, насильно поступят и какое разорение учинят, и в том воля его, великого государя, мы войском реку Дон и со всеми запольными реками ему, великому государю, уступим, и на иную реку пойдём. А буде мы войском ему, великому государю, на реке годны и в винах наших нас, войско, милосердно простить, и на реке попрежнему по нашей казачьей обыкности жить нам велит, и о том мы войском от него, великого государя, ожидать премилосердного указа и грамот желаем».

Булавин вёл переговоры с кубанскими татарами и с запорожцами. Одновременно он обратился к турецкому султану, ища покровительства у турецкого правительства на случай, если не удастся помириться с царём.

Восстание ширилось, захватило Поволжье и нашло отклик в центре страны. Булавинцами были взяты города Камышин и Царицын, Саратов отбилась лишь в результате помощи калмыцкого хана. В Нижнем Новгороде, на кремлёвской стене появилась надпись «Быть бунту».

Повстанческие отряды действовали по соседству с Доном в Воронежском, Козловском и Тамбовском уездах. Крестьянские волнения отмечены в 1708 году в 43 уездах, в том числе даже в столь отдалённых от Дона, как Костромском, Тверском, Смоленском и Звенигородском. Крестьяне громили помещичьи усадьбы, избивали помещиков, запахивали земли и отказывались отбывать барщину. На Украину также приезжали булавинцы и предлагали заготовить «острые кольца, на чём сажать старшин да подьячих».

Булавин допустил крупную ошибку, дробя свои силы. Он направил отряд атамана Некрасова на Волгу, атамана Хохлача к Воронежу, а сам выступил против Азова. 5 июля 1708 года булавинцы были под крепостью. Попытки прорваться через матросскую и плотницкую слободы не увенчались успехом. После трёх часов непрерыв-

ной стрельбы из Азова, повстанцы были вынуждены отступить.

Эта неудача привела к тому, что в лагере восставших подняли голову зажиточные казаки. Заговорщики окружили дом Булавина и начали его обстреливать. Булавин защищался, пока не увидел безнадёжность своего положения. Тогда он выстрелил себе в висок.

Самоубийство Булавина помогло правительственным войскам, перешедшим ещё ранее в наступление, достигнуть Черкаска. Черкасские атаманы выдали булавинцев и целовали крест «не бунтовать и к возмущению никого не прельщать». В Черкаске были казнены 40 булавинцев.

Правительственные войска до поздней осени 1708 года преследовали повстанцев. По Дону плыли плоты с 200 повешенных булавинцев.

Значение Булавинского восстания заключается в том, что оно потрясло крепостной строй и сплотило крестьянство в революционной борьбе. Неудача восстания объясняется его стихийностью, отсутствием руководства со стороны другого революционного класса, пролетариата, которого тогда ещё не было, царистским характером восстания. Товарищ Сталин говорит:

«Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачёв и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетённых классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнёта. Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными; как у Стеньки Разина, ни к чему серьёзному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели. Кроме того, говоря о Разине и Пугачёве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя». Ведь таков был их лозунг»¹.

¹ Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, стр. 527.

Восстание в Астрахани произошло ещё раньше булавинского, в 1705 году.

Астрахань, расположенная в устье Волги у Каспийского моря, была крупнейшим пунктом торговли с Востоком. Сюда приезжали купцы из Ирана и Индии с шёлком, тканями и другими товарами. В городе было три торговых двора — русский, индийский и армянский, в которых помещались приезжие купцы со своими товарами; здесь же было много ремесленников. На Волге и в Каспийском море имелись обильные рыбные промыслы, здесь вылавливали осетров и белуг. Поблизости от города были расположены селитренные заводы, а в степи — соляные озёра, где добывалось около миллиона пудов соли в год. На приисках и заводах было много рабочего люда. В центре Астрахани расположен кремль с каменными высокими стенами, в городе стоял гарнизон из солдат, стрельцов и иноземцев, состоявших на русской службе.

У астраханцев накопилось немало поводов для недовольства. Рыбные промыслы были отданы богатейшим промышленникам, соль — предмет первой необходимости — продавалась из казны вдвое дороже, чем обычно. Было установлено множество новых налогов, введён сбор с домашних бань по 1 руб. 15 коп., сбор с погребов и с каждого «дыма» (то-есть с печи, очага), взимали налог с домашнего приготовления пива и браги, повышены были пошлины на все товары, с лавок и возов. К этому прибавились насилия со стороны местных властей. Во главе управления стоял воевода Астрахани боярин Ржевский. Он заставлял солдат и других подчинённых работать лично на него, рубить лес и возить сено.

Кроме налога на бороды (даже с самых бедных людей в Астрахани брали по 10 копеек за бороду), особенное недовольство возбудил указ об обязательном ношении короткого иноземного платья. Воевода не дал срока для шитья платья по новым образцам, но в праздник приказал обрезать у астраханцев, шедших в церковь, длинное платье. «Усы и бороды, ругаючи, обрезывали с мясом», — жаловались астраханцы. В городе распространялись нелепые слухи о скором запрещении на 7 лет играть свадьбы и о приказе выдать всех девиц замуж за иноземцев. Испуганные астраханцы в воскресенье 29 июля 1705 года сыграли сразу 100 свадеб.

В ночь на 30 июля началось восстание. Восставшие убили двух русских офицеров и трёх иноземцев-матросов. На другой день собрали сходку, или казацкий «круг». Воеводу Ржевского нашли спрятавшимся в курятнике, привели его на круг и убили; всего было убито до 300 человек. Вместо воеводы был избран совет старшин, в который вошли выборные люди из горожан и стрельцов во главе с богатым купцом, или «гостем», Яковом Носовым. Восставшие захватили селитренные заводы под Астраханью, пороховой склад, таможни, казну. К восстанию примкнули ближайшие города: Красный Яр, Чёрный Яр, Гурьев, также восстали терские казаки.

Астраханское восстание было направлено против гнёта и притеснений со стороны дворянского государства. Но этот протест был ещё облечён в религиозную оболочку, в начинавшихся реформах восставшие видели нарушение старых обычаев и веры.

Против восставших были направлены войска под начальством Шереметева. В Астрахань была послана царская грамота с призывом прекратить восстание. С получением грамоты богатые астраханцы, торговые люди и духовенство написали повинную. В тридцати верстах от города Шереметева встретила делегация из купцов, стрельческих начальников и духовенства. Но бурлаки и «работные люди» с промыслов, солдаты, стрельцы и мелкие ремесленники решили Шереметева в город не пускать.

Царские войска приступили к атаке; после отчаянного сопротивления восставшие вынуждены были отступить и засели в крепости. На следующий день после бомбардировки они вынесли в знак покорности к воротам города топор и плаху. Шереметев приказал восставшим сложить оружие и выдать ключи от города и городскую печать. Когда войска вошли в город, по всему пути до астраханского кремля астраханцы лежали на земле, прося о помиловании.

Следствие по астраханскому восстанию тянулось долго, наиболее деятельных его участников допрашивали и пытали в Москве (в селе Преображенском). Зимой 1707—1708 года 240 астраханцев были обезглавлены или повешены.

Одновременно с Астраханью восстала Башкирия (1705 г.). Здесь гнёт со стороны царского правительства соединялся с жестокой эксплуатацией трудового народа

местными башкирскими феодалами. Башкиры были кочевниками, но часть их переходила к полуосёдлому быту, сочетая кочевое хозяйство с земледелием. Феодалная знать в Башкирии, так называемые тарханы и батыри, сосредоточили в своих руках землю и рыбные ловли, они занимались также торговлей. Богатство тарханов и батырей заключалось главным образом в табунах лошадей, стадах верблюдов, отарах овец и коз. Каждый из них имел от 500 до 2000 голов скота; у тархана Алдара было 8000 лошадей, тогда как рядовые скотоводы имели по 30—50 голов. Тарханы и батыри были окружены многочисленной дворней и полукрепостным населением. Рядовые башкиры обязаны были работать на них и уплачивать оброк. Кроме того, богатые башкиры имели рабов, в которых превращали пленных. Рабов в качестве ценного товара продавали на Восток. Царское правительство размещало русских помещиков на захваченных башкирских землях, особенно усилились захваты земель в связи со строительством заводов на Урале. В Башкирии строились крепости, а земли вокруг них раздавались дворянам.

Недовольство населения усиливалось в результате роста налогов. В 1704 году в Уфу были посланы «прибыльщики» со списком новых налогов. Башкирское население отказывалось от уплаты новых поборов. Тогда сюда были направлены шесть полков во главе с Александром Сергеевым, который требовал с башкир тысячи подвод и лошадей и разыскивал беглых русских крестьян. Сергеев собрал в Уфе башкир, в том числе знать и духовенство, запер их в «огород», приставил караул и поил вином, что запрещено магометанам религиозными правилами. Впоследствии башкиры, донося о своих обидах властям, рассказывали, как происходило это угощение.

«И он де Сергеев, — писали они, — в неволю поил, кто и век свой мёду и вина не пивали, азей, муллов и ахунов¹ их поил; а ежели де кто не станет пить, тех, бив палками, и насильно поил, и напившись де лежали без памяти. И лежачих де людей порохом палил, солому огнём зажигал, на руки свечи прилеплял, другим, в горсти пороху насыпав, огнём палил, а лежалых людей, сизнова подняв, по неволе поил, хотя поморить. В тот же огород ввёз 10 пушек и стрелял до вечера 10 раз... И как де они пьяные

¹ Мусульманское духовенство.

лежали, и он де Сергеев, вошёл в огород, всякому пьяному, лежачим людям, держав против солнца зеркало своё, рожи и головы жёг, и, который тронется, ещё поил, чтобы поморить».

Восстание началось в 1705 году и постепенно распространилось на всю Башкирию; к восстанию примкнули также татары, марийцы и чувашы. Во главе восставших встал сын киргизского хана султан Мурат. Он переправился на Кубань, оттуда в Крым и далее в Константинополь, где просил помощи у турецкого султана против русских. Вернувшись в Россию, он попал в плен и был казнён. После него восстание возглавили батыри Кусюм и Алдар.

В начале 1708 года восставшие разоряли деревни в 30 верстах от Казани. Восстание перекинулось за реку Каму и на берега реки Вятки. Казань спешно укреплялась царскими властями, к ней были стянуты войска. Вместе с тем правительство старалось посеять рознь среди восставших. Начальник войска князь П. И. Хованский вступил в переговоры с башкирской знатью, чтобы задобрить и запугать её и оторвать от восстания. Это ему удалось, и часть башкирских тархан и батырей принесли повинную и в знак покорности целовали коран. Правительство направило против башкир калмыцкие войска, натравливая таким образом одни народы Поволжья на другие. Башкирские отряды отступали на восток, нападали на уральские заводы и действовали в Зауралье. Восстание было подавлено к 1711 году, но и после того башкиры нередко отказывались от уплаты налогов.

Башкирское восстание было стихийной борьбой народных масс против гнёта и грабежа со стороны царского правительства. Но башкирские феодалы хотели создать мусульманское государство, которое было бы вассалом Турции, они вели сношения с крымским ханом и турецким султаном и стремились к беспрепятственной эксплуатации трудовых башкир, татар и чувашей. Они первыми перешли на сторону русского правительства и сами участвовали в подавлении народного башкирского восстания.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ОКОНЧАНИЕ
СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Полтавская победа изменила весь ход Северной войны. Разгром шведов под Полтавой привёл к тому, что военные действия были перенесены за пределы России, на шведскую территорию.

Две недели спустя после Полтавской битвы русские войска двинулись в Польшу, где королём был ставленник шведов Станислав Лещинский. Приближение русских войск заставило Лещинского вместе с шведским корпусом, находившимся в Польше, спешно отходить на север в принадлежавшую шведам часть Германии (Померанию). Август II, старый союзник Петра, возвратился в Польшу, вновь получил королевскую власть и заключил союз с Россией. К союзу присоединились также Дания и Пруссия. Таким образом, Полтавская победа принесла восстановление прежнего союза.

Возобновились также военные действия в Прибалтике. В том же 1709 году, когда произошла Полтавская битва, в ноябре началась осада Риги; город сдался вследствие голода и мора среди осаждённых. После осады с моря и с суши в 1710 году был взят город Выборг. Эта победа должна была обезопасить Петербург с севера. Пётр называл Выборг «крепкой подушкой» Петербургу. Вслед за тем сдались русским Ревель и Пярну. Таким образом было закончено завоевание Эстляндии и Лифляндии.

Карл XII.

ским населением Турции, чтобы поднять его против турецкого господства. Были посланы грамоты к сербам и черногорцам, Пётр призывал их подняться «за свободу и вольность». В особенности Пётр рассчитывал на помощь дунайских княжеств, Валахии и Молдавии (на территории нынешней Румынии), населённых христианами и входивших в состав Турецкой империи.

Военные действия начались летом 1711 года, когда русские войска вступили в пределы Турции. Подвластный Турции молдавский господарь Кантемир перешёл на сторону русских; однако надежды на широкое восстание христиан против турецкого правительства оказались напрасными. В русской армии было около 40 тысяч человек, в то время как турецкая армия, перешедшая через Дунай, насчитывала около 190 тысяч человек.

На берегу реки Прута 9 июля 1711 года турки напали

После поражения под Полтавой Карл XII бежал в Турцию. В связи с этим к прежним разногласиям между Турцией и Россией, связанным с взятием Азова и отказом турок допустить плавание русских кораблей на Чёрном море, прибавились новые. Пётр требовал выдачи Карла. Турция опасалась усиления России, и Карл XII старался побудить султана к войне против русских. В ноябре 1710 года Турция объявила войну России; русский посол в Константинополе был посажен в тюрьму.

Русское правительство старалось завязать сношения с славянским и христианским

на русские войска. Битва была упорной, турки понесли большие потери и к ночи отступили. Но положение русских было тяжёлым, они были окружены численно превосходящим противником. Однако турки были напуганы отчаянным сопротивлением русских, и на следующий день турецкая гвардия, янычары, потерявшая накануне 7000 человек, отказалась идти в бой. Это ускорило начало переговоров о мире. Пётр вручил русскому представителю Шафирову инструкцию, в которой высказывал согласие на возвращение туркам части завоёванных русскими земель. Вместе с тем Шафирову было отпущено 150 тысяч рублей для подкупа турецкого визиря и его приближённых. Турки желали мира не менее русских, и через день был подписан договор, по которому русская армия могла свободно выйти из лагеря. Пётр обязывался возвратить Турции Азов, Таганрог и другие вновь построенные на юге крепости; кроме того, русское правительство должно было отказаться от вмешательства в польские дела и согласиться на возвращение Карла XII в Швецию. Но и эти тяжёлые условия были много лучше того, что могла ожидать окружённая турками русская армия.

В день, когда соглашение было подписано, в турецкий лагерь прискакал Карл XII, находившийся в Турции после Полтавской битвы. Он упрасивал визиря возобновить сражение и предлагал себя в качестве командующего турецкими войсками. Но визирь отказал ему в этом.

После окончания войны с Турцией ничего не мешало Петру I обратить всю энергию и все силы против шведов для успешного завершения борьбы за Балтийское море.

Военные действия развернулись прежде всего в принадлежавшей шведам Померании. В 1711 году русские, саксонские и датские войска приступили к осаде шведской крепости Штральзунд, но действия были несогласованными и города взять не удалось; в следующем году датчане отказывались помогать Меншикову при осаде города Штеттина. Пётр говорил, что он ночи не спит от этих неудач. Шведские войска под начальством фельдмаршала Стейнбока нанесли поражение саксонским и датским войскам (1712 г.), вступившим в бой, не дожидаясь шедшего к ним на помощь русского войска. Затем Стейнбок двинулся в Голштинию, но здесь Пётр разбил его в июле 1713 года.

Стремясь нанести решительный удар шведам, русское

правительство перенесло военные действия на другой конец Балтийского моря, в Финляндию, которая имела важное хозяйственное значение для Швеции. Пётр в 1712 году писал адмиралу Апраксину:

«Сие главное дело, чтобы конечно в будущую кампанию как возможно сильные действия с помощью божиею показать и идти не для разорения, но чтоб овладеть, хотя она (Финляндия) нам не нужна вовсе, и удерживать двух ради причин главнейших: первое, было бы что при мире уступить, о котором шведы уже явно говорить начинают; другое, что сия провинция есть матка Швеции, как сам ведаешь, не только что мяса прочее, но и дрова оттоль, и ежели бог допустит летом до Абова¹, то шведская шея мягче гнуться станет».

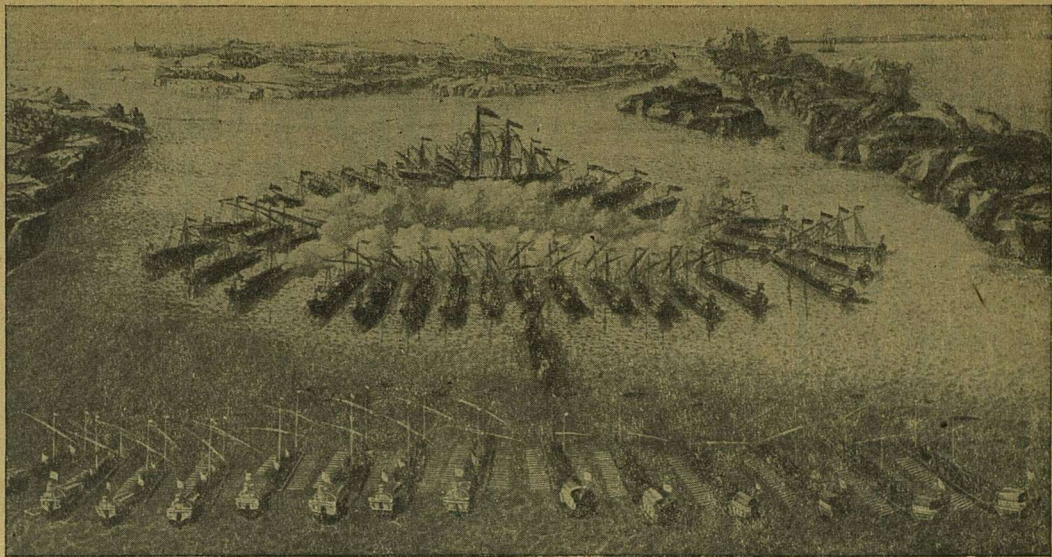
К берегам Финляндии была отправлена флотилия и были высажены войска. После занятия городов Гельсингфорса и Або было нанесено поражение шведам у Таммерфорса, и вся Финляндия оказалась в руках России.

Война в Финляндии сопровождалась крупной морской победой у мыса Гангут (мыс Ханко). В этом сражении отличился русский галерный флот, состоявший из небольших судов, шедших и на вёслах, и под парусами. Русский флот, состоявший из 100 галер, на котором были размещены пехотные полки, стоял у Гельсингфорса.

Шведская эскадра, в которой насчитывалось 16 крупных кораблей, 8 галер и 5 других судов, летом 1714 года стояла у мыса Гангут. Ничтожное число галер, способных идти на вёслах, делало шведский флот бессильным при безветрии. Этим воспользовался Пётр. Когда на море настал полный штиль, русским галерам было поручено прорваться между шведскими судами на запад. 20 русских галер беспрепятственно, избежав обстрела, прошли на вёслах мимо шведских кораблей и скрылись за Гангутским мысом. Следом за ними были отправлены ещё 15 галер.

27 июля 1714 г. на море продолжался полный штиль, и в обход мыса Гангут был двинут весь русский галерный флот. Этот смелый манёвр вполне удался. Русскому флоту было поручено уничтожить часть шведского флота, стоявшую к северу от Гангута. Здесь находились 1 фрегат, 6 галер и 3 мелких судна, на которых было 941 человек команды и 116 орудий.

¹ Главным городом Финляндии тогда был Або.

Сражение при Гангуте.

На русской адмиралтейской галере взвился синий флаг и раздался пушечный выстрел, это был сигнал «вступить в бой». Так как шведская эскадра стояла в узком заливе, то русский галерный флот не мог участвовать в бою в полном составе, и был выделен отряд из 23 галер, на которых находилось 3245 человек пехоты. На галерах было по одной пушке, и русские суда уступали шведским по силе артиллерии (23 орудия против 116). Дважды русские суда были отбиты артиллерийским огнём шведов и, наконец, пошли в третий раз. Сила отпора шведов стала слабеть. Галеры подходили к шведским судам, брали их на абордаж, и пехота вступала в рукопашную схватку. Одно за другим неприятельские суда были захвачены. Шведский адмирал Эрншильд пытался бежать на лодке, но был замечен и также взят в плен. Победа под Гангутом является началом славы нашего военно-морского флота. За эту победу Пётр получил от Сената чин вице-адмирала. Вслед за тем были заняты Аландские острова на Балтийском море, поблизости от шведских берегов.

Тем временем в Померании были достигнуты некоторые успехи. Меншиков взял город Штеттин на реке Одере и отдал его под «секвестр», т. е. временно, прусскому королю, чтобы привлечь его на сторону России.

Карл XII возвратился в 1714 году из Турции и стал во главе шведских войск в Померании. Его появление заставило Пруссию присоединиться к союзу, и в 1715 году датские и прусские войска заняли шведскую крепость Штральзунд. В союз вошёл ганноверский курфюрст (одновременно являвшийся английским королём), который захватил принадлежавшие шведам немецкие города Бремен и Верден. Таким образом, союз против Швеции расширился, но союзники не доверяли друг другу и требовали от русского правительства денег и войск.

Пётр стремился нанести удар на территории самой Швеции. Летом 1716 года он находился с русской эскадрой у берегов Дании. Здесь были собраны также английский и датский флоты для предполагавшихся совместных действий против шведов. Во главе объединённого флота должен был стать Пётр. В поисках удобного места для высадки, он обследовал с моря побережье Швеции. Но шведы успели укрепить свои берега, и судно, на котором находился Пётр, было пробито ядром. Вследствие отсутствия согласия между союзниками, десант был отло-

жен. Пётр в письмах из Копенгагена сравнивал союз с каретой, которую тянут в разные стороны необъезженные лошади.

Завоевание Финляндии и другие русские победы побуждали Петра поставить вопрос о заключении выгодного мира со Швецией. Предполагалось просить выступить посредником в будущих переговорах французское правительство. С этой целью Пётр выехал за границу.

После пребывания в Германии и Голландии, Пётр со своими ближайшими сотрудниками в 1717 г. приехал в Париж. В международном положении России к этому времени произошли большие перемены. Пётр выступал теперь в качестве главы могущественного государства, разгромившего сильную Швецию.

Французский чиновник, встречавший Петра при его въезде во Францию, в своих донесениях пишет: «Царь очень высок ростом, несколько сутуловат и имеет привычку держать голову немного вниз. Он смугл, и в выражении лица его есть что-то суровое; кажется, он обладает живым умом и большой сметливостью; в движениях его заметно некоторое величие, впрочем, не всегда выдерживаемое. Он задумчив и рассеян, хотя для всех доступен и прост в обращении; говорят, что он очень силен и способен к работе физической и умственной».

За двадцать лет, прошедших с первого заграничного путешествия, Пётр стал увереннее и чувствовал себя во Франции непринуждённо. Однажды, не дожидаясь, когда ему подадут экипаж, он занял карету жены французского маршала, приехавшей к нему с визитом. Он осмотрел Париж и его окрестности, в особенности то, что относится к промышленности, военному и морскому делу. «Журнал» отмечает все занятия Петра.

«Мая в 1 день его величество был в Габлине, где делают лучшие шпалеры¹, и смотрел тех работ и лучших шпалер, и был в Анатомии и Обсерватории.

Во 2 день его величество до обеда был дома, после обеда был на стеклянных заводах.

В 3 день его величество был в королевском доме в большой галерее, где лучшие картины, и смотрел в другой большой галерее модель фортециям лучших

¹ Шпалеры, или гобелены, — вытканые шёлком картины.

крепостей; и потом был в Лувре, и где делают статуи, и в королевском огороде¹, который в Тюлери.

В 8 день его величество смотрел анатомических вещей, сделанных из воска...

В 14 день (мая) его величество во весь день был в Версальском огороде², для чего пущены были все фонтаны и прочие игровые воды; и был в доме королевском, называемом Триано, который стоит в правой стороне огорода Версальского; и гуляли в баржах по Версальскому пруду, и были в другом королевском малом доме, называемом Менажери, который построен в левой стороне Версальского огорода, и там веселились утешными фонтанами.

В 5 день (июня) смотрел экзерциции³ французской гвардии, конной и мушкетёров.

В 6 день (июня) его величество был у мастеров, которые делают инструменты математические, и некоторые лучшие инструменты у них изволил купить.

Русское правительство старалось склонить Францию к союзу, указывая, что Россия уже приобрела в Европе то значение, которое ещё недавно принадлежало «полууничтоженной» Швеции, союзнику Франции.

Однако парижские переговоры не дали больших результатов, хотя французское правительство согласилось выступить посредником в мирных переговорах между Россией и Швецией. Франция в то же время обязалась не вступать в союз со Швецией по истечении срока союзного договора. Посредничество Франции оказалось ненужным, так как русский посол в Голландии князь Куракин установил в Амстердаме непосредственные переговоры с представителями Швеции о заключении мира.

Мирный конгресс был созван в 1718 году на Аландских островах, расположенных в Балтийском море. Здесь вскоре обнаружились крупные разногласия, переговоры затягивались. Участники конгресса по несколько раз уезжали для совещания со своими правительствами в Петербург и Стокгольм и вновь съезжались на Аландские острова. Русское правительство настаивало на сохранении за Россией всех своих завоеваний в Прибалтике, соглашаясь вместе с тем уступить обратно шведам занятую русскими войсками Финляндию. Шведы упорно

¹ Огород — сад, парк.

² Знаменитый Версальский парк близ Парижа.

³ Воинские упражнения, ученье.

настаивали на возвращении им также Лифляндии и Эстландии.

Конгресс был прерван известием о неожиданной смерти Карла XII, убитого при осаде крепости. Шведский престол перешёл к сестре Карла XII. После возобновившихся переговоров шведы попрежнему не шли на уступки. Тогда русское правительство решило применить «сильное средство» в виде прямого нападения на берега Швеции. В июле 1719 г. русский флот из 30 кораблей и множества галер и малых судов высадил десант поблизости от шведской столицы Стокгольма; в окрестностях столицы действовали казаки.

«Сильное средство» подействовало: шведы выразили согласие на сохранение за Россией Эстландии с городами Нарвой и Ревелем, но требовали возвращения им Лифляндии с Ригой, а также всей Финляндии и Выборга. Переговоры окончились ничем.

Неудача переговоров на Аландских островах была связана с происками английского правительства, не желавшего усиления России. Англия вступила в союз со Швецией и дважды посылала свой флот в Балтийское море, угрожая России и настаивая на том, чтобы было принято её посредничество при мирных переговорах. Англия старалась оторвать от России её союзников. Под её давлением был заключён мир между Швецией и Ганновером (курфюрстом ганноверским состоял английский король); Ганновер получил шведские города в Германии — Бремен и Верден. Пруссия также сблизилась с Англией и заключила мир с Швецией, закрепив за собой город Штеттин. Дания получила Шлезвиг, но должна была возратить шведам свои завоевания в шведской Померании.

В 1720 г. русские войска вновь напали на шведское побережье, русский десант углубился на 5 миль в глубь Швеции. В этом же году русский флот разбил шведскую эскадру при острове Гренгаме.

После этого шведы согласились на возобновление мирных переговоров.

Мирные переговоры происходили на этот раз в городе Ништадте в Финляндии, где 30 августа 1721 г. был подписан «вечный, истинный и ненарушимый мир». Тяжёлая и длительная война (1700—1721 гг.) была закончена.

По Ништадтскому миру за Россией сохранялись Ингрия с Петербургом, вся Эстляндия и Лифляндия с городами Ревелем и Ригой и часть Карелии с городом Выборгом. Финляндия была возвращена Швеции.

Пётр радовался окончанию войны, которую он называл «трёхвременной жестокой школой»: «Все ученики науки в семь лет оканчивают обыкновенно, — говорил он, — но наша школа втрое больше была (21 год), однакоже, слава богу, так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно».

Мир отпраздновали торжественно. Когда в Петербург пришло известие о мире, Пётр сам на площади объявил об этом народу и войскам. С Петропавловской крепости палили из пушек, войска стреляли из ружей в честь мира. Празднование мира сопровождалось грандиозным маскарадом. 10 сентября в 8 часов утра раздался пушечный выстрел, возвестивший начало торжества. Придворное общество собралось на площади перед зданием Сената. Пётр вышел в костюме корабельного барабанщика, отбивая барабанную дробь. Маскарад продолжался 8 дней. Все дома в Петербурге в это время были иллюминированы.

Празднование мира было ознаменовано тем, что сенаторы просили Петра принять титул Великого, отца отечества и императора всероссийского. Русь превратилась во Всероссийскую империю. Переменой названия подчёркивалось изменение в положении страны.

Великая Северная война имела огромное положительное значение в истории нашей родины. Россия стала одним из сильнейших государств в Европе. Страна вернула отнятые у неё морские берега и получила необходимый выход к морю. «Ни Азовское, ни Чёрное, ни Каспийское море не могли открыть Петру прямой выход в Европу», — говорит Маркс. Завоеванием Балтийского побережья «России было обеспечено превосходство над соседними северными государствами; благодаря ему же Россия была втянута в непосредственный и постоянный контакт с любым государством Европы». Россия превратилась «в главенствующую морскую державу на Балтийском море» (Маркс). Была создана не только сильная, хорошо обученная, постоянная армия, но также сооружён Балтийский флот. На берегу Финского залива была основана новая столица Санкт-Петербург. Этим были

созданы условия для дальнейшего хозяйственного и культурного подъёма нашей страны. Пётр показал себя в этой войне великим полководцем и дипломатом, стоящим на страже интересов родины.

Ништадтским миром не кончились войны петровской эпохи. В следующем 1722 году началась война с Ираном. Из Ирана вывозилось большое количество весьма дорогого товара — шёлка. Русское правительство стремилось получить для своих купцов выгоды от этой торговли, кроме того, правительство хорошо знало о бакинской нефти, а также поручило своему послу выяснить возможность разведения на Кавказе сахарного тростника и хлопка.

Новая война должна была вестись в союзе с Арменией и Грузией, угнетённых персами и турками. В Москву приехал представитель армянского народа, просивший помощи в борьбе армян за своё освобождение. Он обещал, что при выступлении России против Ирана будет собрано свыше 100 тысяч армянского войска и 30 тысяч грузин. В ответ на эту просьбу было заявлено, что Пётр «к тому зело склонен», но войну с Ираном следует отложить до окончания войны со шведами. Русское правительство поддерживало связи с Грузией, часть которой была подвластна Ирану, другая — Турции. Грузинский царь Вахтанг обещал в случае войны России с Ираном выставить в помощь русским значительные вооружённые силы. Он просил ввести в Грузию русские войска и советовал высадить десант на иранском берегу Каспийского моря. Русский посол в Иране А. Волынский, ставший затем астраханским губернатором, задолго до этой войны писал:

«Хотя настоящая война наша (шведская.— *Б. К.*) нам и возбраняла бы, однако, как я здешнюю слабость вижу, нам безо всякого опасения начать можно, ибо не только целюю армиєю, но и малым корпусом великую часть к России присовокупить можно».

В Иране вспыхнуло восстание, во время которого были убиты русские купцы, это явилось удобным поводом для начала военных действий. В 1722 г. из Астрахани направилась частью на судах по Каспийскому морю, частью сушей по берегу, армия в 106 тысяч человек, во главе с Петром. Дербент был занят без выстрела, наиб (властитель) Дербента встретил Петра за городом

и поднёс серебряные ключи от городских ворот. В следующем году был занят город Баку, а также южный берег Каспийского моря (провинция Гилян) с городом Решт. В 1723 году был подписан договор с Ираном, по которому иранский шах признавал переход к России Дербента, Баку, Гиляни и Астрабада на западном и южном берегах Каспийского моря. Русское правительство обещало шаху помощь против восставших. Пётр приказал укрепить Баку, а также распорядился «белой нефти выслать тысячу пудов или сколько возможно».

Ещё до персидской войны были сделаны попытки продвижения в Казахстан, в Хиву и Бухару. Средняя Азия манила русское правительство известиями о наличии в ней золота. Сибирский губернатор сообщил, что на реке Дарье, у калмыцкого городка Эркети, добывают золото. Туда был отправлен отряд полковника Бухгольца. Однако многочисленное калмыцкое войско напало на него и заставило отступить на север. Тогда возник новый план — достигнуть золотоносных мест со стороны Каспийского моря; была сделана неудачная попытка переправить войска через море и двинуться далее от его восточного берега. Затем, в 1717 году, отряд под начальством князя Черкасского двинулся из Астрахани сушей. После боя с хивинцами начались мирные переговоры. Хивинский хан предложил разместить русское войско в пяти городах, для лучшего его прокормления. Но разделённые на отдельные мелкие отряды войска были затем захвачены в плен, а Черкасский — убит.

Завоевание Баку и берегов Каспийского моря оказалось непрочным, через десять лет русское правительство принуждено было возвратить их Ирану.

Войны петровского времени связаны с созданием новой армии и заведением флота. До Петра русского военно-морского флота не существовало, Пётр является его создателем. Сперва флот строился в расчёте на плавание по Азовскому и Чёрному морям, а затем началось сооружение Балтийского флота. Главнейшими видами судов были: 1) крупные корабли с 2—3 палубами, снабжённые большим числом орудий, от 40 до 100 пушек, 2) фрегаты, имевшие до 30 пушек, 3) корветы и шнявы, вооружённые 18 пушками, 4) галеры с 1 пушкой на носу, ходившие преимущественно под вёслами. К концу царствования Петра I в Балтийском флоте было до 40 крупных

линейных кораблей, 10 фрегатов, 100 более мелких судов и большое количество галер. Морского экипажа насчитывалось свыше 27 тысяч человек.

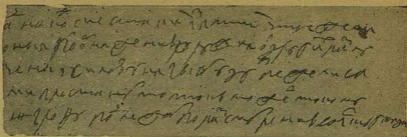
Пётр лично принимал деятельное участие в строительстве флота. Датский посол в своих записках рассказывает о спуске с петербургской верфи нового 50-пушечного корабля: «Царь, как главный корабельный мастер (должность, за которую он получает жалованье), распоряжался всем, участвовал вместе с другими в работах и, где нужно было, рубил топором, коим владеет искуснее, нежели все прочие присутствовавшие там плотники».

До Петра постоянной, обученной армии не существовало. Все дворяне обязаны были служить, начиная с 15 лет; они составляли кавалерию, делившуюся на полки, причём дворянство каждого уезда составляло особый полк. Каждый являлся на службу со своими крепостными слугами, число которых зависело от размера имения дворянина, со своим вооружением, на своих конях, с запасом продовольствия. Оружие было крайне пёстрым; наряду с огнестрельными ружьями были луки со стрелами. Это войско распускалось в мирное время и собиралось для смотров и в случае войны. Кроме того, имелась стрелецкая пехота, которая набиралась из свободных людей. Стрельцы выполняли полицейскую и гарнизонную службу и наряду с этим занимались ремеслом и торговлей.

Предшественником петровской армии были так называемые полки «иноземного строя». Эти солдатские, рейтарские, драгунские полки также частью распускались в мирное время и собирались на ученье лишь осенью. Кроме того, в военное время собирались «даточные», т. е. ополченцы по одному человеку с определённого числа крестьянских дворов.

Правильно обученная, постоянная, или «регулярная», армия была устроена при Петре I. Её основой были «потешные» Семёновский и Преображенский полки, хорошо обученные и показавшие себя с отличной стороны не только на больших манёврах, но и под Азовом и в особенности под Нарвой, когда только эти два полка крепко бились против шведов.

Накануне войны со шведами было положено основание новому порядку набора в армию. С 1699 года были

Почерк Петра I.

установлены правильные рекрутские наборы, заключающиеся в том, что всё податное, или «тяглое», население (крестьяне и посадские) должно было выставлять рекрутов, по одному рекруту с 20—30 дворов. Рекруты оставались на военной службе всю жизнь или до инвалидности. Они проходили тщательное военное обучение, получали казённое обмундирование и вооружение. Служба была тяжела, и рекруты часто дезертировали; для борьбы с побегами их клеймили в левую руку, накалывая на руке крест и затирая порохом. К концу царствования Петра общая численность регулярных войск составила 210 500 человек, а вместе с нерегулярными казачьими войсками 318 500 человек.

Дворяне служили все поголовно. Они начинали службу рядовыми в гвардейских или других полках или проходили обучение в особых школах, артиллерийских и навигацких. Часть дворян посылалась за границу, в особенности для обучения морскому делу.

При Петре в 1716 году был издан воинский устав, которым определялся порядок в армии в военное и мирное время. Устав требовал от офицеров самостоятельности и находчивости в боевых условиях. Австрийский посол Отто Плейер в 1710 году писал о русской армии: «Относительно военных сил России... надо весьма удивляться, до чего они доведены, до какого совершенства дошли солдаты в военных упражнениях, в каком они порядке и послушании приказам начальства и как смело ведут себя в деле, ни от кого не услышишь и слова, а тем менее крика».

Пётр был великим мастером дипломатического искусства, его можно назвать создателем новейшей русской

дипломатии. До Петра Россия не имела постоянных представителей при иностранных правительствах. Отправка за границу посольств происходила лишь в экстренных случаях, когда требовалось вести те или иные переговоры или заключить договор.

В России в XVII столетии были выдающиеся дипломаты, но отсутствие постоянных русских представителей за границей лишало правительство возможности оказывать своё постоянное влияние в международных делах.

При Петре были созданы постоянные посольства, в западноевропейские государства были направлены русские послы, агенты и консулы. Это позволило русскому правительству быть в курсе всей международной политики и в каждом случае защищать интересы России.

Время Петра I отличается не только длительными войнами, но и исключительной дипломатической активностью. Представители России участвовали в ряде крупных европейских конгрессов. Это были Карловицкий конгресс, собравшийся для заключения мира с Турцией после Азовских походов, Аландский конгресс, на котором велись мирные переговоры со шведами, и Ништадтский конгресс, закончивший Северную войну. Большое дипломатическое искусство проявили русские дипломаты во время переговоров с турками после неудачного Прутского похода. Переговоры Петра и его сотрудников в Париже в 1717 году закончились подписанием Амстердамского договора о дружбе с Францией. Кроме того, Россия вела переговоры с Англией, Польшей, Данией, Испанией, с рядом германских государств, с Турцией и Ираном, которые привели к заключению не менее 42 крупных дипломатических актов, договоров, конвенций и соглашений.

Русские дипломаты не только проявили большое искусство в международных переговорах, но отлично умели теоретически обосновать свою внешнюю политику.

В 1717 году была издана книга под названием «Рассуждение» о причинах войны со Швецией. Она была написана вице-канцлером П. Шафировым, а послесловие составлено самим Петром. Книга была издана дважды на русском языке и переведена на немецкий язык; Пётр и Шафиров доказывали в ней, что Северная война ве-

лась за справедливые цели, за возвращение России берегов Финского залива, отнятых у русских шведами. К книге приложены старинные грамоты, подтверждающие права России на балтийские берега. Пётр утверждал, что надо остерегаться поспешного мира, не следует торопиться с переговорами, а упорно настаивать на достижении своих условий. В этой книге намечены были те требования, которые русские представители защищали на Аландском конгрессе.

РЕФОРМЫ
УПРАВЛЕНИЯ

«Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничье-дворянскую монархию XVIII века», — говорит В. И. Ленин¹. В русском государстве в XVII столетии управлял царь при содействии Боярской думы и созывавшегося время от времени земского собора. Боярская дума являлась аристократическим советом, в который назначались крупнейшие феодалы — землевладельцы, кичившиеся древностью и знатностью рода. Указы писались от имени царя и бояр, они начинались обычно словами: «Великий государь указал, и бояре приговорили».

Писатель XVII века Григорий Котошихин рассказывает, что на заседаниях члены думы садились в соответствии со знатностью рода, но когда царь спрашивал совета, то не всегда родовитый боярин мог дать ответ. «Иные бояре, — пишет Котошихин, — брады свои устава, ничего не отвечают, потому что царь жалует многих в бояре не по разуму их, но по великой породе, и многие из них грамоте не учёные и нестудерованные²; однако сыщется и окроме их, кому быти на ответы разумному из больших и из меньших статей бояр».

¹ Ленин, Соч., т. XV, стр. 83.

² *Нестудерованные* — необразованные.

Земский собор состоял из той же Боярской думы и высшего духовенства во главе с патриархом; кроме того, в него входили выборные от дворянства и городского населения со всего государства. Земский собор 1613 года избрал нового царя Михаила, собор 1649 года утвердил новый свод законов, или Соборное Уложение. От каждого города с уездом на этот собор должны были послать по 1—2 выборных от дворян и по 1 человеку от горожан. Под Соборным Уложением подписались 316 членов, в том числе 14 представителей высшего духовенства (патриарх, митрополиты, игумены), 40 бояр, 153 провинциальных дворянина и 94 представителя от торговых и городских людей. Земские соборы во второй половине XVIII столетия перестают созываться, и для провозглашения царём малолетнего Петра (1682) собраны были во дворце лишь бояре, находившиеся в Москве дворяне, купцы и городские старосты, то-есть обошлись без полного земского собора.

При Петре Великом соборы уже не собирались. Боярская дума также в конце концов прекратила своё существование. В думе в начале царствования Петра было 182 члена, в 1699 году — 112 человек, а в 1702 году — только 86. Старые бояре умирали, а новых пожалований в бояре Пётр почти не проводил. Частые отлучки его на фронт или за границу также затрудняли заседания Боярской думы. Но и в уменьшённом составе дума не собиралась полностью, так как многие бояре были в отъезде, управляли на местах уездами, находились на войне, а кое-кто был сослан подальше от Москвы. Даже те бояре, которые проживали в Москве, не всегда приглашались на заседания думы; обычно на заседаниях присутствовало от 30 до 60 человек.

С начала Северной войны Пётр ещё реже бывал в Москве и поручал дела управления нескольким ближайшим к нему лицам. В канцелярию думы, которая называлась «ближней канцелярией», было приказано съезжаться на совещания тем боярам, которые управляли важнейшими правительственными учреждениями. Их было совсем немного, лишь 8 человек, назывались они министрами, а сами заседания стали называть «консилией министров». Конзилия министров выполняла указы Петра. Военные обстоятельства заставили Петра узаконить эти перемены в управлении. Уезжая в 1711 году в

Прутский поход, Пётр распорядился учредить Сенат, который должен был заменять царя в его отсутствие. Сенату, как писал Пётр, все должны были подчиняться, как «нам самому». Сенату поручалось прежде всего руководить сбором налогов и других доходов, так как «деньги суть артерии войны», — говорил Пётр. Кроме того, Сенат был занят рекрутскими наборами, надзором за судом, наблюдением за службой дворян, устройством казённой продажи соли, дававшей большой доход казне, торговлей с Китаем и с Ираном и т. п. Постепенно вместо этого несколько случайного перечня дел, задачи Сената уточнялись, он стал высшим исполнительным и распорядительным учреждением по делам внутреннего управления. В своей деятельности Сенат был тесно связан с местными властями, воеводами и губернаторами, которым отдавались распоряжения. Для сношения Сената с местами при нём состояло по два комиссара от каждой губернии.

На Сенат, кроме того, была возложена подготовка новых законов, которые представлялись на утверждение царю. Сенат был также высшим судебным учреждением. Ему принадлежал надзор над судами, в Сенат можно было подавать ходатайства о пересмотре судебных решений (апелляция).

Уничтожение аристократической Боярской думы и прекращение земских соборов характеризуют государственную власть Петра как самодержавную («абсолютизм»), он правил при помощи новых чиновничье-дворянских учреждений. Одновременно с учреждением Сената была введена новая должность «фискалов», которые должны были осуществлять контроль и надзор за деятельностью властей, в особенности в отношении казённых доходов и расходов. Во главе их стоял обер-фискал, состоявший при Сенате. О задачах обер-фискала в петровском указе сказано: «Должен он над всеми делами тайно надсматривать и проведывать про неправый суд, также в сборе казны и прочего, и кто неправду учинит, то должен фискал позвать его пред Сенат».

В помощь обер-фискалу были определены 4 фискала, два из которых были из дворян и два из купечества. На местах в каждой губернии также назначались по 4 фискала. Фискалы раскрыли много злоупотреблений. Обер-фискал Нестеров обнаружил воровство сибирского

губернатора князя Гагарина, который утаивал от правительства запасы хлеба, брал взятки, присвоил алмазы, купленные в Китае для царского двора, и т. п. Гагарин был казнён. Фискалы вызвали ненависть со стороны правящего класса, сенаторы бранили их «анти-христами и плутами».

В конце царствования Петра был установлен прокурорский надзор. Прокуроры вместе с фискалами были подчинены генерал-прокурору. Генерал-прокурор созывал сенаторов, руководил заседаниями и являлся начальником сенатской канцелярии. Надзор генерал-прокурора, кроме того, распространялся на всю империю через прокурора и фискалов. В указе «о должности генерал-прокурора», написанном в значительной части самим Петром, генерал-прокурор был назван «оком нашим и стряпчим о делах государственных».

«Также накрепко смотреть, чтобы в Сенате не на столе только дела вершились, но самым действием по указам исполнялись, в чём он должен спрашивать у тех, кто на что указы получил, исполнено ли по ним, в такое время, в которое начало и совершенство оно исполнено быть может», — требовал Пётр от генерал-прокурора.

В состав сенаторов Пётр назначил своих ближайших сотрудников, среди которых были умные и энергичные люди, однако нередко позволявшие себе злоупотребления. Один из самых даровитых из них, Шафиров, сенатор и видный дипломат, пользовался своим положением для покрытия хищений своего брата, ухитрившегося получать лишнее жалованье по службе. Когда в Сенате обсуждали это дело, то обер-прокурор Скорняков, заменивший генерал-прокурора в его отсутствие, потребовал, чтобы Шафиров покинул на время заседание. Но Шафиров вскипел, отказался выйти и обозвал сенаторов своими неприятелями и ворами.

«Напрасно на меня гневаетесь и вон высылаете, — кричал Шафиров, — вы и все мне главные неприятели, светлейший (т. е. Меншиков) за почепское¹ дело, а на графа Головкина у меня многое челобитье самому государю и в Сенате, и потому вам об этом приговаривать не надлежит».

¹ Почеп — город на Украине, принадлежавший Меншикову. Он незаконно захватывал и приписывал к Почепу много сёл и земель.

Эта ссора привела к расследованию, суд приговорил Шафирова к смертной казни за растрату казённых денег и другие злоупотребления. Но на месте казни, когда Шафиров положил голову на плаху и палач уже готовился взмахнуть топором, был объявлен приказ Петра о помиловании Шафирова ввиду его заслуг; смертная казнь была заменена ему ссылкой.

Обыкновенно сенаторы и другие вельможи отделялись ударами знаменитой петровской дубинки. Нартов, работавший с Петром в качестве токаря и близко наблюдавший жизнь царя, говорит: «Я часто видал, как государь за вины знатных чинов людей дубинкою потчевал, как они после сего с весёлым видом в другие комнаты выходили, и со стороны государевой, чтобы посторонние сего не приметили, в тот же день к столу удостоиваны были».

Чаще всего дубинка гуляла по спине Меншикова, которого, однако, Пётр почти до конца своей жизни ценил за его большие заслуги.

В XVI—XVII столетиях страной управляли через центральные учреждения, «приказы». Название это происходило от того, что великий князь поручал или приказывал кому-либо из приближённых бояр определённые дела; впоследствии эти поручения дали начало постоянным учреждениям. Между приказами не было правильного распределения дел. Среди них были учреждения общегосударственного значения, как Посольский приказ, ведавший сношениями с иностранными государствами, Разряд — руководивший военным делом и служебными назначениями дворянства, Поместный приказ, который ведал дворянским землевладением; Разбойный приказ ведал судом по наиболее тяжёлым уголовным преступлениям. Самая большая группа приказов являлась территориальными учреждениями, руководившими из столицы разнообразными делами какой-либо одной области страны. Таким был Казанский приказ, управлявший из центра Средним и Нижним Поволжьем от Казани до Астрахани; он вёл сношения с местными властями, руководил обором налогов с этой территории, торговлей солью, рыбой, табунами коней. Сибирский приказ из Москвы управлял Уралом и Сибирью. Некоторые приказы, называвшиеся «четвертями», ведали делами отдельных областей государства: Костромская четверть

ведала Верхним Поволжьем, Новгородская четверть — Новгородом, Псковом, Архангельском. Наряду с общегосударственными и территориальными приказами существовало множество других приказов. Пушкарский и Оружейный приказ ведали вооружением войска, Ямской приказ — почтой, Счётный приказ — контролем счетоводства. Существовали также Аптекарский, Книгопечатный и другие приказы. Финансы и суд не были выделены в отдельные учреждения, все приказы собирали налоги и доходы с какой-либо части страны и судили какую-либо группу населения. Во второй половине XVII столетия в Москве насчитывалось 42 приказа, которые представляли собой крупные и мелкие учреждения и комиссии, возникавшие без чёткого и правильного разделения своих задач, с неопределёнными и запутанными отношениями друг к другу. Для преодоления этих недостатков группу приказов отдавали в управление одному влиятельному боярину.

При Петре всего раньше почувствовали неудобство распыления финансов между множеством приказов. В 1699 году была учреждена Бурмистерская палата, или Ратуша, как орган самоуправления посадского (городского) населения и вместе с тем как центральное финансовое учреждение. Ратуша лишила доходов ряд крупных и мелких приказов, терявших тем самым своё значение. Но вместе с тем возникали новые приказы, вызванные к жизни новыми потребностями петровского времени: Адмиралтейский, ведавший сооружением флота, Рудный, управлявший горной промышленностью, и др.

К концу царствования Петра приказы были упразднены и взамен их созданы в 1718 году новые учреждения, получившие название коллегий. Сначала было 9 коллегий, затем 10. Коллегия чужестранных дел заменила прежний Посольский приказ и ведала всеми сношениями с иностранными государствами, Военная коллегия во главе с Меншиковым ведала делами армии, Адмиралтейств-коллегия руководила военно-морским флотом, Юстиц-коллегия являлась судебным ведомством, Каммер-коллегия была центральным финансовым учреждением, собиравшим налоги и прочие сборы и государственные доходы (Ратуша потеряла уже своё прежнее финансовое значение), Коммерц-коллегия ве-

дала делами внешней торговли, Берг-коллегия руководила горной промышленностью, Мануфактур-коллегия ведала прочими отраслями крупной промышленности (полотняной, шёлковой, суконной, стеклянной и пр.), Штатс-контора на положении коллегии ведала государственными расходами, Ревизион-коллегия осуществляла контроль в отношении государственных доходов и расходов.

В состав каждой коллегии входили президент, вице-президент, 4 советника, 4 ассессора и секретарь. Коллегиальность, а не единоличие в управлении являлась одной из отличительных черт петровских учреждений. В главном «регламенте», или уставе, определявшем порядок работы коллегий, было указано, что члены коллегии на заседаниях должны о каждом деле «обстоятельно» рассуждать, после чего следовало голосование. Регламент требовал свободного выражения мнения каждого члена с занесением разногласий в протокол. «Каждый член по своей присяге и должности обязан, пока о котором деле рассуждают, мнение своё свободно и явственно объявлять, по первому своему разумению, не взирая на персону»¹.

Деятельность каждой коллегии, в отличие от приказов, распространялась на всю территорию России. Коллегии были подчинены сенату. Круг дел, подлежащих ведению каждой из них, был точно определён и не совпадал с другими коллегиями. Коллегии были учреждениями, более правильно построенными, чем приказы, и их устройство было тщательно продумано.

Вместе с реформой центральных правительственных органов было изменено управление церковью. Последний патриарх, глава русской церкви, умер в 1700 году. Пётр не назначил ему преемника, а поручил руководство церковными делами рязанскому митрополиту Стефану Яворскому в качестве «местоблюстителя патриаршего престола». В 1721 году была учреждена «духовная коллегия», или Синод, по образцу других коллегий, с президентом, вице-президентом и другими членами, назначаемыми из духовенства; Синод должен был заменить патриарха. Значение этой меры заключалось в подчинении церкви светской власти, в усилении самодержавия.

¹ То-есть, невзирая на лица.

Борьба патриарха Никона в XVII столетии, стремившегося поставить патриаршую власть выше царской, была ещё у всех в памяти. В особом «духовном регламенте» указывалось, что от Синода и от «соборного» правления нельзя «опасаться отечеству мятежей и смущения».

Местное управление при Петре I также было преобразовано. В XVII столетии страна была разделена на полтораста уездов; каждый уезд управлялся воеводой, который сносился по всем делам непосредственно с центром, с столичными приказами. Крайняя дробность областного деления и вместе с тем его централизация, так как все нити управления сходились в Москве, затрудняли руководство. Уже во второй половине XVII столетия делались отдельные попытки укрупнить областное деление. В военных целях из нескольких уездов, главным образом в пограничной полосе, были составлены военные округа. Наличие территориальных приказов в центре (Сибирский приказ, Новгородская четверть и др.) также вносило поправки к чрезмерно дробному делению по уездам.

В петровское время постепенно было введено множество изменений в местное управление, которые нарушили прежнюю уездную систему. Во время Азовских походов началось строительство флота на реке Воронеже, и для этого был устроен Адмиралтейский приказ, которому были подчинены в административном отношении соседние уезды. С завоеванием Азова этот город стал центром управления обширной территории от Таганрога на берегу Азовского моря до Тамбова. С основанием Петербурга туда был назначен губернатором Меншиков, которому были подчинены завоёванные у шведов земли — Ингрия, Эстляндия, Карелия, а также Новгород, Белоозеро, Олонец и некоторые другие уезды. В связи с военными действиями и необходимостью укрепить западную границу, Смоленск был превращён в центр управления группы западных уездов. Киев стал крупным административным центром с подчинением ему Чернигова, Нежина, Белгорода. Народные восстания также приводили к изменениям и к укрупнению местного управления. Астраханское восстание привело к назначению доверенных лиц в Казань и Астрахань.

Так постепенно расстраивалось старинное уездное деление и складывались будущие губернии. Наконец,

в 1708 году было указано «для всенародной пользы учинить 8 губерний»: Московскую, Ингерманландскую (из новых, завоёванных прибалтийских районов с Петербургом), Киевскую, Казанскую, Архангелогородскую, Азовскую, Смоленскую, Сибирскую. Впоследствии число губерний было доведено до 10. Прежние уезды были распределены по губерниям, и воеводы, стоявшие во главе уезда, подчинялись губернаторам. Затем уезды были ликвидированы и вместо них губернии делились на «доли». Территория каждой доли должна была включать немногим больше 5500 крестьянских дворов. «Долей» управлял чиновник, названный ландратом и подчинённый губернатору.

Однако губернии в свою очередь оказались слишком обширными территориальными единицами, это привело к новому преобразованию местного управления. В 1719 году вместо губерний страна была разделена на 50 провинций, которые в свою очередь делились на «дистрикты». В каждом дистрикте было от 1500 до 2000 дворов крестьянского населения.

Провинции и дистрикты явились новым, более правильным и однообразным территориальным делением страны. Губернии, однако, не вполне утратили своё значение, в прежнем губернском городе продолжал оставаться губернатор; он управлял непосредственно ближайшей провинцией, но в военных и в судебных делах губернатору подчинялись и другие провинциальные воеводы. Прежние губернии оставались таким образом в качестве военных и судебных округов.

Каждой провинцией управлял воевода, важнейшей задачей которого был сбор податей и понуждение населения провинции к выполнению рекрутской и других государственных повинностей. Дистриктом управлял земский комиссар, ведавший сбором налогов; он же в качестве полицейского чиновника должен был бороться с нарушениями законов.

Примером этих учреждений может служить провинциальная канцелярия города Пошехонья. Обычно день в ней проходил следующим образом:

Воевода пошехонской провинции подполковник М. И. Хитрово 24 января 1724 года прибыл утром в канцелярию, сел за «присутственный» стол и приказал секретарю доложить бумаги, пришедшие из центральных правитель-

ственных учреждений. Военная коллегия предписывала выслать дворян-капралов Азовского полка, проживавших в отпуску в своих имениях. Воевода распорядился послать об этом указы в дистрикты, где земские комиссары должны были разыскать укрывавшихся капралов. Коммерц-коллегия прислала в Пошехонье указ с правилами по обработке пеньки. Пока воевода был занят этими делами, в канцелярии дожидались просители. Первым воевода принял челобитье (прошение) местного дворянина капитан-лейтенанта Преображенского полка Мурзина, поданное его крепостным. Мурзин доносил, что в его деревне разбойники напали на мельницу, били и жгли огнём мельника, и забрав пожитки и деньги, скрылись. Воевода приказал допросить мельника. Затем сельский выборный представил дезертира, беглого рекрута, вернувшегося в родную деревню. Воевода распорядился снять с дезертира допрос.

Суд при Петре также был преобразован. В крупных городах были учреждены надворные суды; они состояли из председателя и нескольких членов, то-есть были коллегияльными. Председателем являлся губернатор, или воевода. В остальных городах были учреждены «нижние», или провинциальные, суды. Высшей судебной инстанцией стал Сенат, а непосредственно судами ведала Юстиц-коллегия. Впервые судьи и воеводы должны были получать казённое жалованье. Однако, за скудостью казны жалованье почти не выдавалось, судейские чиновники и сами судьи попрежнему «питались от дел», то-есть получали от просителей взятки. В одной из пьес петровского времени герой говорит просителю, направлявшемуся в суд:

Куда ж ты идёшь с пустыми руками?
Ведь к секретарям надобно идти с дарами.

Новые учреждения заполнялись чиновниками, большей частью из дворянства, а частью за счёт притока «разночинцев».

Дворянская служба получила теперь более правильный порядок. В 1722 году была введена «табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных». Табель отделила гражданскую службу от военной, каждый вид службы был разделён на 14 классов или степеней, по которым

должна была двигаться служебная карьера. В военной службе к четырнадцатому классу был отнесён чин прапорщика, следующими были подпоручик, поручик, штабс-капитан и т. д.; высшими военными званиями были фельдмаршал и генералиссимус. Табелью было положено начало выслуги чинов продолжительной и безупречной службой вместо получения их в зависимости от знатности. В табели о рангах Пётр писал, что без прохождения службы с низших чинов даже сыновья знатнейшего дворянства не будут получать чины: «Мы для того никому никакого ранга не позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут».

Лица не дворянского происхождения, дослужившиеся до обер-офицерского чина, получали дворянское звание.

Также было преобразовано городское управление. Посадское (городское) население издавна имело своё самоуправление, собиралось на посадский сход. Посад делился на слободы и сотни. После возвращения Петра из первого заграничного путешествия в Москве была учреждена Ратуша, а в других городах введены земские избы, подчинённые Ратуше. Посадский сход должен был избирать в эти учреждения «бургомистров» из среды богатейших купцов. Но с учреждением губерний Ратуша и земские избы потеряли своё значение и стали в подчинение губернаторам.

В 1718—1720 годах в городах были введены магистраты, которым поручался суд над посадским населением, раскладка налогов и других повинностей, городское благоустройство и выполнение некоторых полицейских обязанностей.

Население городов делилось на две группы. «Регулярные граждане» состояли в ведении магистратов и в свою очередь делились на две гильдии; к первой гильдии принадлежали крупные торговцы, богатейшие люди, ко второй гильдии—мелкие торговцы и частью ремесленники. Позже ремесленники получили цеховое устройство.

К нерегулярным гражданам, не подлежащим ведению магистрата, относились дворяне и духовенство, жившие в городах, а также чернорабочие и прислуга. Регулярные граждане избирали из числа наиболее богатых горожан членов магистрата — бургомистров и ратманов.

Для руководства городскими магистратами был учреждён Главный магистрат, который наравне с коллегиями

подчинялся Сенату. Во главе Главного магистрата стоял князь Трубецкой, а его помощником был купец Исаев. В регламенте Главному магистрату ставилась задача собрать «всероссийское купечество, яко рассыпанную хранину».

Преобразования имели определённый классовый характер, они содействовали дальнейшему возвышению дворянства и укрепляли нарождавшееся купечество.

К концу петровского царствования реформы подготавливались весьма тщательно и сопровождались изданием обширных инструкций и регламентов.

Пётр проявил себя в качестве гениального законодателя и великого преобразователя государства; здесь он показал ту же неистощимую энергию и выдающиеся дарования, как и в военных делах. Важнейшие указы составлялись им самим, или он тщательно перерабатывал представленные ему проекты. Над разработкой морского устава Пётр работал 5 месяцев и написал к нему вступление, где рассказал историю находки знаменитого ботика, ставшего «дедушкой русского флота». Указ о должности генерал-прокурора пять раз пересматривался и перерабатывался Петром. Его поправки были очень многочисленны, они меняли существо представленного ему проекта закона и явились результатом подробного обсуждения и глубоких размышлений.

Провозглашение России империей подчёркивало возросшую военную мощь и новое международное положение государства после победы над шведами. Новые учреждения вместе с тем должны были усилить самодержавную власть; Пётр полновластно распоряжался через новые органы. В 1722 году был издан указ о престолонаследии, по которому император мог по собственному усмотрению назначать себе наследника. Пётр создавал и укреплял чиновничье-дворянскую империю. Вместе с тем реформы управления имели крупное передовое значение, улучшали административный аппарат, но при этом прежде всего были обеспечены выгоды и преимущества господствующих классов. Товарищ Сталин говорит, что «Пётр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев»¹.

¹ Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), том III, 1937, стр. 523.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РЕФОРМЫ
В
ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ

Новые политические и хозяйственные задачи, стоявшие перед русским государством, требовали знающих, подготовленных людей. Для подготовки специалистов создавались школы; дворяне, а в отдельных случаях купцы и мастера направлялись за границу для получения образования.

В XVII веке в России существовали две духовные академии — в Москве и Киеве; при Петре появилась потребность в светском знании для удовлетворения практических потребностей государства.

В 1701 году в Москве была открыта школа «математических и навигацких наук». В ней преподавал один из образованнейших людей того времени Леонтий Магницкий. В « навигацкую » школу принимали детей дворян и приказных чиновников в возрасте от 12 до 17 лет, но так как набор шёл туго, то принимали и 20-летних. Многие поступали неграмотными, и поэтому школа делилась на три отделения: 1) элементарная школа, 2) «цифирная» школа и 3) навигацкая, или морская школа. В навигацкую школу допускались только дети дворян; лица из других сословий, «разночинцы», проходили лишь первые два отделения. В школе изучали арифметику, геометрию, тригонометрию, навигацию, геодезию и астрономию. Определённого срока обучения не было, учились 2½ года и более.

Кроме того, для дворян были устроены инженерная и артиллерийская школы. В 1715 году старшие классы навигацкой школы были переведены в Петербург, где была учреждена Морская академия. Иван Неплюев рассказывает в своих записках, что он учился сперва в цифирной школе в Новгороде и в Нарве, затем поступил в Морскую академию, где вместе с ним было 300 человек; после этого он был отправлен за границу.

Инструкция для Морской академии, одобренная Петром, пестрит угрозами наказаний. Пётр собственноручно приписал к ней параграф, где говорилось, что для «унятия крика и бесчинства» в каждом классе во время занятий должен находиться отставной солдат. Он должен «иметь хлыст в руках, и буде кто из учеников станет бесчинствовать, оным бить, не смотря, какой бы он фамилии ни был».

В Москве устроен был госпиталь и при нём хирургическая школа, во главе которой стоял голландский доктор Николай Бидлоо. В 1718 году Бидлоо сообщал, что в госпитале лечатся 142 больных и в хирургической школе числится 50 учащихся; впрочем, налицо было лишь 33 учащихся, так как 8 человек бежали, 1 был отдан за пьянство в солдаты, 2 были взяты в другие школы и 6 умерло. В школе учились анатомии, хирургии и «искусству трав», т. е. фармакологии.

Студенты навигацкой школы использовались также в качестве учителей. Они посылались в другие города, где были устроены школы, получившие название «цифирных». В 1714 году был издан указ об обязательном обучении детей дворян и приказных людей в цифирных школах. Без свидетельства об окончании школы священники не могли венчать дворян. Учёба рассматривалась как особый вид службы или повинности, поэтому набор учащихся проходил с трудом; в Рязани в цифирной школе числилось 96 учеников, из которых, однако, 59 чел. «отлучились» неизвестно куда, то-есть бежали.

Всё же в 1720-х годах цифирные школы существовали в 42 городах с общим числом учащихся 2000 человек. Около половины учащихся были дети духовенства, затем шли дети приказных и солдат, меньше всего было дворян и горожан. Особые школы были устроены в 46 городах для подготовки духовенства. Таким образом, почти в каждом крупном городе имелось по две школы — цифирная и духовная.

Для обслуживания армии и промышленности в Москве была основана инженерная школа, выпускавшая техников и артиллеристов. На уральских заводах в Екатеринбурге (нынешнем Свердловске) инженер Генин устроил две школы — словесную и арифметическую, в каждой из них училось по 50 чел. В этих школах, подготавливавших мастеров для заводов и канцелярских служащих, учили грамоте, арифметике, геометрии, тригонометрии, черчению и рисованию.

Сделана была попытка основать школу с более широкой общеобразовательной программой. Такая школа, или гимназия, была устроена в Москве пленным пастором Глюком. Он объявил, что в школе будут преподавать географию, философию, древние и новые языки, а также искусство танцев и верховую езду. В приглашении, рассылавшемся Глюком, юношество сравнивалось с мягкой глиной.

Впоследствии, после смерти Глюка, программа школы была упрощена, она приблизилась к курсам иностранных языков; в ней подготавливался персонал для новых государственных учреждений. В 1711 году в этой школе было 7 учителей и 77 учеников, из неё было выпущено до 1715 года около 250 человек, знающих французский, немецкий, шведский или латинский языки. Сохранилось описание занятий в «гимназии» Глюка. Ученики вставали в 6 часов утра и начинали день молитвой и чтением церковных книг. С 9 до 11 часов шли занятия латинским языком и грамматикой, с 11 до 12 часов — французский или немецкий язык, в 12—1 час был завтрак. Затем занятия языками продолжались до 5 часов, а с 5 до 6 часов проходили историю или готовили уроки. После 6 часов часть учеников распускали по домам, а другая часть продолжала заниматься арифметикой и другими предметами или готовила уроки. В 7 часов ученики обедали, в 8 часов могли писать письма и т. п. Учебные занятия продолжались с утра до вечера.

Среди учащихся гимназий было немало сыновей придворных — князя Голицына, Прозоровский, Оболенский, также Бутурлин, Головин, Бестужев-Рюмин, Зотов и др. Рядом с ними сидели дети чиновников, кое-кто были из крупнейшего купечества.

Другим средством подготовки специалистов признавались командировки за границу с образовательной целью. Когда начато было строительство флота для плавания на

Азовском и Чёрном морях, Пётр послал знатных дворян за границу учиться кораблестроению и управлению судами. Первая партия была отправлена в 1697 году в составе 61 человека в Голландию, Англию и Италию. В том же году Пётр также уезжает за границу с «великим посольством» и вместе с другими «волонтёрами» учится кораблестроению на голландских верфях.

Среди первой группы, отправленной для учения за границу, были члены наиболее видных семей из придворного круга, 23 человека имели княжеский титул: здесь были князья — Куракин, трое Голицыных, Хилковы, Трубецкие, Шаховские, Репнин и др. Согласно инструкции, они должны были учиться теории и практике морского дела, ознакомиться с морскими картами и компасом и научиться управлять кораблём. Им рекомендовалось также познакомиться с корабельной архитектурой, т. е. изучить, как строить корабли; желательно было, чтобы они прошли и боевую практику на корабле. Солдат, которые сопровождали дворян, также надо было выучить морскому делу.

Пётр Толстой (предок великого писателя) был одним из участников первой заграничной командировки и оставил интересное описание своего путешествия. Почти месяц в Москве он собирался в дорогу, так как отправлялся на собственных лошадях с большим числом слуг. Только через два месяца после выезда из Москвы он прибыл в столицу Австрии Вену, и затем поехал в Италию, в город Венецию. Здесь он учился математике и морскому делу и совершил для практики несколько путешествий по Адриатическому морю, объехал и осмотрел большую часть Италии. Толстой прожил за границей около полутора лет.

Всё привлекало внимание путешественника. Он записывает в своём дневнике, что в Венеции улицы и переулки замощены кирпичом, что на площади сидят «астрологи» с длинными трубами, через которые они что-то шепчут тем, кто даёт им за это деньги. Толстой отмечает уличные представления с учёными собаками, удивляется гостиницам, великолепным зданиям и памятникам. Он пришёл в восторг от итальянского театра, от «предивных опер и комедий».

«В бытность мою в Венеции, — рассказывает Пётр Толстой, — были оперы в пяти местах. Те палаты, в которых оперы бывают, великие, округлые, и называют их итальянцы

театрум. В тех палатах поделаны чуланы многие в пять рядов вверх, и бывают в одном театруме чуланов 200, а в ином 300 и больше, а все чуланы изнутри того театрума поделаны предивными работами золочёными». Чуланами Толстой называл театральные ложи. Толстой вернулся плохим моряком, но стал убеждённым сторонником науки и ученья, одним из ближайших сотрудников Петра.

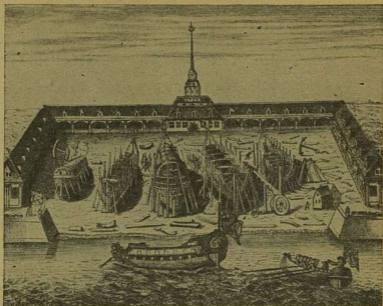
Дворяне дома не привыкли учиться, и многим из них ученье за границей было горько и тяжело. Один из таких родовитых лентяев, князь Михаил Голицын, в письме из Голландии к родным жаловался на свою жизнь: «О житии моем возвещаю, житие пришло мне самое бедственное и трудное. Наука определена самая премудрая: хотя мне все дни живота¹ своего на той науке себя трудить, а не принять будет, для того незнамо учиться языка, незнамо — науке... А про меня вы сами можете знать, что кроме природного языка, никакого не могу знать, да и лета мои ушли от науки, а паче всего в том моя тягость, что на море некоторыми мерами мне быть невозможно, того ради, что весьма болен».

Голицын просит родных хлопотать перед приближёнными царя об избавлении его от морской науки: «Упроси, — пишет он, — чтобы меня отставить от той науки и взять бы к Москве и быть хотя бы последним рядовым солдатом, а ежели сего невозможно, и хотя бы в тех же европейских краях быть, да обучаться бы какой-нибудь науке сухопутной, только чтобы не мореходству».

Из другой партии посланных за границу убежал князь Михаил Прозоровский, вместо науки поступивший монахом в монастырь на Афоне. Двое русских из той же партии, Арбузов и Квашнин-Самарин, зашли однажды в итальянскую таверну, после игры в карты поссорились, схватились за шпаги, и Арбузов заколол своего товарища. На следующий день он был арестован итальянскими властями и закован в кандалы. Однако далеко не все были лентяями, дуэлянтами или любителями монашества; многие ездили за границу охотно, где учились прилежно и успешно. Примером может служить Иван Неплюев, из записок которого взяты приведённые нами сведения.

Неплюев был небогатым новгородским дворянином, далёким от придворной знати; ему было уже 24 года, и

¹ Живот — жизнь.

Адмиралтейство.

он был женат, когда его послали учиться за границу. Он побывал в Голландии, Италии и Испании и усердно учился. Получив назначение в итальянский флот, Неплюев участвовал даже в морской битве с турками и получил аттестат о прохождении им науки «галерного мореплавания». Одну зиму он провёл в испанской академии гардемарин в Кадиксе, где русские должны были учиться военному делу, математике, а также фехтованию на шпагах и танцам. Здесь, в Кадиксе, застал Неплюева и его товарищей приказ о возвращении на родину.

По приезде в Петербург им велено было явиться на экзамен в Адмиралтейство.

«Я всю ночь не спал, готовился как на стрелковом суд», — вспоминает Неплюев.

На экзамене присутствовал Пётр. Когда дошла очередь до Неплюева, Пётр спросил его:

— Всему ли ты научился, для чего был послан?

На это Неплюев отвечал:

— Всемилостивейший государь, прилежал я по всей моей возможности, но не могу похвалиться, что всему

научился, а более почитаю себя перед вами рабом недостойным, и того ради прошу, как перед богом, вашей ко мне щедрости.

Говоря это, Неплюев стал на колени. Пётр показал ему ладонь правой руки и сказал:

— Видишь, братец, я и царь, да у меня на руках мозоли, а всё оттого, показать вам пример и хотя б под старость видеть мне достойных помощников и слуг отечеству... Встань, братец, — продолжал Пётр, — и дай ответ о чём тебя спросят, но не робей. Буде чего

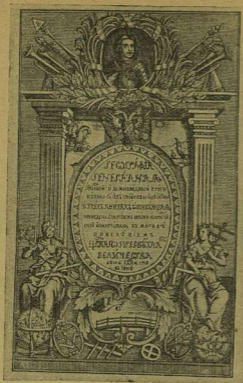
знаешь, сказывай, а чего не знаешь, так и скажи.

Пётр остался доволен ответами Неплюева и тут же назначил его поручиком во флот. Впоследствии Неплюев состоял русским послом в Константинополе.

Для школ нужны были учебники, и в это время издаются частью русские, но больше всего переводные с иностранного руководства по грамматике, арифметике, математике, географии, выпускаются словари, книги по истории, механике, землемерию, впервые печатаются географические карты. Однако язык этих книг был ещё тяжёл, пестрил иностранными словами, и учащимся было трудно их понимать и заучивать. С этого времени в русский язык

Титульный лист арифметики
Л. Магницкого.

Титульный лист «Географии
генеральной».

вошли голландские слова—гавань, рейд, шкипер, руль, каюта, рея, или английские—мичман, бот, бриг и т. п.

Русский алфавит также подвергся изменению. Прежде в России печатали книги витиеватым трудно-разбираемым церковно-славянским шрифтом. При Петре буквы упростили, частью приблизили к латинским, новый шрифт стали называть в отличие от прежнего гражданским. Этим гражданским шрифтом печатали книги, начиная с 1708 года; с небольшими изменениями он сохранился до наших дней.

Вместо обозначения цифр буквами церковно-славянского алфавита были введены арабские цифры, которые употребляются до нашего времени. В 1703 году была издана «Арифметика», составленная русским учёным Леонтием Магницким. Вслед за тем вышли таблицы логарифмов, изданные также при участии Магницкого, учебник тригонометрии, выпущенный англичанином Фарварсоном, приглашённым Петром на русскую службу. Затем были изданы руководство по землемерию и «Наука механики», составленная Скорняковым-Писаревым, ряд книг по военному делу и т. д.

Переиздана была грамматика Смотрицкого, вышедшая ещё в середине XVII столетия, был издан словарь иностранных языков («Лексикон») на трёх языках—гре-

ческом, латинском, славянском, составленный Поликарповым, а также латинский словарь. Тем же Поликарповым было переведено на русский язык руководство по географии. При Петре была проведена основная работа к открытию Академии наук. В январе 1724 г. Пётр сделал заметку для памяти: «О Академии, в которой бы языкам учились, также прочим наукам и знатным художествам и переводили книги, назначить место для сего и доход». 22 января Пётр слушал в Сенате проект об учреждении Академии и утвердил его. Академия должна была явиться научным учреждением. Академики должны были изучать науки математические, естественные, как физика, химия и ботаника, и гуманитарные («гуманиора»). Они должны были собираться еженедельно, выступать с докладами и обмениваться мнениями. Кроме того, намечалось учредить при Академии гимназию и университет. Академия начала свою научную деятельность уже после смерти Петра, в августе 1725 года.

Из научных работ, выполненных при Петре, крупное значение имели географические экспедиции: были обследованы берега Каспийского моря и впервые составлена карта Каспия. Французская академия высоко оценила эту карту, рассматривая её как «зачин» русской географической науки. При Петре I была снаряжена экспедиция Беринга для решения вопроса, соединяется ли северо-

Рисунок из «Географии генеральной (1718 г.)».

САНКТЪ ПЕТЕРБУРХЪ.

СЕНТЯБРЯ 20 ДНЯ ПОЛУЧЕНЫ
изъ лагря отъ тарковъ,
в Ъ домости.

Ихъ Величествъ со всѣмъ Флотомъ
прѣехали Моремъ, до Агроканского
заливу. Юля прошель 28 числа,
благополучно. И здѣлавъ лагарь,
были

Первая печатная газета «Ведомости».

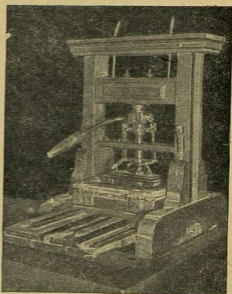
выходить печатная газета «Ведомости». Первый номер «Ведомостей» вышел 2 января 1703 года; всего за первый год было издано 39 номеров. Петровские «Ведомости» заполнялись сообщениями о политических событиях, сражениях, приездах послов и т. п., здесь же помещались сообщения, или «реляции», о русских победах над шведами. Меньше места занимали другие известия внутреннего порядка. В первом номере «Ведомостей» сообщалось о нахождении медной руды и нефти, об отливке в Москве 400 пушек, было помещено известие о московских школах и о присылке от «индейского царя» слона в подарок Петру.

Интересно пространное сообщение о праздновании име-

¹ Этот пролив был открыт ещё в середине XVII века казаком Семёном Дежневым. Но дальнейшие исследования в этом направлении не были продолжены.

нин Петра, помещённое в № 2 «Ведомостей» за 1719 год, где изложена церковная проповедь митрополита Стефана Яворского, содержащая похвалу деятельности Петра I. Здесь говорится, что Пётр был «сам в сражениях, сам в баталиях», об этом «свидетельствует сама шляпа на Полтавской баталии пулею прострелена и дирою своею аки устами отверстыми гласит его мужество». В той же статье разъясняется внутренняя и внешняя политика Петра, упоминаются улучшение судопроизводства, успехи в торговых делах и в промышленности, отмечено стремление Петра к заключению мира. Здесь говорилось, что всякий беспристрастный человек может убедиться в том, что «его величество в сей войне имеет наиболее великодушные и умеренные поступки». В редактировании газеты принимал участие сам Пётр; он присылал для помещения в «Ведомостях» репортажи о победах и другие сообщения. Газета была средством политической агитации, она должна была способствовать пропаганде преобразований Петра и правльному пониманию его внешней политики.

Такие же просветительные цели имелись в виду при основании театра. В Москве в XVII столетии существовал придворный театр для царской семьи и его приближённых. В петровское время делается попытка создать народный театр. В 1702 году в Москве на Красной площади было выстроено здание театра, называвшееся «комедиальной, деревянной хороминой». Из Данцига была приглашена театральная труппа Иогана Куншта; ему было поручено обучить театральному искусству русских людей.

Печатный станок петровского времени.

В качестве учеников были набраны молодые подьячие из московских канцелярий и посадские ребята. Публика была простонародная, места в первых рядах стояли гривенник, следующие по 6, 5 и 3 копейки.

Пьесы были переводными, далёкими по содержанию от русской жизни; к тому же они написаны были трудным, малопонятным языком. Но шутки и интермедии, разыгрываемые между действиями, носили современный характер, в них осмеивались противники реформ.

Театр на Красной площади вначале посещался очень хорошо, но затем число зрителей стало резко падать, через несколько лет он был закрыт, но театральные зрелища с тех пор уже не прекращались. Пьесы разыгрывались также студентами московской хирургической школы и духовной академии. Сестра Петра царица Наталья Алексеевна устраивала спектакли во дворце в селе Преображенском под Москвой, а затем перенесла их в Петербург. На этих спектаклях бывал также Пётр.

Театр в то время должен был служить защите и пропаганде петровских преобразований. В пьесах делались намёки на политические события, например, на стрельцов и измену Мазепы. В небольших сценках, разыгрывавшихся в антрактах, осмеивались враги преобразований. Один из иностранных послов рассказывает в своих записках о спектакле, виденном им в театре царицы Натальи: «Арлекин из обер-офицеров вмешивался туда и сюда с своими шутками и, наконец, вышел оратор, объяснивший историю представленного действия и обрисовавший в заключение гнусность возмущений и бедственный всегда исход оных. Как уверяли меня, во всём этом драматическом представлении под скрытыми именами представляют одно из последних возмущений в России».

В «Действии о князе Петре Золотые ключи» было представлено, как родители не пускают сына учиться за границу. Сын грозит убежать от них и произносит монолог в стихах о пользе учения:

Намерен я, государь, о том вас просити,
Чтоб в иные царства от вас мне отбыти,
Где могу кавалерских дел я обучаться...
Где поживши немного и к вам возвращуся,
И себе многу славу могу заслужити,
Так что всё царство будет меня чтити.

Петербург. Палаты Шафирова и Зотова.

Значительно изменился быт высших классов. В допетровское время женщины в боярских семьях жили замкнуто в теремах. Пётр приказал ввести балы и собрания, называвшиеся «ассамблеями», которые устраивались попеременно в домах вельмож; женщины обязаны были в них участвовать. Ассамблей начинались около 5 часов и продолжались до 10 часов вечера. В зале для танцев ставился также стол с трубками и табаком и несколько столов для игры в шахматы и шашки; в зале стоял дым и стукотня, но игра в карты не допускалась. Из описания современника можно судить, что русское общество не всегда чувствовало себя легко и привычно на ассамблеях. По его словам, «дамы всегда сидят отдельно от мужчин, так что с ними не только нельзя разговаривать, но не удаётся почти сказать и слова: когда не танцуют — все сидят, как немые, и только смотрят друг на друга». Другие описания свидетельствуют, что на ассамблеях было оживлённо.

Вот как один из участников описывает ассамблею у Шафирова: «Когда мы приехали к последнему, там уже

танцевали, и между танцующими нам тотчас бросились в глаза два господина до того пьяные, что едва держались на ногах, а именно молодой граф Сапега и молодой князь Долгоруков, гвардии капитан... Число гостей всё увеличивалось, от чего комната сделалась так тесна, что в ней едва можно было поворотиться. Поэтому госпожа Шафирова решилась, наконец, перевести нас в свою прекрасную большую залу, на что долго не соглашалась из боязни, что там будет слишком холодно для дам. Так как зала эта очень велика и в ней могут танцевать более 12 пар англез и польской, то мы тотчас весело принялись за дело. Генерал Ягужинский, так сказать, царь всех балов, был необыкновенно весел и одушевлял всё общество». Другой раз на балу у барона Строганова, где всё отличалось исключительной роскошью, гостей было мало и явились только шесть дам. Рассерженный Ягужинский, которому Пётр поручил наблюдение за ассамблеями, потребовал, чтобы Строганов доставил ему на другой день список всех, кто у него был и кто отсутствовал».

Культурные реформы Петра Великого имели передовой характер, были направлены на преодоление отсталости страны. В это время были заложены основы русской светской школы и науки, основана академия, издано было множество учебников и руководств, впервые стала выходить газета, возник общедоступный театр. Новая светская культура, однако, охватила только верхи общества, правящие классы, а народные массы оставались почти незатронутыми культурными новшествами.

Отрицательным явлением было чрезмерное увлечение части русской знати западноевропейским бытом. Пушкин в повести «Арап Петра Великого» осмелел щёголя Корсакова, вывезшего из-за границы лишь парижские моды и пристрастие к французским словам, которые он постоянно вставлял в русскую речь.

НАРОДЫ РОССИИ
ПРИ ПЕТРЕ I

Ко времени Петра Великого Левобережная Украина вместе с Киевом, находящимся на правом берегу, уже была соединена с Россией. Героическая национально-освободительная борьба украинского народа в середине XVII столетия под руководством Богдана Хмельницкого против панской Польши уничтожила вместе с польскими помещиками крепостное право на Украине. Население Украины в основном состояло из казачества, являвшегося военной силой, крестьянства, или посполства, и мещан, проживавших в городах и местечках. Сёла состояли из «посполитской громады» и казацкого «товариства», крестьяне избирали местные власти — войта и судей, казаки — атамана, имевшего военную, административную и судебную власть. Несколько сёл составляли сотню, во главе которой стоял казачий сотник с есаулом, писарем и т. д. В городах и местечках мещане избирали ратушу, но они также подчинялись сотнику. Сотни объединялись в полки, которые являлись не только военными подразделениями, но и территориальными округами, где всё население, включая крестьянство и мещан, подчинялось власти казачьего полковника. Украина делилась на 10 полков, или округов. Полковники и другие представители казацкой «старшины», или офицерства, собирались на «раду», которая избирала гетмана. Русское правитель-

ство, не вмешиваясь во внутреннее управление Украины, старалось, однако, влиять на выборы гетмана, держало его под своим контролем, размещало войска в Киеве с русским командованием и требовало от казачества военной службы.

Постепенно украинские крестьяне оказались в зависимости от новых помещиков из среды казацкой старшины: они несли повинности в пользу казацкого войска, поставляли провиант и фураж и платили особый сбор продовольствием в пользу гетмана и полковников. Гетманы раздавали сёла и местечки (городские поселения) в частное владение за военную службу. Новые землевладельцы, или «державцы», могли селить на этих землях крестьян и получали право на труд крестьян, уже живущих на пожалованных им землях. Крестьянин мог уходить на другое место, но, живя на земле державца, он должен был выполнять в его пользу различные «работизны». Полковники насильно захватывали крестьянские земли, леса, луга, рыбные ловли. Например, полковник Прилуцкого полка Игнат Галаган в 1719 году обвинялся казаками в обидах и притеснениях, в том, что он построил хутор на вольной полковой земле и не пускает полчан косить на ней сено. Полковник не отрицал захвата, но заявил, что он занял вольную степь лишь «на версту кругом». Особенно много земли захватывали монастыри.

Значительную роль в украинской жизни играла Запорожская Сечь, поселение казаков на Днепре, в центре которого находилась крепость, обнесённая валом со рвом и бойницами. Казаки жили в Сечи без семей, в мирное время ловили рыбу, торговали солью, земледелием они не занимались, а получали жалованье от гетмана и от русского правительства и тем были «сыты, пьяны и одержны». Запорожцы были недовольны раздачей земель в степи вокруг Сечи и постройкой поблизости от неё крепостей.

При гетмане Иване Мазепе обострилась на Украине классовая рознь между посполством, постепенно закрепощавшимся, и рядовым казачеством, с одной стороны, и казацкой старшиной, захватывавшей земли, — с другой. Украинские казаки во главе с гетманом участвовали в Северной войне, даже воевали в далёкой Лифляндии вместе с русскими войсками против шведов. В 1705 году

Мазепа с казаками прошёл через Волинь к Львову, то-есть пересек украинские земли, входившие тогда в состав Польши. Он завязал сношения с новым польским королём Станиславом Лещинским, ставленником шведов. В 1708 году к Петру поступил донос от близко стоявших к Мазепе генерального писаря Кочубея и полтавского полковника Искры, обвинявших гетмана в измене. Но Пётр, ещё доверяя Мазепе, не поверил этим показаниям. Кочубей и Искра были казнены на Украине близ города Белая Церковь при большом стечении народа.

Один из самых трудных моментов Северной войны возник, когда шведы вторглись в пределы России, но, не сумев пойти прямо на Москву, повернули на юг, на Украину. В сражении под деревней Лесной, Пётр разбил отряд шведского генерала Левенгаупта, шедший на соединение с Карлом XII. О сношениях Мазепы с врагом сообщал в сентябре 1708 года польский король Станислав Лещинский в секретной инструкции своему представителю при шведском короле: «Мазепа прислал ко мне несколько гонцов с подтверждением данных мне раньше обещаний; он просил о помощи, уверяя попрежнему, что при моём приближении он возобновит со мною связь... Его величество король шведский знает обо всём происшедшем по этому поводу».

Пётр и Меншиков требовали от Мазепы выступления с войском против шведов, а тот медлил, отговариваясь болезнью. Наконец, Мазепа выехал по направлению к шведскому лагерю. Он присягал перед казацкими полковниками и сотниками, будто принимает протекцию Швеции не из личных выгод. Но он мог привести к Карлу XII лишь отряд в 4 тысячи человек: украинский трудовой народ остался в союзе с братским русским народом.

Получив известие об измене Мазепы, Пётр обратился с манифестом к украинскому народу. Он разъяснял, что целью Мазепы являлось «малороссийскую землю поработить попрежнему под владение польское и церкви божии и святые монастыри отдать в унию¹». Город Батурин, резиденция Мазепы, был захвачен Меншиковым, который разорил его до основания. Рада в городе Глухове

¹ Унией называлось проводившееся польским панским правительством подчинение православной церкви в Польше католической церкви.

объявила о низложении Мазепы, его имя предано церковному проклятию (анафеме).

Кандидатами в гетманы были полковник Стародубского полка старик Иван Скоропадский и молодой черниговский полковник Павел Полуботок. Передавали, что Пётр не желал избрания Полуботка, молодого и даровитого человека, и сказал, что из него может выйти другой Мазепа. Гетманом был избран Скоропадский.

Шведы провели зиму 1708—1709 года на Украине. Они потребовали от изменника Мазепы обеспечения шведской армии продовольствием, настаивали на поставке 24 тыс. волов, 40 тыс. свиней, 60 тыс. «осмачек» ржаной и 40 тыс. пшеничной муки. Однако украинское население решительно воспротивилось этим поборам. Тогда шведы стали грабить Украину. В ответ на это поднялась партизанская война. Осенью 1708 года, как сообщали Меншикову, украинцы «шведам продавать ничего не возят, а по лесам собрася, компаниями ходят и шведов зело много бьют, в лесах дороги зарубают». Жители города Мглина мужественно защищались от шведов, и при приближении главных неприятельных сил ушли в леса. Городок Недригайлов так энергично боролся против шведов, что шведы были вынуждены, спалив предместья, отступить от города. О жителях города Пирятина современник писал, что они неприятеля «в город не пустили и многих шведов побили, а иных в полон взяли». В другом случае украинские «мужики в некотором месте, при Десне стоящем, с полтора человека шведов порубили и в полон взяли». Особенно широко развернулась народная война на Украине к весне 1709 года. Карл XII, раздражённый сопротивлением украинских партизан, приказал уничтожать непокорное население огнём и мечом. Шведы забирали в плен женщин и детей, нередко сжигали города и сёла, истребляли население.

После Полтавской победы вместе с Карлом бежал в Турцию и предатель украинского и русского народов Мазепа. Три недели спустя он умер.

При новом украинском гетмане Иване Скоропадском украинские полковники и другая старшина, оставшаяся верной Петру, получили от него огромные имения, русские вельможи также стали впервые получать поместья на Украине. Меншиков получил города Ямполь и Почеп, к которому присоединил две соседние сотни, то-есть

волости. Крупные пожалования из украинских земель получили также другие вельможи.

Пётр стремился ограничить власть гетмана. Иван Скоропадский по своему характеру был неспособен к самостоятельным действиям, о нём украинцы сложили поговорку: «Иван носит плахту, а Настя (его жена) булаву»¹. К гетману были приставлены два русских чиновника, или «министры», без ведома которых Скоропадский не мог сделать ни одного важного шага, затем была учреждена «Малороссийская коллегия», почти упразднившая гетманскую власть (1722 г.). Во главе коллегии был поставлен бригадир Вельяминов, в неё входили также шесть штаб-офицеров. Коллегия подчинялась непосредственно Сенату; она забрала в свои руки распоряжение финансами, при этом были обложены налогами казацкая старшина и монастырские имения, прежде освобождавшиеся от всяких поборов. Вельяминов кричал на старшину: «Я вам указ! Что вы такое предо мною? Ничто! Вот я вас согну так, что и другие треснут. Государь указал переменить ваши давнины и поступать с вами по-новому».

Множество казаков были разосланы на работу по строительству крепостей на Украине и на Дону и по устройству Ладожского канала. Условия работы были столь тяжёлы, что немногие из казаков вернулись домой. Когда умер Скоропадский, вместо выборов нового гетмана Сенат назначил временно «наказным атаманом» (т. е. назначенным, а не выборным) Павла Полуботка. Это был настойчивый и энергичный приобретатель земель и имений. Он начал борьбу с Малороссийской коллегией. Приехав в Петербург, Полуботок подал Петру просьбу об уничтожении Малороссийской коллегии; одновременно украинская старшина обратилась к царю с челобитием о выборе гетмана и об отмене новых сборов. Пётр в гневе приказал арестовать Полуботка и двух его товарищей, Полуботок умер в Петропавловской крепости в 1724 году.

Украинский трудовой народ оставался верен союзу с русским народом и дал отпор захватчикам-шведам, стремившимся оторвать Украину от России и подчинить её своей власти. Украинский народ страдал от казацкой

¹ *Плахта* по-украински — юбка; *булава* — знак гетманской власти.

старшины, захватывавшей земли и закрепощавшей крестьянство.

В Закавказье, в Армении и Грузии, в это время усиливалось стремление к сближению с русским народом, в котором армяне и грузины видели своего союзника в борьбе с тяготевшим над ними иноземным игом. Восточное Закавказье было подчинено Ирану, западное — Турции. Ещё в 1678 году армянский патриарх отправил в Европу посольство к папе и к европейским государям с просьбой о помощи в борьбе армян за своё освобождение. После многих лет скитаний один из членов этого посольства, Израиль Орий, вернулся на родину, и армянские мелики (феодалы) снова снабдили его обращением к папе и к русскому царю о помощи армянам. Они просили Петра I о принятии их в русское подданство. «Умилосердися на наш убогий народ, дабы возмогли избавиться от порабощения... Наше намерение есть, дабы мы и все народы наши, великие и малые, поддалися бы власти и государствованию вашему», — писали они. Орий в 1701 году приехал в Москву и просил, чтобы Пётр дал в помощь армянам 10—20 тыс. войска. Он указывал, что город Шемаха в Азербайджане совсем не укреплён, тогда как это «первый ключ и вход в Армянскую землю». Армяне обещали при вступлении русских войск дать им в помощь в борьбе против Ирана большое армянское войско. В Москве объявили Орию, что царь «к тому делу склонен», но что войну с Ираном следует отложить до окончания Северной войны. В 1707 году было отправлено в Иран русское посольство во главе с тем же Орием, который повёз к шаху письмо от царя и римского папы. На обратном пути Орий умер в Астрахани, но сношения армян с русским правительством продолжались. В 1719 году преемник Ория сообщал Петру, что «оное секретное дело уже ныне есть время в действо производить, ибо варвары от всех стран и внутренне бедствуют». О слабости Ирана доносил также русский посол в Иране Артемий Вольтинский, утверждавший, что даже с небольшими силами можно завоевать ханства восточного Закавказья, подчинённые Ирану. Русское правительство стремилось к завоеванию берегов Каспийского моря, этим путём шли торговые сношения с Востоком; в особенности выгодной была торговля шёлком; Пётр имел также сведения о бакинской нефти и впоследствии поручил разведать

об условиях разведения на каспийском побережье хлопка, сахарного тростника, лимонов и др.

Одновременно велись переговоры с грузинами. Грузия к началу XVIII века была раздроблена на несколько феодальных государств, причём Западная Грузия находилась под властью Турции, а восточная состояла под владычеством Ирана. Страна разорялась не только иноземцами, но и своими феодалами, державшими грузинское крестьянство в крепостной зависимости. Современником Петра Великого был замечательный грузинский деятель, наместник иранского шаха, а затем царь одного из грузинских феодальных государств (Картлии) — Вахтанг VI. Во внутренней деятельности Вахтанга VI следует отметить составление при нём свода законов, который имел значение не только для Картлии, но и для всей Грузии. Вахтанг стремился к хозяйственному и культурному подъёму своей родины, принимал меры к заселению её, строил мосты, прокладывал дороги, улучшил монетное дело; при нём расширилось садоводство и скотоводство. Город Тбилиси, столица Картлии, достиг в это время значительного процветания, в нём насчитывалось 20 тыс. чел. населения, состоявшего из ремесленников и купцов; здесь были искусные оружейники, ювелиры, ткачи, торговцы шёлком и др. В 1709 году в Тбилиси была основана первая грузинская типография, в ней было напечатано знаменитое произведение Руставели «Витязь в тигровой шкуре», распространявшееся до того в рукописных списках. Вокруг Вахтанга группировался кружок грузинских учёных. Вахтанг ставил своей задачей объединение Грузии и освобождение её от иноземного владычества. Для этого он вступил в союз с Петром I. Готовясь к войне с Ираном, Пётр поручил в 1720 году Артемию Волынскому, назначенному к тому времени астраханским губернатором, «принца грузинского искать склонить так, чтобы он в потребное время был надёжен нам». Вахтанг VI обещал, в случае войны России с Ираном, выставить в помощь русским грузинское войско от 30 до 40 тыс. человек. Он просил ввести русские войска в Грузию и советовал высадить десант на берегу Каспия для занятия Дербента и Шемахи.

Военные действия против Ирана начались в 1722 году. В июле Пётр с армией отплыл из Астрахани в Каспийское море, а конница шла сушей. При высадке на берегу

Астраханского залива были разосланы манифесты к местным ханам, подвластным Ирану, с требованием подчинения; после боя был занят Дербент, и русские войска должны были направиться к Шемахе и затем соединиться с грузинскими и армянскими войсками. Но в русском войске остро ощущался недостаток продовольствия и фуража. По словам Петра, этот поход был «зело труден от бескормицы лошадям и великих жаров». Поэтому Пётр оставил гарнизон в Дербенте, а сам возвратился в Астрахань.

Тем временем грузинское и армянское войско стояло наготове, ожидая известий о приближении русских войск. После 25-дневного ожидания они получили известие о том, что Пётр вернулся в Астрахань и обещает возобновить дальнейший поход лишь в следующем году. Вахтанг с войском ушёл в Тбилиси, а армяне укрепились в горах, ведя партизанскую войну. Вахтанг был смещён иранским шахом, и вслед за тем город Тбилиси был разорён во время набега турок. Вахтанг с большой свитой в 1724 г. переселился в Россию. В Москве образовалась грузинская «колония», много сделавшая для сближения русского и грузинского народов.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ДЕЛО
ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ

Среди родовитой знати и духовенства было немало недовольных петровской политикой. Тяжёлая и непривычная для дворян служба в армии и флоте, начиная с низших чинов, возвышение отдельных лиц незнатного происхождения, необычное поведение царя, нарушавшего древние обычаи, лишение церкви значительной части огромных доходов возбуждали ропот в реакционных кругах. Недовольные возлагали свои надежды на сына Петра царевича Алексея. Алексей Петрович родился в 1690 году, когда самому Петру ещё не было 18 лет. О детстве и юности царевича имеется мало сведений. Вначале он находился на попечении матери, бабушки и приставленных к нему женщин. С 6 лет его стали учить читать, для чего к нему был определён учитель Никифор Вяземский.

В семье между тем происходил разлад. Красивая, но неумная Евдокия Лопухина мало подходила к своему необыкновенному мужу. Она оставалась московской царицей, привыкшей к терему и тихому, замкнутому придворному быту, как и её предшественницы. Петру больше нравилось общество бойкой иноземки, красавицы Анны Монс. Покинутая Петром, Евдокия писала ему письма, полные жалоб: «Как ты, свет мой, изволил пойтить, и ко мне не пожаловал, не отписал о здоровье ни

единой строчки. Только я, бедная, на свете несчастная, что не пожалуешь, не пишешь о здоровье своём».

Во время первого заграничного путешествия Пётр поручил патриарху и боярам уговорить Евдокию согласиться на развод и пойти в монастырь. Но царица отказывалась надеть монашескую рясу. По возвращении Петра из-за границы он приказал насильно увезти её в город Суздаль, где она была пострижена в монахини в Покровском девичьем монастыре.

Когда Алексею было 9 лет, его собирались послать для воспитания за границу, однако помешало этому начало Северной войны. Воспитателем к Алексею был назначен иноземец Нейгебауер, который затем был заменён бароном Гюйсенем. Общий надзор за воспитанием царевича был поручен Меншикову. Гюйсен предполагал начать обучение царевича с французского языка, а затем последовательно преподавать географию, историю, арифметику, геометрию, черчение, юридические и политические науки, проводить чтение иностранных газет; наряду с этим намечалось обучение царевича военным приёмам, танцам и верховой езде. Но Гюйсен вскоре уехал с дипломатическими поручениями, и образование царевича было прервано в самом начале. Пётр завёл новую семью, женившись вторично на пленной иноземке Марте Скавронской, получившей имя Екатерины Алексеевны. Занятый тяжёлой войной, он видел Алексея редко; Меншиков также находился в армии или в Петербурге в качестве губернатора. Не приученный к делу, удалённый от отца, Алексей был окружён монахами и людьми, враждебно относившимися к петровским преобразованиям. Он сам впоследствии признавался, что учиться ему «было зело противно и чинил то с великой ленью». «С младенчества моего несколько жил с мамою и девками, где ничему иному не обучался, кроме избных забав, а больше научился ханжить, к чему я и от натуры склонен», — говорил Алексей.

В 1707 году Алексей тайно виделся с матерью, чем навлек на себя гнев отца; вызвав его к себе в армию, Пётр поручил ему собирать рекрут и продовольствие в Смоленске, а затем назначил его руководить работами по укреплению московского Кремля. Среди окружавших Алексея лиц сильное влияние на него имел духовник Яков Игнатъев, враждебно относившийся к Петру. Впо-

следствии Алексей рассказывал об окружавших его лицах: «Вяземский и Нарышкин, видя мою склонность ни к чему иному, только чтобы ханжить и конверсацию¹ иметь с попами и чернецами и к ним часто ездить и подпевать, а в том мне не только претили, но и сами тож со мной охотно делали. И по малу по малу не токмо дела воинские и прочие от отца моего дела, но и самая его особа мне омерзела, и для того всегда желал от него быть в отлучении».

Учебные занятия возобновились, когда Алексею минуло 18 лет, он учился в это время арифметике, немецкому и французскому языкам, а также фортификации у иноземного инженера. Наконец, осенью 1709 года Пётр прислал Алексею наспех написанное строгое предписание ехать за границу для продолжения образования:

«Зоон!² — писал Пётр. — Объявляем вам, что по прибытии к вам господина Меншикова ехать в Дрезден, который вас туда отправит и кому с вами ехать прикажет. Между тем приказали вам, чтобы вы, будучи там, честно жили и прилежали больше к учению, а именно языкам (которые уже учишь, немецкий и французский), также геометрии, фортификации, также отчасти и политических дел. А когда геометрию и фортификацию окончишь, отпиши к нам. Засим, управи бог путь ваш».

Едва ли Алексей за границей много учился. Пётр хотел женить сына на иностранной принцессе. Сам испытал неудачную семейную жизнь с нелюбимой первой женой, Пётр, однако, мало считался со склонностями сына. Ему сосватали принцессу Шарлотту, на сестре которой был женат австрийский наследник, будущий император Карл VI. Свадьба состоялась за границей в 1711 году. После свадьбы Алексею была поручена организация продовольственного дела в русской армии, находившейся за границей, затем он участвовал в Финляндском походе. Наконец, после трёхлетнего отсутствия, царевич вернулся в Петербург и поселился вместе с женой во дворце на берегу Невы.

Здесь произошёл случай, показательный для слабохарактерного Алексея. Пётр спросил сына, не забыл ли он, чему учился за границей, и приказал показать свои

¹ Конверсация — беседа, разговор

² Зоон — сын (по голландски).

чертежи. Алексей испугался, что его заставят чертить, и выстрелил из пистолета себе в правую ладонь, рассчитывая, что это избавит его от страшившего экзамена. Пуля не попала в руку, но её сильно опалило порохом. Отец спросил о причине болезни, но Алексей скрыл правду.

Своему духовнику на исповеди Алексей признавался, что желает смерти отцу, на что поп Яков Игнатьев ему отвечал: «Мы и все желаем ему смерти».

Врачи нашли у царевича чахотку и направили его для лечения в Карлсбад. За границей Алексей выписывал из прочитанных книг всё, что могло обличить политику Петра I. Он записал, например, что во Франции в старину носили длинное платье и Карл Великий запретил носить короткое. Его внимание привлекало сообщение, что римский император Аркадий считал еретиками всех, кто хотя бы «малым знаком» отступал от церковных правил. Он отметил, что французский король Хильперик был убит за то, что отнял у церкви имения, и т. п.

Уже в это время в кругу лиц, близких к царевичу, бродила мысль о его побеге. Один из друзей Алексея — Александр Кикин, советовал ему отпроситься в Голландию и продлить своё пребывание за границей на 2—3 года. В письме к царевичу Кикин намекал также на возможность «отъехать» во Францию, но Алексей на этот раз вернулся в Россию.

У царевича и Шарлотты было двое детей, Наталья и Пётр. Но вскоре после рождения сына в 1715 году принцесса Шарлотта умерла. В день похорон принцессы Пётр вручил сыну письмо, в котором сказано: «Горесть меня снедает, видя тебя, наследника, весьма на правление дел государственных непотребного... К тому же не имея охоты ни в чём обучаться, и так не знаешь дел воинских... Ещё же и о сем вспомяну, какого злого нраву и упрямого ты исполнен! Ибо сколь много за сие тебя бранивал и не точию бранивал, но и бивал, к тому же столько лет, почитай, не говорю с тобой; но всё даром, всё на сторону и ничего делать не хочешь, только б дома жить и им веселиться».

Пётр предупреждал Алексея, что если он не исправится, то будет лишён прав наследника царской власти: «То я весьма тебя наследства лишу... и не мни себе, что я сие только в узрастку пишу: воистину исполню, ибо я за моё отечество и люди живота своего не жалею, то

како могу тебя, непотребного, пожалеть? Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный».

В то время у Петра и Екатерины родился сын Пётр Петрович, и поэтому Алексей перестал быть единственным возможным преемником отца.

Прежде чем ответить на письмо отца, Алексей советовался с друзьями — Кикиным, Вяземским, Долгоруким. Те советовали письменно отказаться от наследования престола, даже вели разговоры о желательности пострижения его в монахи. Они не думали, что удаление Алексея от власти будет особенно долгим. «Ведь клобук¹ не прибит к голове гвоздём, можно его и снять», — говорил Кикин.

Алексей ответил отцу письмом, в котором отказался от наследования царской власти, считая себя неспособным к управлению. Пётр ничего на это не ответил. Через месяц он серьёзно заболел, а выздоровев, в январе 1716 года, написал сыну «последнее напоминание». Пётр выражал своё недовольство нежеланием Алексея исправиться, говорил, что одного отречения от прав наследования недостаточно. «Так остаться, как желаешь быть, ни рыбою, ни мясом — невозможно; но или отмени свой нрав и нелicenseмерно удостой себя наследником, или будь монах. А буде того не учинишь, то я с тобой как с злодеем поступлю», — грозил Пётр.

На другой же день по совету друзей Алексей ответил отцу: «Желаю монашеского чина и прошу о сем милостивого позволения».

Отправляясь в длительное заграничное путешествие, связанное с дипломатическими переговорами в Германии, Голландии и Франции, Пётр перед отъездом говорил с сыном, требуя от него подумать ещё раз и прислать ему окончательное решение о своём будущем. «Одумайся, не спеша», — говорил Пётр.

Вскоре за границу отправился Кикин; перед отъездом он сказал царевичу: «Я тебе место какое-нибудь сыщу».

В августе 1716 года Алексей получил письмо от отца, в котором Пётр снова требовал от него решительного ответа. Если Алексей отказался от мысли о монашестве, то Пётр звал его за границу: «Поезжай сюда, ибо ещё можно к действиям поспеть». Но если он попрежнему

¹ Клобук — монашеский головной убор.

отказывается от наследования, то должен сообщить своё решение и ускорить уход в монастырь.

Письмо заставило Алексея действовать. Он приехал со своей мызы в Петербург и заявил Меншикову, что намерен ехать к отцу за границу, для этого он потребовал денег на дорогу. Распорядившись готовиться к путешествию, царевич, однако, признался своему камердинеру: «Я не к батюшке поеду; поеду я к цесарю¹ или в Рим».

26 сентября 1716 года царевич выехал из Петербурга. С ним ехали четверо слуг и в том числе Афросинья, крепостная Вяземского. Не доезжая Либавы, в пути встретили тётку Алексея царевну Марию Алексеевну, возвращавшуюся из Карлсбада. Тётка, как и Алексей, не одобряла действий Петра, она сочувствовала старине. Царевич пересел в карету Марии Алексеевны, и между ними завязалась беседа.

«Еду к батюшке», — сказал Алексей.

«Хорошо, — ответила тётка, — надобно отцу угождать, то и богу приятно; что б прибыли было, если б ты в монастырь пошёл?»

«Уж не знаю, буду ль угоден или нет; уж я себя чуть знаю от горести; я бы рад куды скрыться», — признался Алексей.

Мария Алексеевна выпросила у царевича письмо к его матери и прибавила, что на стороне Алексея стоят митрополит рязанский Стефан Яворский, заменявший патриарха, князь Ромадановский и ряд других знатных лиц.

В Либаве Алексей встретился с Кикиным. На вопрос царевича, нашёл ли он ему какое-нибудь место, Кикин ответил: «Нашёл, поезжай в Вену к цесарю, там не выдают». При этом Кикин добавил: «Я дивлюсь, что давно тебя не взяли. И ныне тебя зовут для того, и тебе, кроме побегу, спастись ничем иным нельзя».

Царевич доехал до Данцига и там скрылся. Пётр около двух месяцев напрасно ждал его. Не дождавшись, он распорядился начать поиски Алексея.

• • •

В ноябре 1716 года, поздним вечером, когда австрийский вице-канцлер граф Шенборн уже ложился спать, ему доложили, что неизвестный человек настойчиво требует,

¹ Цесарем называли австрийского императора.

чтобы его допустили к нему. Это был один из свиты Алексея; он сообщил вице-канцлеру, что накануне прибыл в Вену русский царевич и желает его видеть. Изумлённый вице-канцлер хотел немедленно идти к царевичу, но посланный сказал, что царевич находится здесь же у подъезда дома. Граф Шенборн, ещё более удивлённый, послал офицера, чтобы тот пригласил принца к нему.

Алексей выразил желание говорить с графом наедине. С ужасом озираясь по сторонам и бегая с места на место, царевич говорил: «Я прихожу сюда просить императора, моего шурина¹, о покровительстве и о спасении жизни моей. Меня хотят погубить; меня и моих бедных детей хотят лишить престола... Меня хотят постричь и запрягать в монастырь, чтобы лишить покровительства и даже жизни. Я не хочу в монастырь. Император должен спасти мне жизнь».

Вне себя от волнения, царевич упал в кресло и закричал: «Ведите меня к императору!»

Австрийское правительство после совещания решило оказать покровительство Алексею, и в строгой тайне его укрыли в Тироле, в горной крепости Эренберг, где только комендант знал его имя. Среди слуг Алексея находилась и Афросинья, переодетая в мужское платье.

На все запросы Петра австрийские министры уверяли, что Алексея нет в пределах империи. Тогда в Вену был послан Александр Румянцев, которому, наконец, удалось выследить царевича в Тироле. Пётр потребовал от цесаря выдачи бежавшего сына, и австрийское правительство решило запросить Алексея, желает ли он вернуться к отцу.

Алексей умолял, чтобы император не выдавал его, и легко согласился уехать из Тироля куда-нибудь подальше. На другой день вместе с Афросиньей он был отправлен в Италию, занятую тогда Австрией, в город Неаполь. Но Румянцев тайно следовал за царевичем до самого Неаполя и тотчас же сообщил Петру о новом местопребывании Алексея.

Царевич был помещён в крепости Сент-Эльмо, стоявшей на высокой горе над Неаполем. Он прожил здесь

¹ Покойная жена Алексея, принцесса Шарлотта, и австрийская императрица были сёстрами.

более 5 месяцев. Отсюда Алексей пытался отослать письмо в Россию к Сенату и архиереям с извещением, что он жив и надеется в будущем возвратиться в отечество. Письмо было задержано австрийским правительством и осталось в его архивах.

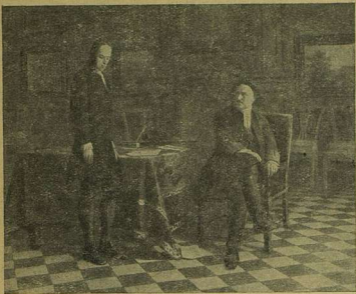
Летом 1717 года по поручению Петра в Вену приехал тот же Румянцев вместе с Петром Толстым. К изумлению австрийских министров, не ожидавших, что новое местопребывание Алексея будет так скоро открыто, Толстой предъявил письмо Петра с указанием, что царевич находится в Неаполе, и с новым требованием его выдачи. Толстой и Румянцев получили от австрийцев разрешение поехать в Неаполь для переговоров с царевичем. Свидание произошло в сентябре 1717 года. Алексею подали письмо отца.

«Мой сын! — писал Пётр. — Посылаю ныне сие последнее к тебе, дабы ты по воле моей учинил, о чём тебе господин Толстой и Румянцев будут говорить и предлагать. Буде же побоишься меня, то я тебя обнадеживаю и обещаю богом и судом его, что никакого наказания тебе не будет; но лучшую любовь покажу тебе, ежели воле моей послушаешь и возвратишься. Буде же сего не учинишь, то, яко отец, данную мне от бога властью проклинаю тебя вечно, и яко государь твой за изменника объявляю».

Алексей отказался возвратиться к отцу, несмотря на обещание прощения. На одном из следующих совещаний Толстой заверил Алексея, что он получил от Петра извещение доставить его в Россию силою и уже готовятся войска. Алексей испугался и дал наконец согласие ехать в Россию, с условием, чтобы ему было позволено по возвращении жениться на Афросинье и жить в деревне.

14 октября он выехал из Неаполя и 31 января 1718 года прибыл в Москву, где в то время находился двор. 3 февраля в кремлёвском дворце собрались сенаторы, духовенство и другие высшие лица. Пётр приказал привести царевича, упавшего перед ним на колени. Пётр обещал ему милость, если он откажется от наследства и назовёт всех лиц, помогавших ему в побеге. Выйдя в соседнюю комнату, Алексей назвал своих сообщников.

После этого все отправились в Успенский собор и Алексей торжественно отрёкся от своих прав наследника

Пётр и Алексей. (С карт. Н. Ге.)

престола. В тот же день был объявлен манифест с изложением вины Алексея, вместо него наследником провозглашался другой сын Петра, маленький ещё Пётр Петрович.

На другой день Алексей получил требование дать письменное показание о побеге с напоминанием, что ему обещано прощение лишь при условии откровенных показаний о всех сообщниках. «А ежели что утаено будет, — писал Пётр, — то лишён будешь живота. Очисти себя как на сущей исповеди. А ежели что укроешь и потом явно будет, на меня не пеняй: понеже вчерась перед всем народом объявлено, что за сие пардон не в пардон».

Царевич назвал Кикина, Вяземского, тётку Марию Алексеевну, князя Долгорукова и других лиц. Одновременно обнаружались тайные сношения бывшей царицы Евдокии с братом Авраамом Лопухиным; ростовский митрополит Досифей приезжал к Евдокии в монастырь и пророчествовал, что она скоро будет вновь царицей.

Большинство привлечённых к делу после жестоких пыток были казнены. Бывшая царица была отправлена

в Ладугу в женский монастырь. При переезде в Петербург Пётр продолжал «розыск». Была допрошена Афросинья, она сообщила, что Алексей всегда стремился к власти и надеялся её получить даже при помощи бунта или посредством иноземной военной помощи, рассчитывал на поддержку со стороны ряда сенаторов.

«Да он же, царевич, говаривал, — рассказывала Афросинья, — когда будет государем и тогда будет жить в Москве, а Петербурх оставит простой город; также и корабли оставит и держать их не будет; а войска станет держать только для обороны, а войны ни с кем иметь не хотел, а хотел довольствоваться старым владением, и намерен был жить зиму в Москве, а лето в Ярославле».

Это была реакционная программа, включавшая уничтожение того, что было достигнуто тяжёлой и продолжительной войной в течение петровского царствования.

В дополнительных показаниях царевич признавал, что писал письмо в Сенат и архиереям, надеялся на бунт в войсках и на поддержку виднейших генералов.

Алексея радовали известия о бунте в войсках, стоявших за границей, в Мекленбурге, в его планы входило при удобном случае воспользоваться мятежом в армии в своих целях.

Следствие показало, что Алексей стоял в центре кружка недовольных лиц, которые мечтали о приходе к власти при помощи взбунтовавшихся войск.

Пётр передал решение участи Алексея на суд высшего духовенства, Сената и высших гражданских и воинских чинов. Он обратился к ним 13 июня 1718 года с обширным «объявлением», где говорил «о малослыханном в свете преступлении сына моего». На другой день Алексей был приведён в Петропавловскую крепость, где был учинён «застенок», т. е. его допрашивали под пытками, давали по 25 и по 15 ударов кнутом.

Духовенство уклонилось от суждения, указав, что дело царевича подлежит гражданскому суду. Сенаторы и высшие военные и гражданские чины сочли необходимым вновь допросить Алексея.

Верховный суд из 127 человек приговорил 24 июня 1718 года царевича Алексея к смертной казни. Прощение, обещанное ему Петром, было объявлено недействительным ввиду того, что Алексей многое утаил в своих первоначальных показаниях.

Два дня спустя, утром 26 июня, в крепости у Алексея были Пётр, Меншиков и другие вельможи, а к вечеру царевич скончался. Ходили разноречивые слухи об обстоятельствах этой смерти, некоторые говорили, что царевич был отравлен, ряд историков считает, что он умер, обессиленный, от пыток. Но обстоятельства его смерти подробно описаны в письме Александра Румянцева, который рассказывает, что по получении приказа Петра привести в исполнение смертный приговор над царевичем, Румянцев, Толстой, Бутурлин и Ушаков вошли в крепость, выслали из помещения слуг царевича, разбудили его и затем умертвили.

Царевич Алексей был знаменем реакционных кругов, к нему тянулась часть знати и духовенства, недовольные петровскими преобразованиями. Переход власти к Алексею и его сторонникам грозил ликвидацией всего, что было уже достигнуто тяжёлыми трудами, войной и кровью. Разгром этого реакционного гнезда был необходимым.

«Пётр I был очень высок ростом, замечательно хорошо сложен, довольно худощав, с кругловатым лицом, высоким лбом, прекрасными бровями; нос у него был довольно короток, но без излишества, конец носа был несколько толст, губы довольно крупные, цвет лица красноватый и смуглый; глаза чёрные, взгляд величественный и приветливый, когда он сдерживал себя, иначе суровый и строгий, с судорогами в лице, которые повторялись не часто, но искажали глаза и всю его физиономию, вселяющую в эти минуты невольный страх. Судороги эти продолжались какую-нибудь секунду, взгляд делался страшным и как бы растерянным, потом всё сейчас же принимало обычный вид». Так передаёт внешность Петра I герцог Сен-Симон, видевший его в Париже в 1717 году. Сен-Симон отметил противоречивое впечатление, которое производил Пётр; как выдающаяся, исключительная личность, он привлекал к себе людей.

Предшественники Петра, цари XVI—XVII вв., появлялись перед народом в торжественной церковной обстановке. Пётр, напротив, отличался простотой. В последние годы жизни Петра (в 1721—1724 гг.) его постоянно видел в Петербурге голштинiec Берхгольц, дневник которого показывает русского царя в его обыденной жизни. Берхгольц рассказывает, каким он видел Петра на праздни-

вании годовщины Полтавской победы. Пётр был «в том самом одеянии, которое было на нём в день Полтавского сражения, то-есть в зелёном кафтане, с небольшими красными отворотами, поверх которых была надета простая чёрная кожаная португеза, на ногах у него были зелёные чулки и старые изношенные башмаки. В правой руке он держал пику, как полковник гвардии, а левою поддерживал подмышкою старую, очень простую шляпу». В другой раз Берхгольц отмечает, что голштинский герцог, посетивший Петра рано утром, нашёл его «в таком костюме, какого нельзя было ожидать у особы его сана: государь только что встал, ещё не одевался, и поэтому был в плохом старом халате из простой китайской нанки».

При своём большом росте Пётр ходил так быстро, что его приближённые должны были бежать за ним. Тот же иностранец записал, что Пётр на пиру, «вставши один из-за стола, пробежал через комнату — иначе нельзя назвать его походки, потому что сопровождавшие его постоянно должны следовать за ним бегом».

Будучи в гостях у голштинского герцога, Пётр «сел за стол, но не на верхнем, а на нижнем конце, он обыкновенно садился на первое место, которое ему попадётся», — записывает Берхгольц.

Тот же иностранец наблюдал Петра в Летнем саду в день его именин в 1723 году: «В саду я с удивлением смотрел на иностранных корабельщиков (которые могут свободно являться на все празднества, назначаемые в саду, где имеют и свой особый стол): они сидели с императором, который поместился вместе с ними, в своих шапках и шляпах на головах, и толковали с ним без всяких церемоний, потому что его величество с такими людьми обходится очень милостиво и с большим удовольствием пускается с ними в разговоры о мореплавании и торговле».

Впрочем, нередко на торжествах Пётр одевался щеголевато, по тогдашней моде, и сидел во главе стола. Но при своей деятельной подвижной натуре он не мог долго оставаться праздным даже на пирах и торжествах. На свадьбе графа Головкина он взял на себя обязанности маршала свадьбы. Согласно обычаю, Пётр отвёз жениха в церковь, затем отправился за невестой верхом на превосходном гнедом коне с большим маршальским жезлом в руке.

*Пётр I в Петербурге.
(С картины В. Серова.)*

На этом свадебном пиру Пётр всем распоряжался, своим маршальским жезлом он ударил по спине оберкухмистра за нарушение порядка в подаче блюд. «Когда императрица приказала своему камер-юнкеру отнести ему молодого жареного голубя, он отошёл к буфету и начал кушать с большим аппетитом, стоя и прямо из рук», — записывает впечатления о царе один из свидетелей этого пира. В качестве маршала Пётр сам подавал стаканы с вином. Когда же начались танцы, он нашёл, что в зале жарко, и захотел открыть окно. «Но это оказалось невозможным, потому что все окна были заколочены снаружи гвоздями. Тогда он поставил свой маршальский жезл, велел подать себе большой топор и работал сам до тех пор, пока, наконец, при помощи двух маленьких своих денщиков, добился, что мог вынуть раму. Однакож, так как окно было очень крепко заделано, то всё это продолжалось более получаса. Его величество выходил даже

на двор, чтобы снаружи тщательно рассмотреть, как и чем оно заколочено, и потом действовать сообразно этому. Он сильно вспотел от этой работы, но всё-таки остался немало доволен, что справился с нею».

Датский посол Юст Юль присутствовал при спуске корабля на адмиралтейской верфи; он удивился, что в качестве корабельного мастера Пётр подчинялся всем установленным порядкам: «Царь, как главный корабельный мастер (должность, за которую он получает жалованье), распоряжался всем, участвовал вместе с другими в работах и, где нужно было, рубил топором, коим владеет искуснее, нежели все присутствовавшие там плотники. Достоинно замечания, что, сделав все нужные распоряжения для поднятия форштевня, царь снял перед стоявшим тут генерал-адмиралом шапку, спросил его, начинать ли, и только по получении утвердительного ответа снова надел её, а затем принялся за свою работу. Такое почтение и послушание царь выказывает не только адмиралу, но и всем старшим по службе лицам, ибо сам он покамест лишь шаутбенахт».

«Пожалуй, это может показаться смешным, — рассказывает посол, — но по моему мнению, в основании такого образа действий лежит здоровое начало; царь собственным примером хочет показать прочим русским, как в служебных делах они должны быть почтительны и послушны в отношении своего начальства. С верфи царь пошёл в гости на вечер к одному из своих корабельных плотников».

Пётр не пропускал случая отпраздновать спуск нового корабля, в этом ему принадлежала главная роль. На одном из таких торжеств участвовал герцог голштинский со своей свитой, и его камер-юнкер Берхгольц описал это событие в своём дневнике:

«Царь был уже там (то-есть в Адмиралтействе,—Б. К.) и прилежно трудился над приготовлением к спуску. Он всегда сам смотрит за всем, даже сам строит корабли, потому что, как говорят, знает это дело едва ли не лучше всех русских. Увидев герцога, обнял его... после чего снова поспешил к кораблю, чтобы посмотреть, не забыто ли что-нибудь. Немного спустя он возвратился и повёл нас на корабль, где с герцогом и со всей его свитой прополз под подмости у киля, чтобы показать, как корабль сделан внизу и чем облегчается спуск его на воду».

За полгода до смерти, летом 1724 года, Пётр посетил

Истенский железный завод, расположенный в 90 верстах от Москвы и принадлежавший заводчику Меллеру. Он осмотрел плотину, молоты и воздуходувные мехи, сам выпускал чугун из плавильных печей и выковал железные полосы. Осведомившись, сколько мастер-ковач получает за эту работу, Пётр при отъезде потребовал с заводчика заработанных им денег: «Я выработал у тебя за осьмнадцать пудов осьмнадцать алтын¹, заплати! Бродя по заводу, избил я подошвы, возвратясь в Москву, на эти деньги куплю в рядах башмаки».

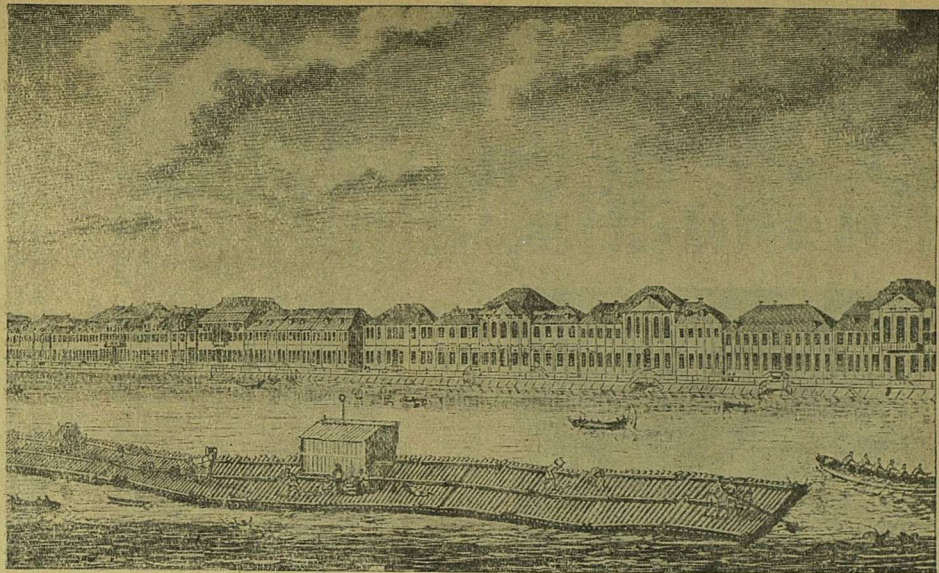
Получив деньги, Пётр действительно купил башмаки, носил их и, показывая многим, рассказывал, что заработал их своими руками.

Не всегда его страсть к мастерству была безопасна для окружающих. Пётр считал себя отличным хирургом и в особенности любил рвать зубы, иногда в качестве наказания даже вырывал здоровый зуб. В основанной им кунсткамере долго хранился, как говорит его токарь Нартов, целый мешок вырванных им зубов.

В характере Петра, деятельного и доступного человека, совмещались и другие особенности: Пушкин метко указал в нём отдельные черты «нетерпеливого, самовластного помещика», представителя господствующего класса. В гневе Пётр был страшен. По возвращении из первого заграничного путешествия он, раздражённый стрелецким бунтом, на пиру у Лефорта, в присутствии 500 гостей, поспорил с боярином Шеиным. При этом Пётр выхватил шпагу, ударил ею по столу, крича Шеину, что за его злоупотребления он сдерёт с него кожу до ушей. Двое приближённых пытались заступиться за Шеина, но Пётр в ярости нанёс одному из них удар по голове, а другому порезал пальцы. Он замахнулся уже на Шеина, но Лефорт успел отвести его руку. Только Меншиков смог успокоить расходившегося царя. «Все были в великом страхе, — говорит один из послов, — и каждый из русских старался не попадаться на глаза его царскому величеству, считая это наиболее безопасным».

Обычно в моменты веселья Пётр умел быть приветливым и радушным, хотя нередко его весёлые выдумки были тяжелы окружающим. По случаю спуска корабля «Пантелеймон» в июле 1721 года был пир. Один из гостей

¹ Алтын — 3 копейки.

Петербург при Петре I (гравюра).

Шут Петра I — Яков Тургенев.

опоздал, и Пётр, увидев его, воскликнул: «О, Бассевич, штраф, штраф!»

Пётр приказал подать четыре больших стакана венгерского. Бассевич хотел взять один из них, но царь сказал, что все они налиты для него, потому что в его отсутствие было провозглашено три тоста, за пропуск которых прибавлен ещё четвёртый, штрафной стакан. Гость должен был выпить один за другим все четыре стакана вина.

Заметив на этом пиру, что за одним столом пьют, по его

мнению, недостаточно, Пётр рессердился и приказал каждому выпить по огромному стакану венгерского, к которому подливали водку. Пётр скоро ушёл в верхнюю каюту к царице, но поставил часовых, чтобы никто не мог уехать с корабля. «Между тем, внизу веселились на славу, — рассказывает современник, — почти все были пьяны, но все ещё продолжали пить до последней возможности. Великий адмирал¹ до того напился, что плакал, как ребёнок, что обыкновенно с ним бывает в подобных случаях. Князь Меншиков так опьянел, что упал замертво, и его люди принуждены были послать за княгиней и её сестрой, которые с помощью разных спиртов привели его немного в чувство и испросили у царя позволение ехать с ним домой».

Иногда пирушки превращались в маскарады и спектакли, нередко переносившиеся на улицу и являвшиеся остроумной и злой пародией на церковную службу. Никита Зотов — князь-папа «сумасброднейшего, всешу-

¹ Ф. М. Апраксин — президент адмиралтейств-коллегии.

тейшего и всепьянейшего собора» — одевал патриаршее облачение, другие носили архиерейские одежды. Инструкция, составленная Петром для выборов шутовского папы, пародировала выборы кардиналами папы. Голосование производилось вместо шаров яйцами. После собрания князь-папу сажали вместо престола на бочку, затем несли в ковше, который ставили на чан, наполненный вином и пивом. При этом все должны были возглашать: «Пьянство бахусово¹ да будет с тобою». При поставлении нового папы «архиерецы» пели:

Во имя всех пьяниц,
Во имя всех скляниц,
Во имя всех шутов,
Во имя всех табаков,
Во имя всех кабаков,
Яко жилище отца нашего Бахуса,
Аминь!

На праздновании Ништадтского мира новый князь-папа Бутурлин и коллегия кардиналов, переправлялись через Неву на плотках, на которых были поставлены бочки; здесь же стоял огромный котёл, наполненный крепким пивом, а в нём в большой деревянной чаше, как в лодке, плавал князь-папа.

Даже через 12 лет после смерти Петра иностранец Фокеродт мог записать рассказ о том, как «князь-папу носили в открытых саях 12 плешивых голов..., в руке у него была палка с шариком, которым он барабанил по головам своих носильщиков. За ним верхом на волах ехали кардиналы в саях, запряжённых свиньями, собаками, медведями и другими животными». Пётр, повидимому, вкладывал во всешутейший собор определённый политический смысл, подвергая осмеянию церковников и «бородачей» — приверженцев старинных обычаев, которые являлись противниками преобразований и светского просвещения.

Гениальные дарования Петра проявились во всём блеске в руководстве военными действиями и внешней политикой. Неудачи не приводили его в уныние. Первый Азовский поход был неудачен, но это лишь разбудило в Петре скрытую энергию. Во втором походе, который привёл к взятию Азова, Петру принадлежала руководящая

¹ Бахус — в древнем Риме бог веселья и пьянства.

роль. Особенно ярко проявились военные дарования Петра во время Северной войны, когда, после поражения под Нарвой, он взял в свои руки общее руководство военными действиями. И на этот раз первое поражение не сломило его воли. В военных действиях Петра надо отметить сочетание противоположных, но одинаково необходимых для командующего качеств — решимости и осторожности. Под его руководством была создана новая армия, отлита артиллерия взамен потерянной под Нарвой, наконец, Пётр изменил направление военного удара, нацелившись на устье Невы. Он выискивал наименее защищённые пункты противника, добываясь значительного численного превосходства своих сил над шведами. Эта операция завершается завоеванием устья Невы, построением Петербурга и занятием значительной части Прибалтики. В операциях под Гродно в 1706 году Пётр проявил большую осторожность и, вопреки мнению главнокомандующего, потребовал отступления и тем спас русскую армию от расставленной противником ловушки и опасности окружения.

Накануне Полтавской битвы Петром была блестяще проведена подготовка поля сражения, рядом мер военного и дипломатического порядка была достигнута изоляция шведов на Украине. Предусмотрительность Петра проявлялась в том, что при численном превосходстве русских он приказал построить на будущем поле сражения замечательные земляные укрепления, редуты. Военное искусство соединилось здесь с точным расчётом. Этим были созданы условия, при которых Пётр уже мог бросить все свои силы против врага, решился на генеральное сражение, завершившееся полной победой. В самый опасный момент Пётр во главе войск бросился в бой. Один из военных историков говорит: «Такой характер война может принять только у военных гениев — Наполеона, Суворова, Петра. Всё случайное исчезает, военные действия становятся осмысленными».

Пётр был выдающимся дипломатом. Он непосредственно руководил дипломатическими переговорами, приведшими к союзу с Польшей и Данией. Мысль о союзе была заронена во время заграничных переговоров, в особенности при свидании с польским королём Августом II. Эти переговоры, продолжавшиеся в Москве, проводились в полнейшей тайне, так что шведский посол в Москве не

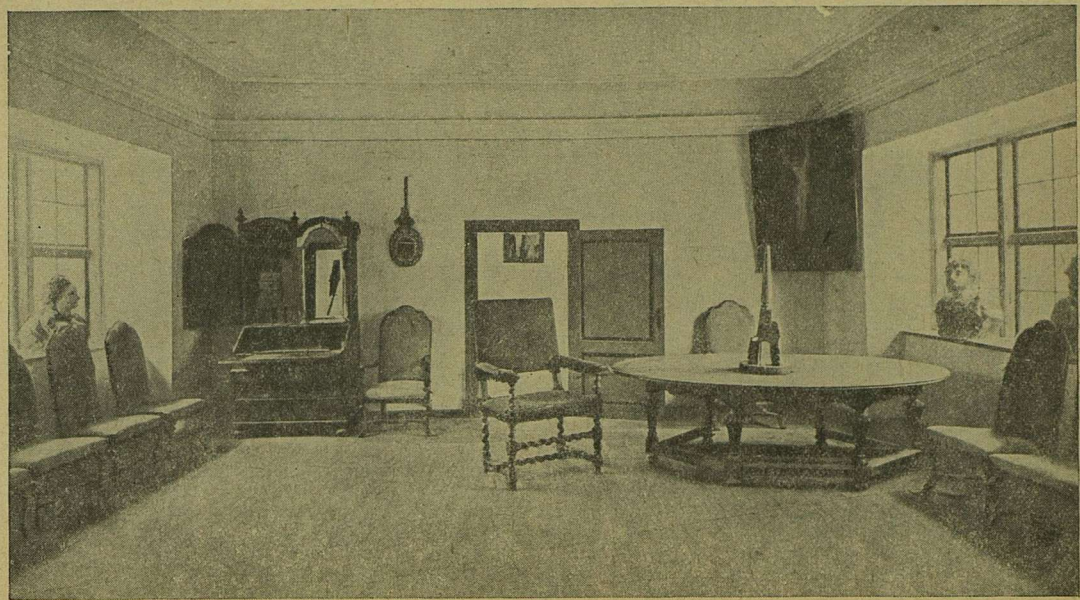
имел никакого понятия о готовящейся против Швеции войне. В дальнейших переговорах, например, во время второго заграничного путешествия в 1716—1717 гг., Пётр проявил большое дипломатическое искусство, с исключительной настойчивостью и последовательностью сосредоточиваясь на основной задаче.

В качестве дипломата Пётр принимал деятельное и руководящее участие во всех переговорах по наиболее крупным договорам с иностранными государствами. В 1716 году он выехал за границу и в следующем году прибыл в Париж. Перед Ништадтским конгрессом в Петербург, в качестве посредника между шведами и русскими, приехал французский дипломат Кампредон. Он старался смягчить условия будущего мира в пользу Швеции, и Пётр в переговорах с ним проявил много искусства и настойчивости. В первой аудиенции в ответ на приветственную речь Кампредона Пётр говорил весьма сдержанно, выжидая предложений с его стороны. В последующих беседах с русскими министрами Кампредон не мог добиться никаких уступок. Зато петровские дипломаты вывели, что шведский король всего более опасается возможного влияния России на внутреннее положение Швеции, где имелись сторонники возведения на королевский престол голштинского герцога, находившегося в этот момент в Петербурге.

Не добившись ничего от министров, Кампредон выхлопотал снова аудиенцию у Петра. В приёмной комнате петербургского дворца его встретили дипломаты Головкин, Толстой и Шафиров. Пётр был откровеннее, но отказался что-либо уступить из завоёванных русским оружием земель, за исключением Финляндии, которую с самого начала переговоров он соглашался возвратить Швеции.

Перед отъездом из России французский дипломат получил прощальную аудиенцию, во время которой сделал последнюю попытку добиться изменения русских условий мира. Однако со стороны Петра он встретил твёрдый отпор. На прощанье Пётр сказал Кампредону, «что он не связан ещё никакими обязательствами с герцогом голштинским и никогда ничего подобного не сделает, если мир состоится скоро, только не надо терять времени».

Настойчивость Петра в отстаивании интересов родины привела к тому, что Кампредон должен был донести

Зал в домике Петра I в Таллине.

шведскому королю о необходимости заключить мир на предложенных русскими условиях.

Пётр также руководил последующими переговорами со шведскими представителями, русские послы должны были с Ништадтского конгресса запрашивать инструкции Петра. Наконец, не выдержав, он сам выехал из Петербурга в Выборг для разрешения на месте споров о будущей границе. В пути в море он встретил гонца в лодке, привёзшего ему в запечатанном пакете уже подписанный мирный договор, которым закончилась долгая Северная война.

Пётр смотрел на свою деятельность как на службу государству и требовал от подчинённых такого же отношения к своей работе. Он допускал своё производство в чины лишь за действительные заслуги. В 1714 году после морской победы при Гангуте, где он участвовал в чине контр-адмирала, на заседании Сената Пётр подал рапорт о победе; после чтения рапорта ему были заданы вопросы, затем сенаторы должны были держать совет, и лишь после этого состоялось провозглашение его вице-адмиралом.

От Западной Европы он хотел получить лишь технику и науку, но был далёк от того, чтобы считать русских только учениками. Празднуя спуск военного корабля в 1714 году, Пётр обратился к присутствующим с речью, которую передаёт, вероятно, не вполне точно, иностранный посол Вебер:

«Кому из вас, братцы мои, хоть во сне снилось лет 30 назад, что мы с вами здесь у Остзейского моря¹ будем плотничать и в одежде немцев², в завоёванной у них же нашими трудами стране построим город, в котором вы живёте, что мы доживём до того, что увидим таких храбрых и победоносных солдат и матросов русской крови, таких сынов, побывавших в чужих странах и возвратившихся домой столь смышлёнными, что увидим у себя такое множество иноземных художников и ремесленников, доживём до того, что меня и вас станут так уважать чужестранные государи?»

В своей кипучей деятельности Пётр не был одинок, его преобразования встречали не только вражду, но и широ-

¹ То-есть у Балтийского моря.

² Немцами называли тогда в России всех иностранцев из Западной Европы.

кую поддержку, он выступал в окружении деятельных сотрудников, о которых Пушкин сказал:

Сии птенцы гнезда Петрова —
В временах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

Александр Данилович Меншиков — «полудержавный властелин» — был сыном придворного конюха; говорили, что в юности он торговал пирогами на московских улицах. Даровитый и храбрый в бою, он особенно отличился в Полтавской битве, где командовал конницей, натиск которой в последний момент боя привёл к полному разгрому и бегству шведов. Энергично преследуя затем бежавших шведов, Меншиков заставил их сдаться у Днепра. Ему же принадлежит осуществление блестящего замысла Петра — знаменитой «Гродненской операции», когда русская армия была выведена из опасности окружения. Пётр не раз бивал Меншикова дубинкой за жадность к деньгам и хищения и в конце царствования лишил его должности президента военной коллегии.

Одним из крупнейших полководцев петровской эпохи был фельдмаршал Б. П. Шереметев. Память о нём отразилась в народных песнях о победах над шведским генералом Шлиппенбахом.

Пётр выдвигал даровитых людей незнатного происхождения. Ближайшим другом Петра в годы молодости был женевец Франц Лефорт. Наиболее выдающимся дипломатом был П. Шафиров, назначенный вице-канцлером и сенатором с титулом барона; его ум и дипломатическое искусство отмечали иностранные послы в своих донесениях, он участвовал в подготовке и заключении крупнейших договоров России с иностранными государствами. Шафиров был сыном еврея, принявшего православие.

В. Н. Татищев, прославившийся в качестве первого русского историка, начал свою деятельность службой в войсках и участвовал в Полтавской битве. Он был послан на Урал для управления железными заводами и затем отправлен в Швецию для приглашения мастеров на русские заводы. Он сумел вместе с тем приобрести обшир-

ные знания по истории, географии и другим наукам и приступил к собиранию русских летописей, трактатов и судебныхников. Впоследствии Татищев представил в Академию наук свой труд «Историю Российскую». Татищев часто с благодарностью вспоминал о Петре: «Если бы он в чужие края меня не посылал, к делам знатым не употреблял, а милостью не ободрял, то бы я не мог ничего того получить».

Яков Брюс, генерал и выдающийся дипломат, был одним из образованнейших людей, занимался русской географией, был представителем России в мирных переговорах со шведами, возглавлял берг- и мануфактур-коллегии, руководил строительством фабрик и заводов.

Показателем понимания деятельности Петра являются многочисленные добровольные сотрудники, подававшие ему проекты реформ и докладные записки. Один из них, Фёдор Салтыков, был послан в Англию закупать корабли для русского флота, оттуда он прислал Петру две обширные записки с изложением плана различных реформ в духе петровских преобразований. Салтыков предлагал учредить академии, библиотеки и школы, заводить фабрики, расширить торговлю и т. п. Наиболее крупным прожектёром и публицистом был Иван Посошков, за год до смерти Петра написавший сочинение «Книгу о скудости и богатстве». Посошков предлагал меры для расширения русской промышленности и торговли, особенно настойчиво защищая интересы торгово-промышленного класса, литературным представителем которого он являлся. Замечателен проект крестьянской реформы Посош-

Меншиков.

(Скульптура Растрелли.)

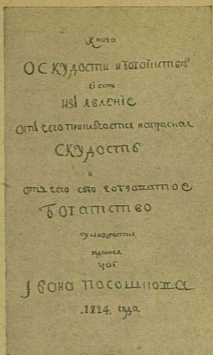
Петропавловская крепость при Петре I.

кова, в которой он предлагал определить законом размер крестьянских повинностей в пользу помещиков, что должно было бы ограничить помещичий произвол. Посошков настойчиво советовал учить крестьян грамоте. Он развивал также план созыва депутатов для составления нового свода законов. Посошков происходил из семьи крестьянина - ремесленника, был денежным и водочным мастером, вёл торговые операции и к концу жизни составил себе некоторое состояние.

Интересен рассказ Неплюева, который был отправлен учиться за границу и впоследствии состоял посланником в Константинополе. Узнав о смерти Петра, он записал: «Ей-ей, не лгу, был более суток в беспамятстве; да иначе мне и грешно бы было: сей монарх отечество наше привёл в сравнение с прочими, научил нас узнавать, что и мы люди».

Свои дарования и энергию Пётр применял для осуществления тех задач, которые стояли тогда перед русским народом и требовали неотложного решения.

Осенью 1724 года Пётр осматривал работы на Ладожском канале, был на Олонецких железных заводах и посетил соляные промыслы в Старой Руссе. В ноябре он хотел осмотреть оружейные и железные заводы в Сестрорецке. В пути он заметил бот, чрезмерно нагружённый солдатами и матросами, плывший из Кронштадта. Бот сел на мель. Пётр выслал лодку со своими людьми, но они, сколько ни старались, не могли сдвинуть.

Титульный лист рукописной книги Посошкова.

Пётр I. Маска.

нуть судно с места. Тогда Пётр сам отправился к боту. Так как шлюпка не могла подъехать к судну из-за отмели, то он по пояс в воде пошёл к боту. Пётр помогал стаскивать судно и затем приказал спасённых солдат разместить по ближайшим крестьянским избам. Он переоделся в сухое платье и хотел продолжать путь, но на следующий день, совсем больной, должен был возвратиться в Петербург.

Затем Пётр несколько поправился, но болезнь возобновилась в январе 1725 года. Он не оставлял дел и ещё успел составить инструкцию для экспедиции на Камчатку, сказав при этом: «Худое здоровье заставило меня сидеть дома; я

вспомнил на сих днях то, о чём мыслил давно и что другие дела предпринять мешали».

Экспедиция должна была выяснить, соединяется ли северная Азия с Америкой. Командиром экспедиции был назначен капитан Беринг, отправившийся в путь уже после смерти Петра.

Болезнь Петра в конце января снова усилилась. Чувствуя приближение смерти, он распорядился помиловать преступников, приговорённых к смертной казни, и сократил сроки наказания другим осуждённым.

Между тем не имелось распоряжения, кто должен быть преемником Петра в случае его смерти. Он потребовал бумагу, но смог начертить только несколько неразборчивых строк, из которых удалось прочесть лишь два слова: «Отдайте всё...»

Он позвал дочь Анну, чтобы диктовать ей, но когда она подошла, Пётр не мог уже ничего сказать.

В шестом часу ночи 28 января 1725 года Пётр I скончался.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Ленинграде на широкой площади у Невы стоит бронзовая статуя Петра I. Он изображён в виде всадника, который мощной рукой осадил коня над самым краем пропасти. У ног Петра извивается змея, символ зависти и пороков, придавленная копытами. Вся фигура Петра I дышит силой и стремлением вперёд. Пушкин изобразил этот памятник в следующих стихах:

...Какая дума на челе!
Какая сила в нём сокрыта!
И в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Памятник выполнен знаменитым скульптором XVIII столетия Фальконэ. Художники и скульпторы в течение двух столетий изображали Петра и события его царствования, писатели, поэты и знаменитые учёные писали о нём в своих произведениях. Основоположники марксизма-ленинизма внимательно изучали историю эпохи Петра I.

В эпоху Петра I наша родина заметно усилилась в военном, хозяйственном и культурном отношении, петровские преобразования являются прогрессивными.

Время Петра I врезалось в народную память, отразилось в народных песнях и рассказах. Пётр прославляется в них за победы над шведами. В песнях подчёркивается преимущественное значение народных, солдатских масс в петровских победах. «Ещё как нам Азов-город взять?» —

обращается в песне Пётр к боярам. Те дают совет: «Не лучше ли нам отсюда отступить». Когда Пётр с тем же вопросом обратился к солдатам, те ответили готовностью на необходимые жертвы, «на заре они на приступ пошли» и «полонили город надобный». Народные песни о Полтавской битве проникнуты грустью о погибших, и поле битвы сравнивается с пашней:

Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской белой грудью.

Народная песня нередко заострена против бояр; в одной из них поётся как донские казаки «хвалят-величают Петра I, а бранят они, клянут князя Меншикова, заедает вор-собака наше жалованье, кормовое, годовое, наше денежное». На беломорском севере была сложена обширная былина о жизни Петра. Несмотря на неточности и сказочные подробности, в ней ярко отразилась своеобразная личность преобразователя. В былине рассказано, как Пётр в одежде плотника работает над постройкой корабля и сватается к стряпухе в плотницкой артели, Екатерине. Она принимает его за плотника и даёт своё согласие.

В песнях-«плачах» по поводу смерти Петра поётся, как «молодой солдат на часах стоит» и со словами «встань-проснись» обращается к покойному царю:

Посмотри, сударь, на свою гвардию,
Посмотри на свою армеюшку,
Хорошо твоя армеюшка обряжена:
Все полковнички во своих полках,
Подполковнички на своих местах,
Все майоры на добрых конях,
Капитаны перед ротами,
Офицеры перед взводами,
А прапорщички под знамёнами,
Дожидают они полковничка,
Что полковничка преобразенского,
Капитана бомбардирского... (то-есть Петра I).

В оценке петровской эпохи, однако, не было единогласия. По словам историка С. М. Соловьёва, Пётр «проводил всю свою жизнь в борьбе и оставил по себе двойную память: одни благословляли его, другие проклинали». После смерти Петра знаменитый церковный проповедник и писатель Феофан Прокопович в надгробном слове сравнивал преобразователя с библейскими героями

Самсоном, Моисеем и Соломоном. Один из почитателей Петра поместил его портрет среди икон и ставил перед ним свечи; другой обращался к нему со словами молитвы: «Отче наш, Пётр Великий! Ты нас от небытия в бытие привёл!»

М. В. Ломоносов, величайший русский учёный XVIII столетия, написал «Слово похвальное Петру Великому», проникнутое восторженным отношением к памяти великого преобразователя. Ломоносов прославляет Петра за победы над шведами, отмечает его заботы о народном просвещении, указывает на проведённые им реформы государственного устройства. Ломоносов называл его человеком «богу подобным» и не находил никого из деятелей в мировой истории, с кем он мог бы сравнить Петра.

Писатель-революционер XVIII в. Радищев, требовавший освобождения крестьян, также называл Петра «обновителем» и «просветителем» России, «мужем необыкновенным, название великого заслужившим правильно». Но Радищев вместе с тем упрекал Петра в усилении крепостного гнёта и самодержавия, считал его «властным самодержавцем», истребившим последние признаки «вольности».

В начале XIX столетия, историк Н. М. Карамзин, реакционер по своим политическим взглядам, считавший необходимым сохранение крепостного права, осуждал Петра за его страсть «к новым для нас обычаям». Позднее приверженцы старины, получившие название «славянофилов», упрекали Петра в измене исконным русским началам. Но все передовые люди, страстно боровшиеся за благо народа, сочувствовали преобразованиям Петра. Часто и много писал об эпохе Петра I Пушкин. Для него

*Памятник Петру I в Ленинграде.
(Скульптура Фальконэ.)*

Пётр «то академик, то герой, то мореплаватель, то плотник». Великий поэт изобразил Петра в поэме «Полтава» как полководца и победителя шведов. В поэме «Медный всадник» Пётр изображён мудрым строителем Петербурга, полным «великих дум» о будущем своей родины. Но и Пушкин считал, что некоторые указы Петра «жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом». Лев Толстой начинал писать роман из эпохи Петра I, подобный «Войне и миру». В разгар подготовительных работ над романом Толстой записал: «Пётр, т. е. время Петра, сделало великое и необходимое дело... Во времена Петра сила и истина были на стороне преобразователей, а защитники старины были пена — мираж».

Белинский, Герцен, Чернышевский и Добролюбов высоко ставили деятельность Петра. Чернышевский предостерегал от излишней идеализации его политики, но указывал, что «для нас идеал патриота — Пётр Великий, высочайший патриотизм — страстное, беспредельное желание блага родине, одушевлявшее всю жизнь, направлявшее всю деятельность этого великого человека».

Маркс и Энгельс не раз останавливали своё внимание на времени Петра I. Маркс в Британском музее изучал литературу и документы начала XVIII столетия. В одном из писем к Энгельсу он пишет: «В музее я сделал несколько исторических открытий о первых десятилетиях восемнадцатого века, касающихся борьбы между Петром I и Карлом XII (шведским)». Маркс указывал на историческое значение внешней политики Петра и видел наиболее яркую черту его деятельности в стремлении к морю, сначала к Чёрному и Азовскому, затем к Балтийскому. Маркс говорил, что завоевание морских берегов было необходимо для дальнейшего развития страны: «Пётр Великий должен был цивилизовать Россию». Энгельс дал высокую оценку заслуг Петра I в русской внешней политике. «Этот действительно великий человек, — говорит Энгельс, — первый вполне оценил изумительно благоприятную для России ситуацию в Европе. Он ясно увидел, наметил и начал осуществлять основные линии русской политики как по отношению к Швеции, Турции, Персии, Польше... так и по отношению к Германии»¹. Вместе с тем Маркс и Энгельс отметили и отри-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XII, ч. 2-я, стр. 12.

цательные стороны этой эпохи, указав, что при Петре возросло угнетение крепостных крестьян помещиками, что созданная государственная мощь явилась основой для последующей грабительской внешней политики царизма.

В. И. Ленин отмечал, что с Петра начинается усвоение русскими передовой культуры. Вместе с тем Ленин указывал на жестокие, варварские приёмы тогдашней европеизации страны: «Пётр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»¹.

И. В. Сталин указал на прогрессивное значение строительства фабрик и заводов при Петре I: «Когда Пётр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости»². Товарищ Сталин дал блестящее и меткое определение классовой сущности эпохи Петра, отметив, что его преобразования имели прогрессивное значение, но вместе с тем служили процветанию господствующих классов: «Пётр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Пётр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счёт крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»³.

Товарищ Сталин указывает, что «каждое новое поколение встречается с определёнными условиями, уже имевшимися в готовом виде в момент, когда это поколение народилось. И великие люди стоят чего-нибудь только постольку, поскольку они умеют правильно понять эти условия, понять, как их изменить...»⁴. Таким деятелем, правильно понявшим условия и потребности своего вре-

¹ Ленин, Соч., т. XX, стр. 517.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 359.

³ Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б) т. III, стр. 523.

⁴ Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, стр. 524.

мени, был Пётр Великий. Он отдал свою жизнь на осуществление верно понятой им задачи, которая была поставлена всем ходом русской жизни: преодолеть отсталость страны, двинуть её вперёд в отношении хозяйства, культуры и военного дела, обеспечить оборону страны. Но, как указывает И. В. Сталин, «ни один из старых классов, ни феодальная аристократия, ни буржуазия, не мог разрешить задачу ликвидации отсталости нашей страны»¹. Эта задача была решена в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции.

• ¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 359.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XI, гл. I (О внешней политике Петра I); т. XIV, Анти-Дюринг, т. XVI, ч. 2, Внешняя политика царизма, стр. 12; т. XXIII, Переписка, стр. 112—113; т. XXIII, Переписка, стр. 147.

Ленин, Возрастающее несоответствие, Соч., т. XVI, стр. 314.

Ленин, О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности, Соч., т. XXII, стр. 517.

Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом.

Сталин, Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б), «Вопросы ленинизма», изд. 9-е, стр. 359.

Сталин, О диалектическом и историческом материализме. «Вопросы ленинизма», изд. 11-е.

* * *

Листовки петербургских большевиков (1902—1917), т. I, ОГИЗ, Л. 1939, стр. 88—89.

«История СССР», т. I. Под редакцией Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева, изд. 2-е, 1947.

«История дипломатии». Под редакцией В. П. Потёмкина, т. I, М. 1941, стр. 266—277.

«Против антиисторической концепции М. Н. Покровского». Сборник статей, т. I—II, Изд. Академии наук СССР, М. 1939.

«Письма и бумаги Петра Великого», т. I—VII.

Полное собрание законов Российской империи, т. IV—VII (1700—1727), СПб 1830.

Сборник Императорского русского исторического общества, т. т. 34, 39, 40, 49, 50, 52, 61. СПб 1881—1888. (Дипломатическая переписка иностранных послов при русском дворе.)

«Крепостная мануфактура в России». Часть V. Московский Суконый двор. Изд. Академии наук СССР, 1934.

«Булавинское восстание» (1707—1708). Сборник документов. Труды историко-археологического института Академии наук СССР, 1935.

Материалы по истории Башкирской АССР, ч. I, М.—Л. 1936.

«Реформы Петра I». Сборник документов. Составил В. И. Лебедев. М. 1937.

В. Геннин, Описание уральских и сибирских заводов. М. 1937.

И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве. Редакция и вступительные статьи Б. Б. Кафенгауза. М. 1937.

Н. А. Воскресенский, Законодательные акты Петра I. Изд. Академии наук СССР, 1945.

* * *

Н. А. Добролюбов, Первые годы царствования Петра Великого. Избранные философские сочинения, том. I, ОГИЗ, 1945.

С. М. Соловьёв, История России с древнейших времён. Книга III—IV. Изд. «Общественная польза», СПб 1896.

С. М. Соловьёв, Публичные чтения о Петре Великом. Собрание сочинений, СПб 1901.

В. О. Ключевский, Курс русской истории, т. IV. Переиздание, 1937.

Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, т. II. Сочинения, т. XXI. М.—Л. 1925.

П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. I, М. 1947.

С. В. Юшков, История государства и права СССР, ч. I, изд. 2-е, М. 1947.

М. М. Богословский, Пётр I. Материалы для биографии, т. I—III. Госполитиздат, 1940—1946.

А. Я. Ефименко, История украинского народа. СПб 1906.

Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашина, История Грузии, ч. I, изд. Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси 1946.

Ф. А. Кудрявцев, История бурят-монгольского народа. М.—Л. 1940.

М. П. Вяткин, Очерки по истории Казахской ССР, т. I, изд. Академии наук СССР, 1940.

В. И. Лебедев, Булавинское восстание, М. 1934.

Д. С. Бабурин, Очерки по истории мануфактур-коллегии. М. 1939.

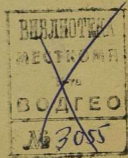
Д. Кашинцев, История металлургии Урала, т. I, М.—Л. 1939.

В. А. Панов, Пётр I как полководец. Воениздат, 1940, изд. 2-е, 1942.

- Н. В. Новиков, Гангут. Военмориздат, 1944.
- Б. Б. Кафенгауз, Северная война и Ништадтский мир. Изд. Академии наук СССР, 1944.
- В. В. Мавродин, Пётр I, 1945.
- Б. С. Тельпуховский, Северная война. Военное издательство, М. 1946.
- Я. Я. Зутис, Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига 1946.
- Е. И. Заозерская, Мануфактура при Петре I. Изд. Академии наук СССР, 1947.
- П. Г. Любомиров, Очерки по истории русской промышленности. М. 1947.
- И. Э. Грабарь, История русского искусства, т. I—VI.
- Н. Н. Коваленская, История русского искусства XVIII века. М.—Л. 1940.
- Д. Д. Благой, История русской литературы XVIII в. М. 1946.

ОГЛАВЛЕНИЕ

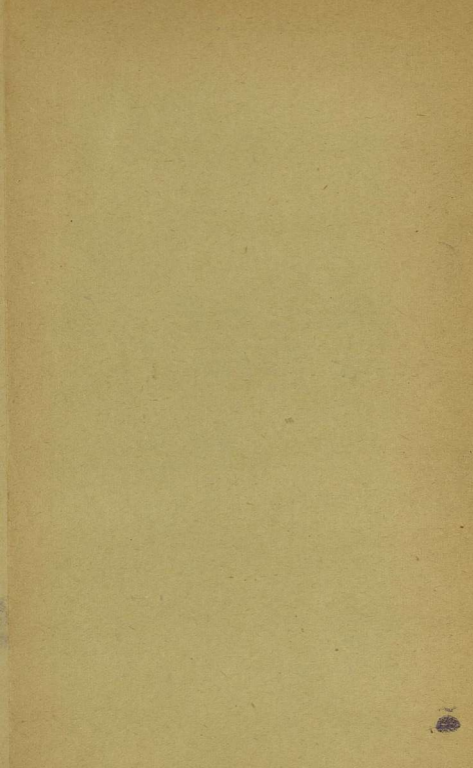
Глава I. Детство и юность Петра I	5
Глава II. Азовские походы	20
Глава III. Первое путешествие Петра за границу	32
Глава IV. Великая Северная война	46
Глава V. Строительство фабрик и заводов	64
Глава VI. Народные восстания	77
Глава VII. Окончание Северной войны	87
Глава VIII. Реформы управления	103
Глава IX. Реформы в области культуры	115
Глава X. Народы СССР при Петре I	129
Глава XI. Дело царевича Алексея	137
Глава XII. Пётр I в последние годы жизни	148
Заключение	165
Список литературы	171

Редактор *Г. П. Барин*
Техн. редактор *А. Ф. Федотова*

Подписано к печати 12/VI 1948 г. А. 04731.
Тираж 25000 экз. 11 печ. л., 8,76 уч.-изд. л.
В 1 печ. листе 35 000 зн. Заказ № 734.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

100-

2

1672 - 1725

Полн. собр. соч.